

Walter Moers

Вальтер Мёрс

Вальтер Мёрс родился 24 мая 1957 года в ФРГ, в городе Мёнхенгладбах (Mönchengladbach) Северорейнской Вестфалии. Мёрс известен как один из самых коммерчески успешных немецких авторов комиксов, а также как художник-иллюстратор и автор детских книг. Он не очень-то любит откровенничать с прессой и считается очень робким человеком, так что практически невозможно найти его фотографий, а его нелюдимость стала чем-то вроде «фирменного» знака.

После окончания школы Мёрс перепробовал множество работ, самостоятельно изучал рисование. Работы Мёрса начали печататься с 1984 года. Сначала это были сатирические зарисовки и комиксы, отличающиеся ироническим настроем и сознательным нарушением политкорректности. Многие из этих работ были опубликованы в сатирических журналах «Kowalski» и «Titanic». Мёрс до сих пор является штатным автором «Titanic», и в 2001-2002 году там вышла его серия про Дедмана, мертвого супергероя.

В дополнение к комиксам, рассчитанным на взрослую аудиторию, примерно с 1985 года Вальтер Мёрс сочиняет истории и книги для детей. В 1988 году была написана первая история Мёрса про Капитана Синего Мишку (Käpt'n Blaubär), ознаменовав начало «Замонийского» («Zamonien») цикла, к которому принадлежит и «Румо...». Во всех книгах цикла важное значение имеет игра слов, эти произведения полны намеков, скрытых отсылок, загадок, цитат и анаграмм, что очень нравится немецким поклонникам.

По материалам сайта © www.fantlab.ru

Румо и чудеса в темноте

Роман

Перевод с немецкого:
moringen

Выпуск №6

Walter Moers

Rumo & Die Wunder im Dunkeln

2003

Оглавление

Подземный мир.....	9
I. Шторр-жнец.....	17
Кровавая песня.....	18
Нефтяное озеро.....	21
Рала просыпается.....	23
Мёртвый Йети.....	23
История Шторра-жнеца.....	27
II. Гел.....	33
Кошмар.....	34
Театр.....	35
Уродливый карлик.....	36
Тощий чёрный.....	36
История Гаунаба девяносто девятого.....	38
Красное пророчество.....	38
Гаунаб первый.....	39
Клан деспотов.....	40
Открытие наземного мира.....	41
Вражеские войны.....	43
Рождение гомункелов.....	43
Театр красивых смертей.....	44
Деградация.....	45
Детская книга Нгуана Чугс Кана.....	47
Гаунаб шестьдесят второй.....	48
Города-ловушки.....	49
Медуза Туманного города.....	51
Гаунаб последний.....	53
Урс просыпается.....	54
История Фрифтара.....	54
Кривое зеркало.....	55
Медицинская дипломатия.....	57
Вольпертингеры.....	60
Енымед нипар.....	60
Орнт ла Окро.....	62
Холодные пещеры.....	64
Ледяное озеро.....	65
Мёртвые звери.....	67
Ледогруды.....	67
Конец ледяных пещер.....	73
III. Медная дева.....	75
История генерала Тиктака.....	75
Эффектный выход.....	78
Воин и король.....	80
Тиктак растёт.....	83
Медная дева.....	85
Больше смерти!.....	86

Невозможное задание.....	87
Искусство медленной смерти.....	89
Новые воины.....	90
Душа медной девы.....	91
Кусачие черви и паучий потоп.....	92
Осада.....	95
Первое сражение Ушана.....	96
История Нагельфара-паромщика.....	98
Ритвофа.....	99
Кровь нурний.....	99
Симфония смерти.....	105
Первое сражение Урса.....	108
Эвил-многорукый.....	109
Царство Яггдра Сила.....	111
Наркотик безумия.....	113
Первое сражение Гарры Мидгардского.....	115
IV. Укобах и Рибезел.....	118
Укобах и Рибезел.....	119
Формула Ралы.....	123
Лицо страха.....	123
Первое сражение Рольфа.....	124
Звон и белое пламя.....	125
Емизубе.....	126
Заложники.....	128
История Рибезела.....	130
Медвежий бог.....	133
Вопрос Тиктака.....	136
Короткая дорога.....	137
Кровяные тельца.....	139
Охотник.....	141
Проверка.....	142
Летающая вода.....	144
Врахоки.....	146
Лес ног.....	147
Война.....	150
Грот водяных камней.....	152
Пузырёк.....	153
История Тихона Цифоса.....	154
Подкожный эскадрон смерти.....	156
Представление.....	157
Гел.....	159
Патруль.....	160
Над угольными шахтами.....	161
Внутренности Гела.....	162
Солдат.....	163
Термометр смерти.....	164
Присосконогие пауки и разрывы труб.....	165

Умиравший мир.....	166
Шпион.....	168
Завоеватели.....	170
Холодный дух.....	171
Историческое место.....	172
V. Театр красивых смертей.....	174
Хьюго и Йогг.....	175
Эскорт.....	176
Много друзей.....	177
Три пояса.....	178
История Смайка и Колибрила.....	179
Много вопросов и загадка.....	180
Силы Ушана.....	181
Алмазные клещи.....	181
Серебряная нить.....	182
Башня.....	183
Тройное сражение.....	184
Рок.....	186
Мятежник.....	186
Исполнение предсказания.....	188
Один на всех.....	189
Стратегия.....	190
Театр красивых смертей.....	190
История Кромека, Цордаса и Цориллы.....	192
Дорога в подземный мир.....	193
Игра.....	195
Великолепная идея.....	197
Охрана театра.....	197
Царство смерти.....	199
Радость Гаунаба и страдание Фрифтара.....	203
Крупное сражение.....	204
Акустическое уютное управление.....	205
Штурм.....	207
Лестница.....	207
Идея Укобаха.....	208
Белое пламя.....	209
Триумф Гринцольда.....	210
В сердце.....	211
Девиз.....	212
Камера.....	214
Скорбь Тиктака.....	216
Сердце сердца.....	216
Красное чудовище.....	217
Чёрные исполины.....	218
Прощание Тиктака.....	219
Трещавший гость.....	220
Сюрприз Цифоса.....	221

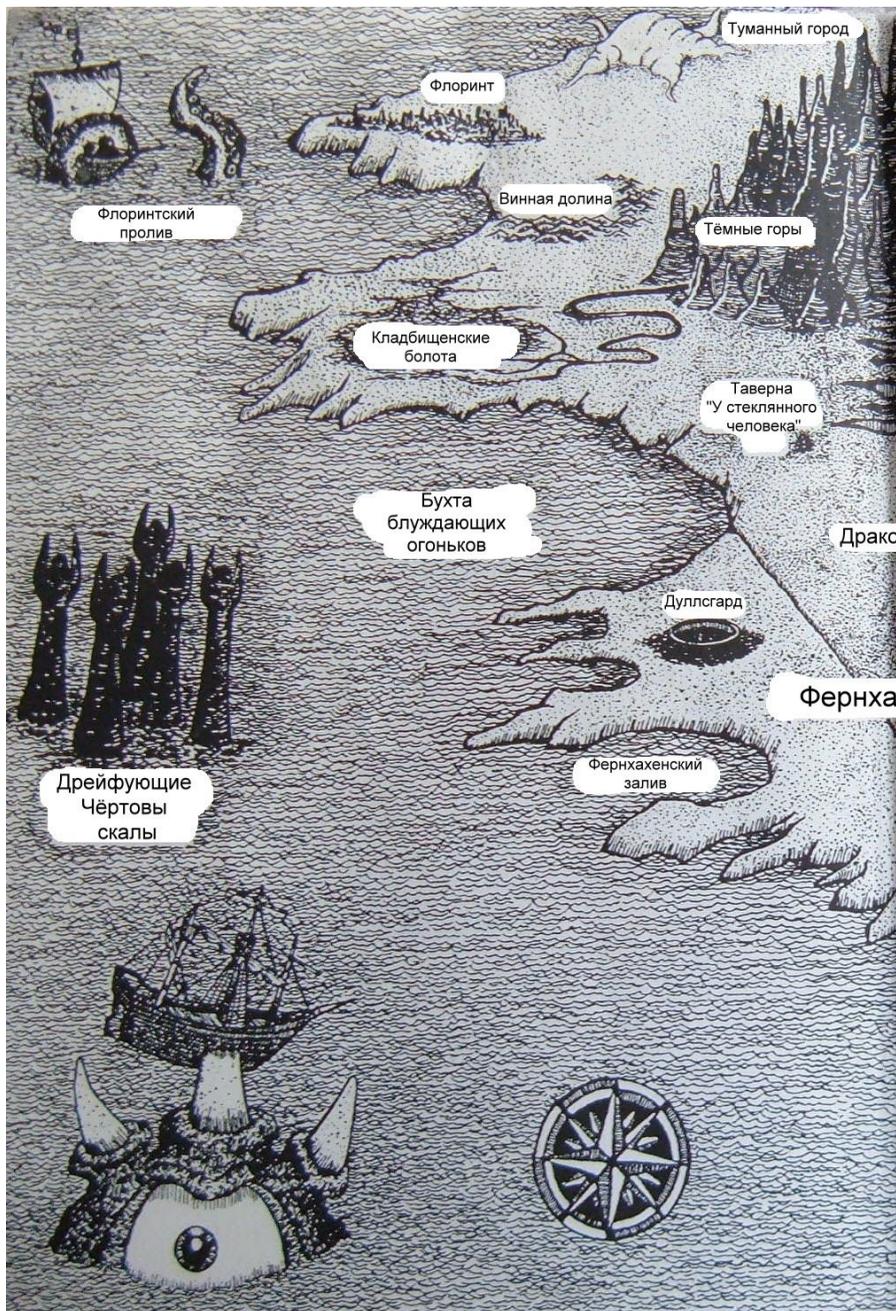
Камера пыток.....	223
Паук.....	224
Йети и вольпертингеры.....	225
Кристалльный скорпион.....	226
Фрифтар в засаде.....	227
Картина.....	228
Битва бессмертных.....	230
Мёртвые йети.....	231
Сцена для Тиктака.....	232
Акула.....	234
Вьющиеся нити.....	236
Сталь и кости.....	238
В крови.....	240
Генерал и великан.....	241
Точки подключения.....	245
Клетка.....	249
Операция.....	251
Удивление Фрифтара.....	252
Битва и пытка.....	253
Сердце в темноте.....	254
Замоним.....	256
Классическая музыка.....	260
Тиканье.....	262
Белая крыса.....	264
VI. Красное пророчество.....	266
Музыка жизни.....	269
Йелма.....	270
Спаситель.....	272
Властелин врагоков.....	273
Царство Гаунаба.....	274
Дорога Шторра.....	275
История из множества историй.....	276
Привал Врагоков.....	278
Мембрана.....	278
Сумма всех мучений.....	280
Не сон.....	281
У нефтяного озера.....	282
Большое недоразумение.....	282
Гаунаб всех Гаунабов.....	286
Запах смерти.....	287
Врагоки идут.....	288
Триумф алхимика.....	292
Площадь Чёрного купола.....	292

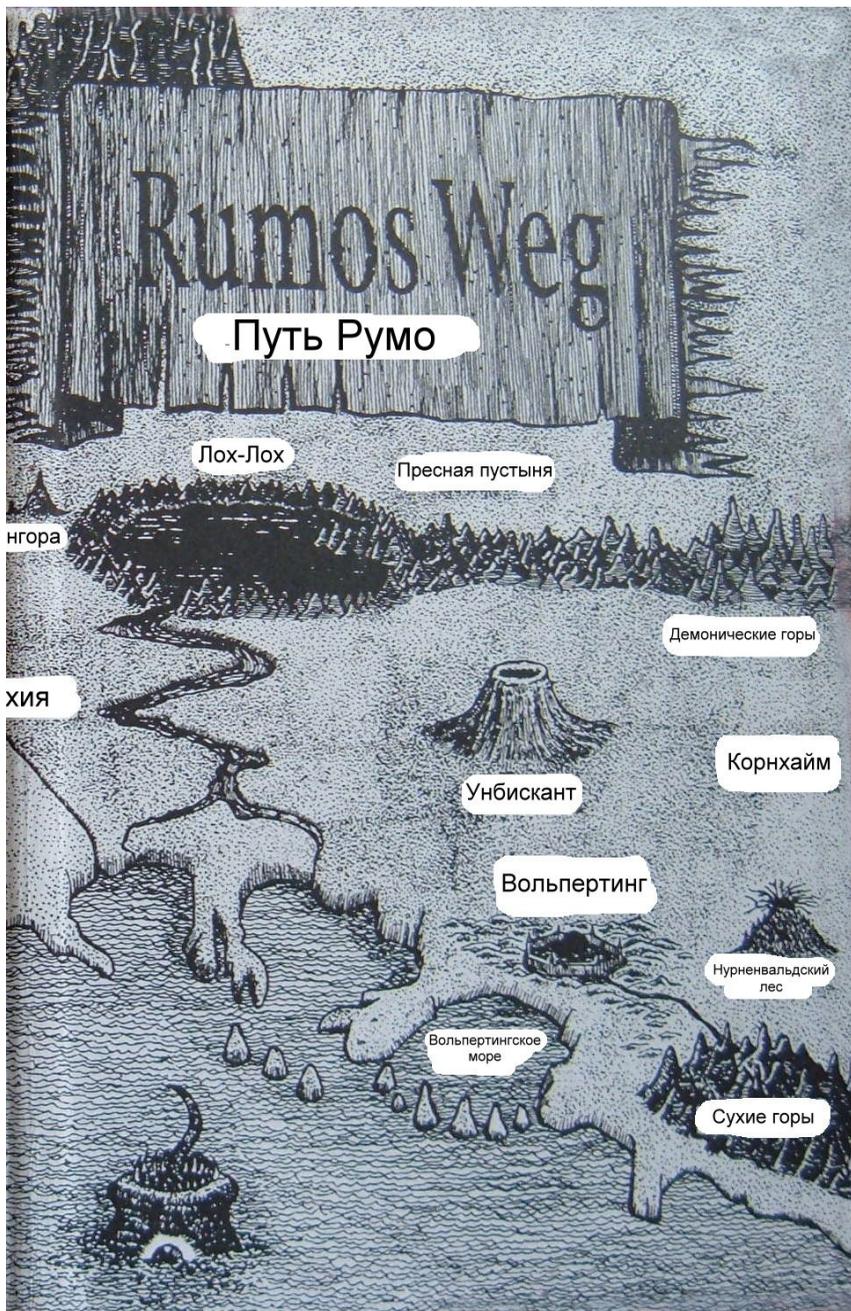

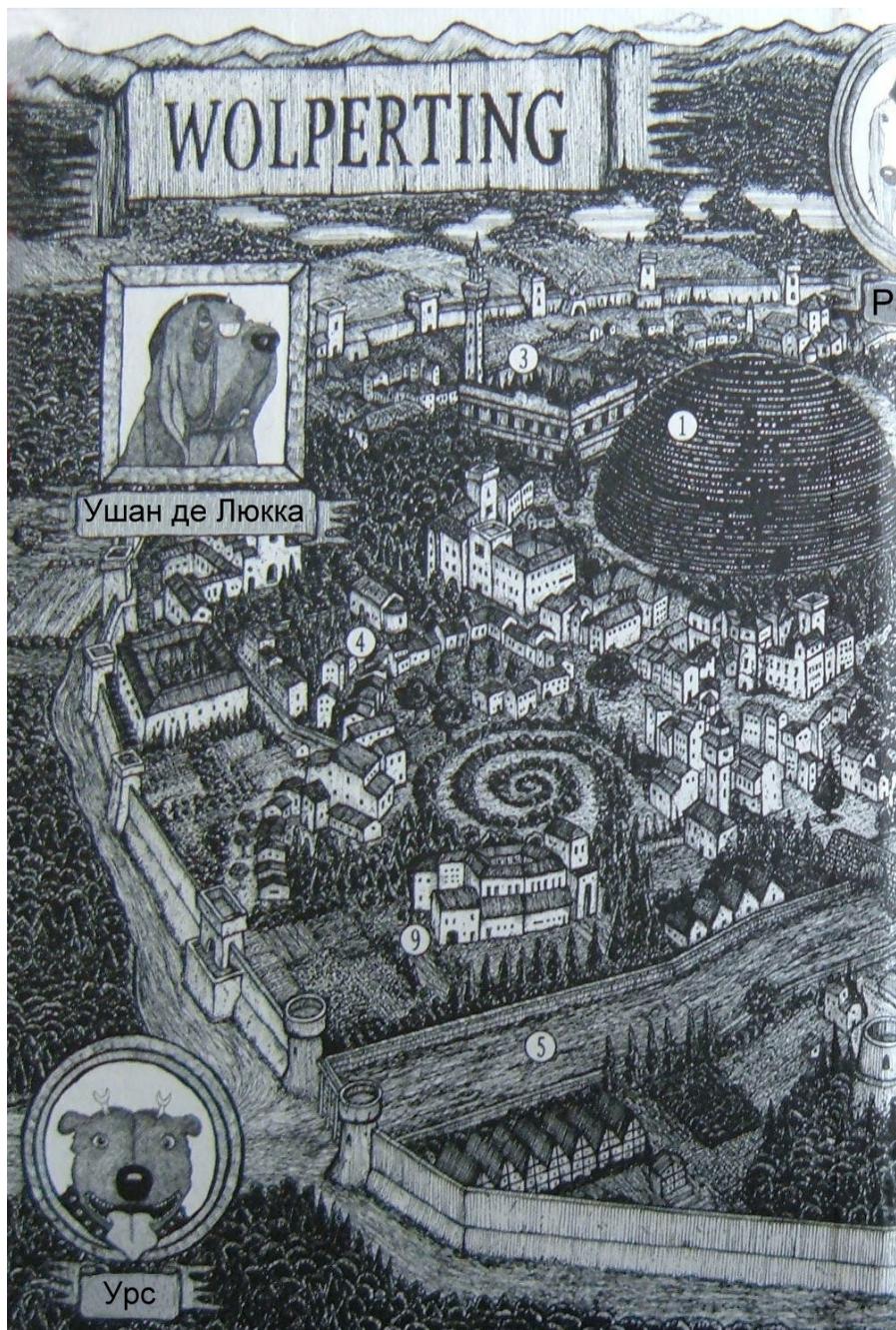
Вторая книга
Подземный мир

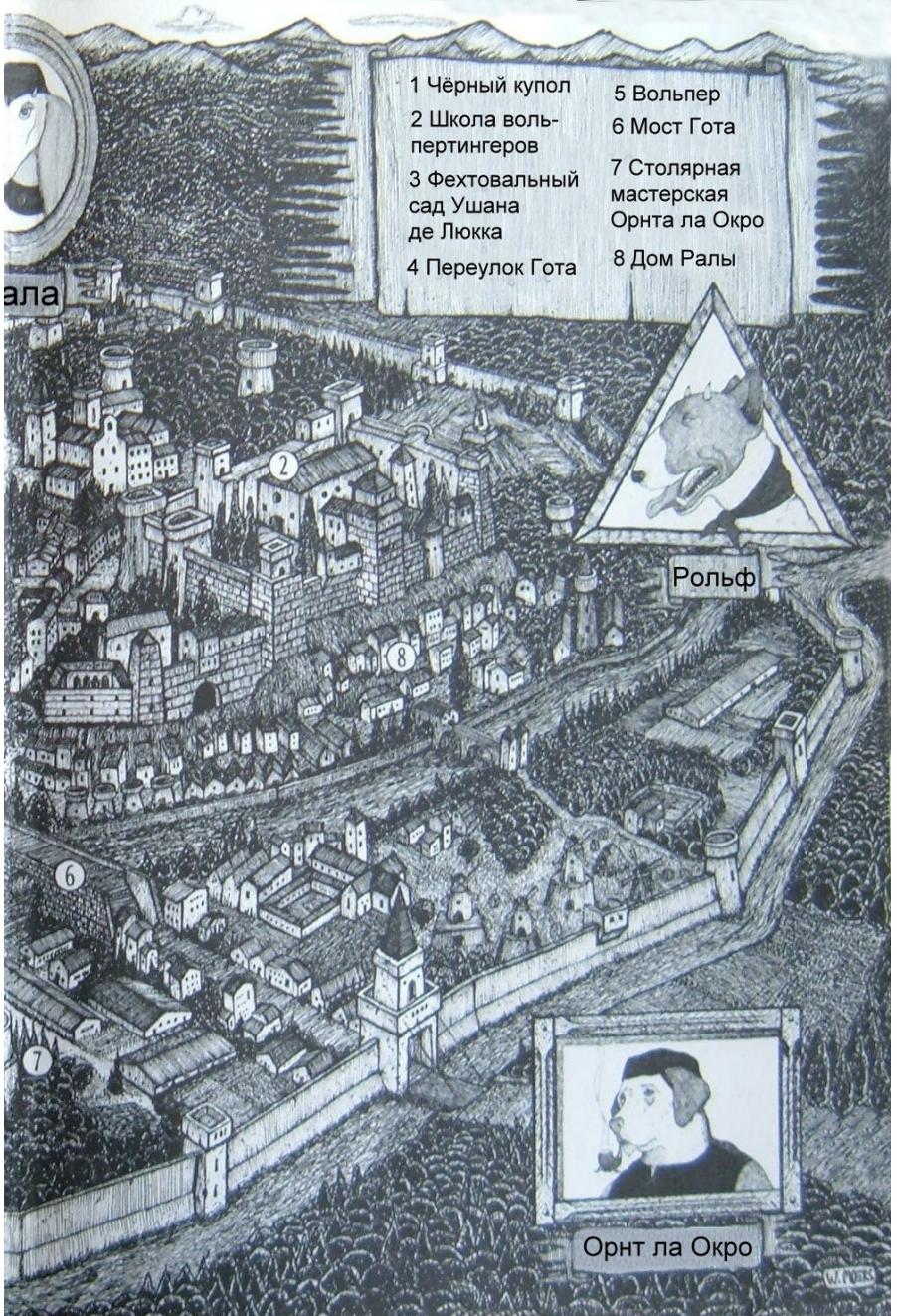

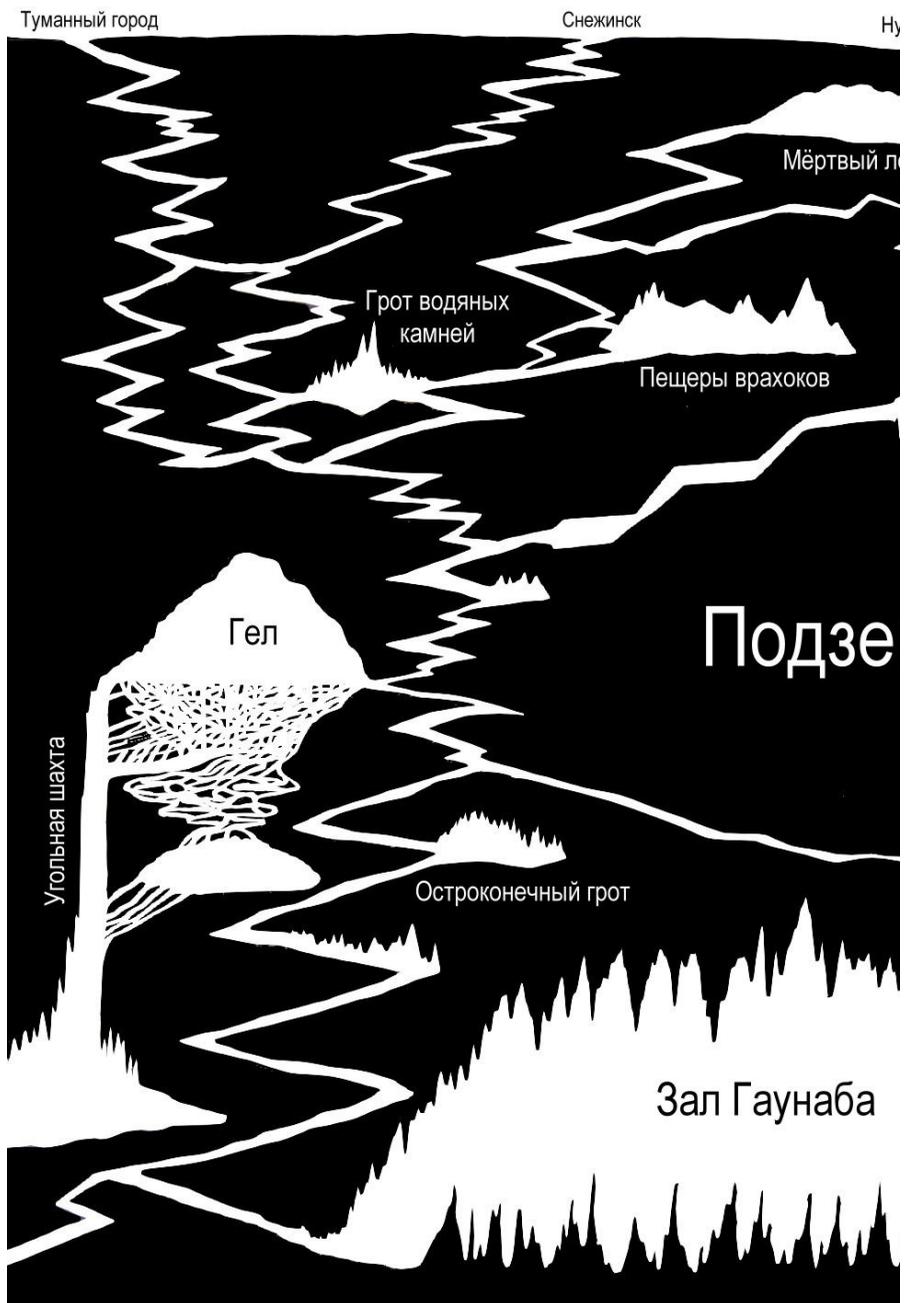
- I. Шгорр-жнец.
- II. Гел.
- III. Медная дева.
- IV. Укобах и Риббезел.
- V. Театр красивых смертей.
- VI. Красное пророчество.

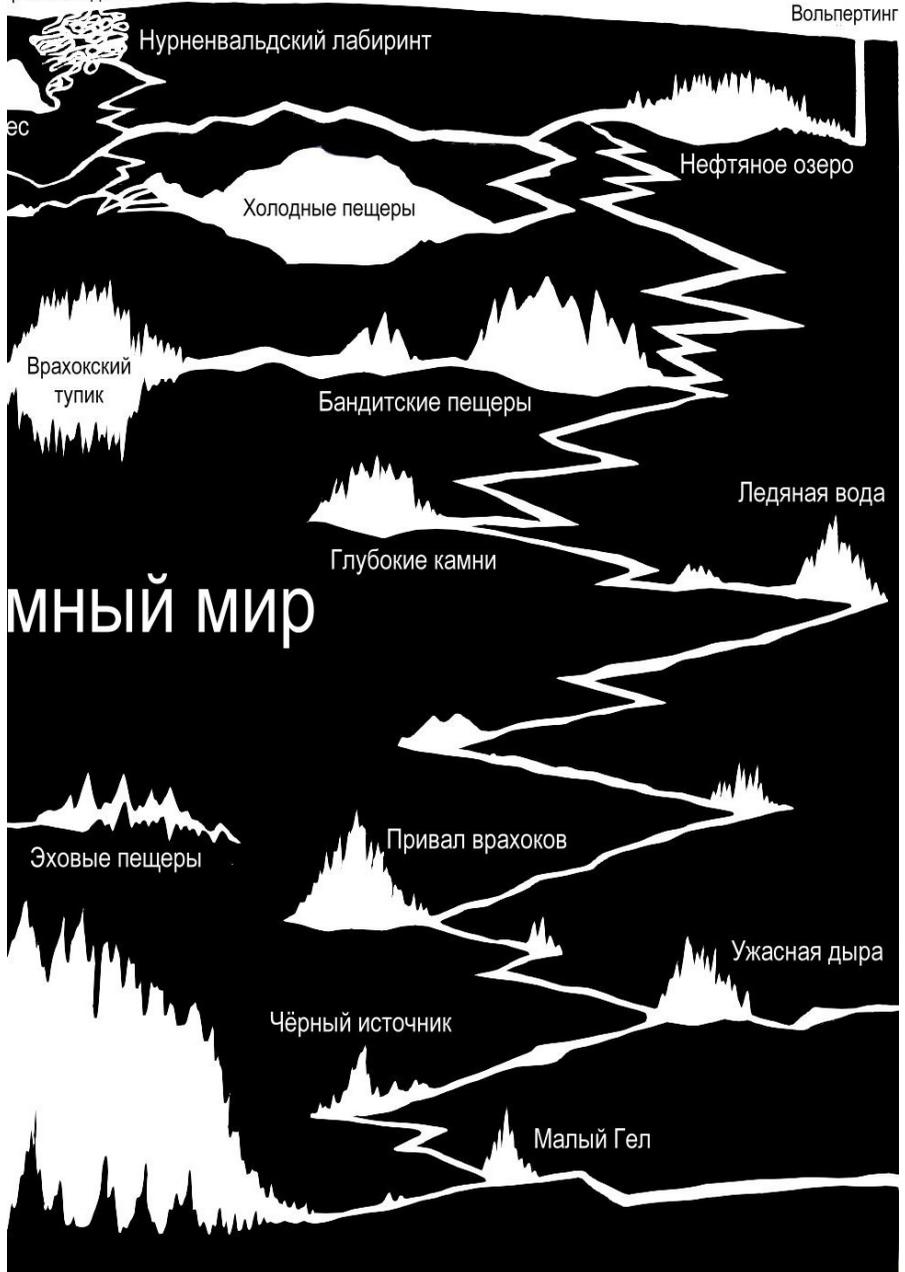

Нурненвальдский лес

Вольпертинг

1. Шторр-жнец

Румо долго и бессмысленно бродил по Вольпертингу. Кислый запах прогнал его от дыры, которая раньше была чёрным куполом, но он не нашёл другого места, где смог бы успокоиться. Каждый дом, каждая площадь, каждая улица напоминали ему о жителях Вольпертинга, о его сородичах и друзьях, а всё это вместе напоминало о Рале. Румо был в шоке, его разум не хотел верить тому, о чём говорили органы чувств: что вся его жизнь в одно мгновение бесследно исчезла с лица земли. Он не решался даже на секунду остановиться и принять безжизненную тишину, царившую в городе. И даже если это были только его собственные шаги на мостовой, его кашель и звуки, издаваемые открываемыми им дверям, когда он обыскивал дома и комнаты, то это было всё равно лучше безжалостной тишины.

Когда он, наконец, пришёл в себя, над Вольпертингом уже висела ночь. Ему стало стыдно, что он потерял столько времени, бессмысленно бегая кругом. Он направился в мастерскую Орнта ла Окро и нашёл там всё необходимое: смоляной факел, бутылку с водой, немного вяленого мяса и кремь. Мясо он положил в сумку, бутылку прикрепил к поясу, факел и кремь взял в руки и пошёл на площадь Чёрного купола.

– *Что ты хочешь делать?* – спросил Львиный зев.

– *Мы будем убивать?* – спросил Гринцольд.

– Мы направляемся в путь, – сказал Румо.

Когда они дошли до площади Чёрного купола, кислый запах почти полностью выветрился. Румо зажёл факел, встал на край дыры и осветил внутрь.

– Чёрный купол! Он не исчез! Он всё ещё тут!

Румо обошёл вокруг дыры, освещая факелом край. Втянутые внутрь острые края были не чем иным, как чёрным куполом, разделённым на шесть равных частей и опущенным в специальные щели в земле вокруг дыры.

– Чёрный купол – никакое не строение и не памятник. Это – дверь!

Теперь, когда кислый запах исчез, Румо мог закрыть глаза и прилечь. Серебряная нить опять появилась! Тонкая и дрожащая, но чётко видимая, уходила она внутрь огромной дыры и терялась в темноте.

– *И что сейчас?* – спросил Львиный зев.

– Мы спускаемся, – сказал Румо и вынул меч.

Кровавая песня

Лестница, ведущая под землю, была такой широкой, что целая армия могла бы по ней спуститься вниз. Каменные ступени были плоскими и местами покрыты слизью. Вглубь земли вели тысячи ступенек – этакое внушающее уважение произведение строительного искусства.

Румо недооценил глубину дыры. Он уже достаточно долго спускался вниз, как вдруг неожиданно потух факел и он остался в абсолютной темноте.

– Я ничего не вижу, – сказал он.

– *Это не хорошо*, – сказал Львиный зев.

Гринцольд застонал:

– *Один неверный шаг и мы будем внизу быстрее, чем нам хотелось бы.*

– Обычно я могу видеть с закрытыми глазами, – сказал Румо. – Но только когда есть звуки. А здесь всё так тихо.

– *Тогда ты должен сам издавать звуки*, – предложил Львиный зев.

– Что ты имеешь ввиду?

– *Ну, например, ты мог бы спеть.*

– Я не умею петь, – сказал Румо.

– *Все умеют петь. Кто-то лучше, кто-то хуже. Но петь может каждый.*

– Я не знаю ни одной песни.

– *Я знаю одну*, – сказал Гринцольд.

– Ты знаешь песню? – спросил недоверчиво Львиный зев.

– *Да. Я знаю много боевых песен. Мы пели их во время сражений.*

– *Боже мой! Но всё-таки лучше, чем ничего. И какая песня твоя любимая?*

– *Кровавая песня.*

– *Здорово звучит!*

– *Я мог бы её петь, а Румо будет за мной повторять.*

– *Другого нам не остаётся*, – вздохнул Львиный зев. – *Ну, тогда начинай. Песня. Три, четыре...*

– *Кровь!* – пропел Гринцольд.

– Кровь? – спросил Румо.

– *Ты должен петь, а не спрашивать!*

– *Крооооовь....!* – ещё раз пропел Гринцольд.

– *Крооооовь!* – прохрипел Румо.

– О! Боже мой! – воскликнул Львиный зев. – Ты на самом деле не умеешь петь.

– *Короче, поём мы или как?*

– Конечно, поём!

– *Ещё раз – крооооовь!*

– Кроооовь! – пропел Румо громко и фальшиво и закрыл глаза.

– Кроооовь! – Кроооовь! – Кроооовь! – Кроооовь! – Кроооовь! – отозвалось со всех сторон эхо.

Перед внутренним глазом Румо чёрная шахта заполнилась волнующимся призрачным зелёным светом, который постепенно становился слабее и вскоре совсем потух.

– Это действует! – сказал Румо. – Я вижу эхо.

– *Здорово! Пой дальше!*

– *Кровь! Кровь! Кровь!* – запел всей грудью Гринцольд.

– *Брызжет издалека!*

Кровь! Кровь! Кровь!

Льётся на платье врага!

Кровь! Кровь! Кровь!

Брызжет издалека!

Кровь! Кровь! Кровь!

Всем навсегда!

– Кровь! Кровь! Кровь! – робко повторил Румо.

Брызжет издалека!

Кровь! Кровь! Кровь!

Льётся на платье врага!

Кровь! Кровь! Кровь!

Брызжет издалека!

Кровь! Кровь! Кровь!

Всем навсегда!

Румо закрыл глаза. Шахта заполнилась бледным зелёным светом, и он различал все детали, каждую ступеньку, каждый камень в стене. Румо продолжил спускаться вниз.

– *Размахивай клинком*

и руби врага!

Руби и пой!

Убивай всегда!

– Размахивай клинком

и руби врага!

Руби и пой!
Убивай всегда!
– *Кровь! Кровь! Кровь!*
Брызжет из-да-ле-ка!
Кровь! Кровь! Кровь!
Льётся на платье врага!
– Кровь! Кровь! Кровь!
Брызжет из-да-ле-ка!
Кровь! Кровь! Кровь!
Льётся на платье врага!
– *Маши топором,*
Сноси башку троллю!

– *Что?* – возмущённо закричал Львиный зев.

– *Руби и пой!*
Так как это – тролль!
– Маши топором
Сноси башку троллю!
Руби и пой!
Так как это – тролль!
– *А теперь следующий куплет!*
– *Ну наконец...*
– *Мозг! Мозг! Мозг!*
Брызжет издалека!
Мозг! Мозг! Мозг!
Льётся на платье врага!

– *О-о-о-о-о...*, – простонал Львиный зев.

Так в тусклом зелёном свете эха спускался Румо всё глубже и глубже в бесконечную шахту. В некоторых местах не хватало целых пролётов или в камнях зияла широкая трещина. На одних ступеньках попадались лужи дурно пахнущей слизи, другие поросли мхом. Но сама лестница была аккуратно построена. На километры она уходила в глубину.

Голос Румо постепенно становился сильным, а однообразная демоническая песня начала раздражать его не меньше, чем Львиного зева. Только он решил предложить сделать перерыв, как заметил, что спуск закончился. Он стоял перед огромными каменными воротами, ведущими в тоннель. Румо открыл глаза и увидел слабый голубой свет, источник которого, вероятно, находился в конце тоннеля.

– Мы внизу, – сказал он. – Там дальше – свет.

– *Свет?* – спросил Львиный зуб. – *Откуда так глубоко под землёй свет?*

– А мы просто посмотрим, – сказал Румо.

Пол тоннеля был тоже покрыт лужами вонючей слизи. С потолка, который находился на высоте не менее ста метров, капала вода. Время от времени в темноте слышался писк, вероятно крысы или летучие мыши. Голубой свет в конце тоннеля становился ярче с каждым шагом.

– Странное место, – сказал Румо. – Кто всё это построил?

– *Очень тут уютно!* – сказал Львиный зев.

Когда Румо вышел из тоннеля, то на мгновение потерял чувство равновесия. Он стоял на каменной скале немного выдающейся вперёд над огромной впадиной. Низина из чёрно-голубых камней была покрыта множеством тёмных озёр. То тут, то там висел в воздухе светящийся туман. Над всем этим в сотнях метров над головой виднелся небосвод, вниз с которого свисали гигантские каменные сосульки. С этих сосуллек постоянно капала вода. Всё пространство вокруг было погружено в сверкающий голубоватый свет.

Румо был поражён таким необычным пейзажем.

Даже капли, летящие вниз с каменных сосуллек и собирающиеся в лужи, светились и казалось, что идёт дождь из голубого света. Чёрные птицы, или может быть летучие мыши, или что-то похуже летали над подземной долиной.

Румо вынул меч и поднял его вверх, чтобы Гринцольд и Львиный зев могли посмотреть на причудливую панораму.

– *Боже мой!* – прошептал Львиный зев.

– Откуда идёт это голубое свечение? – спросил Румо.

– *Наверное, от фосфоризирующих губок или грибов,* – объяснил Львиный зев. – *Я такое часто видел в пещерах.*

– *Подземный мир,* – сказал Гринцольд.

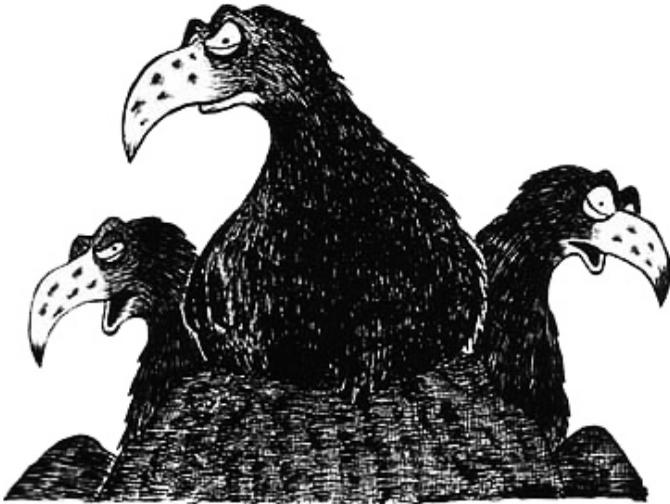
Нефтяное озеро

Каменная скала была влажной, а постоянно падающие сверху капли так её отполировали, что на ней почти невозможно было стоять. Любой неверный шаг мог закончиться сломанной шеей. Но Румо спускался медленно и осторожно и невероятным добрался до дна впадины.

Здесь внизу туман казался плотнее и одновременно с этим ярче, голубая вода падала как лёгкий дождик. Румо увидел и почувал, что тёмные

лужи были лужами нефти. Запах этого ландшафта был несравним ни с чем ранее известным Румо. Он был чужим и таинственным, ядовитым и опасным. Румо закрыл глаза. Серебряная нить танцевала где-то в глубине гигантской пещеры и терялась далеко вдали в голубом тумане. Румо решил следовать за нитью.

Нефтяные лужи стали попадаться чаще, а их запах становился назойливее. Румо приходилось их далеко обходить. У некоторых луж сидели маленькие пушистые существа с крючковатыми клювами. Они с любопытством и недоверием смотрели на незванного гостя и посылали ему вслед возмущённые носовые звуки.

Ядовитый запах был таким сильным, что Румо стало тяжело дышать. Он полез на небольшую возвышенность и, добравшись до её вершины, неожиданно остановился.

– Что случилось? – спросил Львиный зев.

Румо смотрел на огромную нефтяную поверхность. Она простиралась от левой стены пещеры до правой и терялась далеко впереди. Это уже не было лужей. Это было озером. Путь Румо был отрезан и когда он закрыл глаза, то с ужасом увидел, что серебряная нить пропала! Или тяжёлый запах нефтяного озера перебил её, или она на самом деле оборвалась. Румо не знал что делать. Беспокойно бегал он туда-сюда по берегу.

Голубой туман шевелился над озером, светясь и пульсируя, как живое существо.

Рала просыпается

Как только Рала открыла глаза, в нос ей ударил кислый запах.

Было абсолютно темно. Наверное, она проснулась среди ночи. Рала помнила лишь, как после тяжёлого дня совершенно без сил свалилась в постель. В небольшом озере около Вольпертинга она целый день проводила уроки плавания, пока руки не перестали её слушаться.

И когда она, наконец, пришла домой, то около дверей встретила Орнга да Окро, старого столяра. Ей показалось, что он хотел её что-то рассказать, но он просто быстро её поприветствовал и исчез в ночи. Почему в последнее время перед ней все так неестественно себя ведут? Она ужасно раскаивалась в своём прыжке в Вольпер.

Рала поела немного хлеба, выпила кружку молока и упала на кровать, где она могла ещё секундочку подумать о Румо, прежде чем уснёт.

А теперь она проснулась, её конечности всё ещё болели и были будто налиты свинцом. Они были такими тяжёлыми, что Рала не могла встать, такими тяжёлыми, что она не могла двинуться. На самом деле он совершенно не могла двигаться. Рала начала паниковать, она попыталась дёрнуться и кричать, но смогла выдать из себя лишь испуганное рычание.

Инстинктивно она включила своё обоняние. Тут был уже знакомый кислый запах, будто к ней прилипший, и ещё что-то.

Металл.

Да, Рала чувяла, что всё её тело было заключено во что-то металлическое – кокон из свинца.

Теперь она начала паниковать по-настоящему. Рала находилась в гробу. Она была заживо похоронена.

Мёртвый Йети

– Рала! – отчаянно закричал Румо и его голос полетел над озером. – Рала!

– Рала! Рала! Рала! – ответило многоголосое эхо откуда-то сверху, как будто оно заблудилось между сталактитами. Что-то угрожающе затрепало и захрустело, и вниз посыпались мелкие камни. Маленькие крючконосые пушистые зверюшки, которых тут была тьма тьмуца, мгновенно спрятались в щелях скал и под камнями. И тут раздался грохот: камень,

размером с большое бревно оторвался от потолка пещеры и упал в озеро, громко булькнул, и опять воцарилась тишина.

– *Очень нестабильная тут обстановочка!* - заметил Львиный зев.

– Эй! – прошептал чей-то голос прямо из тумана. – Ты с ума сошёл?

Румо крепче схватил меч.

– *Битва?* – спросил Гринцольд.

– Не знаю, – сказал Румо. – Там кто-то на озере.

Неизвестное и непредсказуемое существо? Говорящий туман? Живая нефть? Он был готов ко всему.

От тумана отделилась тень и превратилась в длинную лодку, в которой находилась фигура исполинских размеров. Фигура была замотана в чёрный плащ с капюшоном и стоя управляла лодкой, отталкиваясь от дна шестом.

– Ты что, совсем чокнулся, малыш? – прошептала фигура. – Кто же тут так орёт? Этот проклятый камень чуть в меня не попал!

– Извините! – сказал Румо.

– Тс-с-с-с! – прошипел закутанный великан. – Здесь только шепчутся, понятно?

Румо кивнул.

– Что ты тут потерял? – великан аккуратно причалил к берегу.

– Я кое-кого ищу. Моих друзей.

– Ох-ох-ох! Ты один из этих дворняг? Точно! Это были твои друзья?

– О чём ты говоришь?

– Послушай, малыш: твои друзья проходили тут. И ты должен радоваться, что тебя с ними не было. Ты можешь жить. Они должны умереть. Так что иди туда, откуда пришёл. И радуйся жизни. Ты настоящий счастливец, – и чёрная фигура попыталась отчалить от берега.

– Подожди! – громко крикнул Румо.

С потолка пещеры посыпались камни.

– Тс-с-с! – прошипел великан. – Тебе жить надоело?

– Ты знаешь где, мои друзья? – прошептал Румо.

– Может быть.

– Можешь меня туда отвести?

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что я не такой сумасшедший, как ты!

– Можешь перевезти меня через озеро?

– Могу, но не повезу.

Румо задумался.

– А что если я начну кричать, и всё тут развалится?

– Ты на это не решишься!

– Рала! – со всей силы закричал Румо. – Раааалааааа!

По пещере пронёсся треск, вдали что-то хрустнуло и они услышали, как там, вдалеке, в озеро с глухим грохотом упал сталактит. По нефтяной поверхности пошли мелкие волны.

– Садись! – прошипел великан, втянув голову в плечи. – И не открывай рта! Тебе на самом деле надоело жить!

Румо запрыгнул в лодку.

– Сядь! – прошептал чёрный. – И заткнись!

Румо послушался. Великан отчалил от берега. Беззвучно поплыли они в светящемся тумане.

– Ты их видел? – прошептал Румо.

– Может быть. Может быть, я видел, как врахоки перенесли через озеро толпу дворняжек. Может быть, они были без сознания и висели в сетях. А может и нет.

– Врахоки?

– Я сказал врахоки? Может быть. А может и нет.

– Можешь отвести меня туда, куда унесли моих друзей?

– Может да, а может и нет. Это невозможно.

– А ты знаешь, что я умею петь? Не очень хорошо, зато громко!

Богатырь ухмыльнулся.

– Кровь! – оглушительно громко запел Румо. – Кровь! Кровь брызжет издалека!

Сталактиты затрещали, как тающие на солнце сосульки.

– Тс-с-с-с! Прекрати! Ты – псих! Я не могу тебя туда отвести! Это слишком далеко. Я отвезу тебя к другому берегу и всё на этом. Дальше ты должен идти сам.

– Согласен.

Некоторое время они плыли молча. Затем лодочник спросил:

– Скажи-ка, откуда ты, собственно говоря, знаешь эту демоническую песню? Где же я мог её слышать?

– *Эй!* – раздался в голове Румо голос Гринцоляда. – *Откуда я знаю этот голос?*

– Можно спросить, кто или что ты? – спросил Румо.

Фигура повернулась. Около капюшона пролетел лоскут тумана и осветил череп с близко стоящими пустыми глазницами и мощным выступающим вперёд подбородком. Необычным и пугающим было то, что череп был не белого, а чёрного цвета.

– Я – мертвец, – сказал скелет.

Румо съёжился и немного отодвинулся назад.

– Эй, только не наделай от страха в штаны! Я сказал, что я мертвец, а не смерть. Не путай посланника с посланием.

– *Секундочку!* – сказал Гринцольд. – *Эту фразу я уже однажды слышал! Этот голос... мне знаком этот голос...*

– И осторожнее там, на сиденье, не дёргайся сильно, а то наткнёшься на мою косу!

Румо заглянул под сиденье. И точно, там лежала огромная коса.

– *Коса? Ну, конечно! Клянусь всеми демонами!* – проревел Гринцольд. – *Это он! Это тот тип, который меня убил!*

– Коса? – непонимающе спросил Румо. – Что ты ею тут внизу делаешь?

– Головы кошу!

– *Конечно! Например, мою!* – рассердился Гринцольд. – *Это он! Это мой убийца! Я хочу его убить! Дай мне это сделать! Пожалуйста!*

– Заткнись! – тихо пробормотал Румо.

– Что ты сказал? – подозрительно спросил скелет.

– Ничего! – ответил Румо.

– Спроси, как его зовут! Спроси его имя!

Румо задумался: как может он встретить тут внизу кого-то, кто сотни лет назад убил там, наверху, в Замонии Гринцольда?

– Как твоё имя? – спросил Румо.

– Моё имя? – хрюкнул перевозчик. – Все зовут меня Шторр-жнец.

– *Я знал!* – заревел Гринцольд. – *Шторр-жнец! Невероятно! Шатается тут кругом безмятежно! Это же хладнокровный убийца! Вытаскивай меня! И дай мне его убить! Пожалуйста!* – А как тебя зовут? – спросил Шторр-жнец.

– Румо.

– Румо? Скажи, а тебе уже говорили, что...

– Да, говорили.

– *Румо, ты должен его убить, слышишь? Пожалуйста! Моя смерть на его совести! Убей его! Убей его так жестоко, как только можешь!*

Румо попытался игнорировать вопли Гринцольда.

– Шторр-жнец, есть у тебя история? – спросил он.

– У каждого есть история, – ответил Шторр. – А в моей гарантированно имеется даже пара-другая трупов.

– Расскажешь мне? – вежливо попросил Румо.

История Шторра-жнеца

Как корабль-призрак беззвучно скользила лодка в светящемся тумане по чёрному озеру. Шторр снял капюшон и посмотрел на Румо пустыми глазницами.

– М-да, – начал он. – Я тут немного приврал. Вообще-то, по правде, я не совсем мёртв. Иначе я бы тут не болтался, а? – скелет хрипло засмеялся.

– По-сравнению с настоящим мертвецом я очень даже жив, но по сравнению, скажем, с тобой, я – полутруп. Моя история – сумасшедшая и я не требую ни от кого в неё верить... Но тому, кто будет утверждать, что это ложь, я срежу своей косой голову, как цветок полевого мака. Ты понял меня?

– Понял, – сказал Румо.

– Она начинается так: наша армия Диких йети с Северных гор блуждала по Замонии, чтобы, м-да, чтобы нести всем страх и ужас, ну то, чем обычно занимаются йети, когда они молоды. Мы думали, что мир принадлежит нам и если понимать это дословно, то в то время он нам и принадлежал.

Румо посмотрел вперёд на озеро. Его поверхность переливалась всеми цветами радуги.

– Что это были за времена! У нас внутри всё горело! Не важно, в какой кабак мы заходили – оркестр сразу же замолкал и мы получали бесплатное пиво. Кто мог нас остановить? Мы направлялись к Драконгоре, так как в то время это было именно тем, чем занимались все армии наёмников – осаждали Драконгору.

– Я знаю, – сказал Румо.

– Ты что, силен в истории? М-да, тот, кто не участвовал в осаде Драконгоры, не считался настоящим солдатом. Судя по слухам, там было чем поживиться: гигантский алмаз размером с дом, шахты, в которых можно голыми руками отламывать золото со стен, пещеры, полные драгоценных украшений. "Эй!" – крикнули мы, подойдя к горе. "Вы, тупые динозавры! Сейчас мы к вам поднимемся и пнём под ваши толстые динозавровые зады!" – скелет глухо засмеялся.

– И тогда они вылили на вас смолу, – тихо сказал Румо.

– Эй, откуда ты знаешь? – йети был удивлён. – Точно, парень, проклятые динозавры залили нас смолой. Что это было за свинство! А что нам оставалось делать? Мы же – йети! Пара капель смолы не заставили нас обратиться назад в горы. "Эй, буквоеды!" – ответили мы. – "Тупые писаки, это всё, что у вас есть?"

– И тогда они вылили на вас расплавленный свинец, – сказал Румо.

– Проклятье! Малыш, ты на самом деле кое-что знаешь! Хочешь сам дальше продолжить?

– Да, ладно, – ответил Румо. – Извини.

Йети упёрся в шест и оттолкнул его:

– Ну вот, теперь я забыл, на чём остановился...

– Они облили вас свинцом, – помог Румо.

– А, точно. Кипящим свинцом. И я скажу тебе – это уже кое-что покрепче. Мы потеряли половину наших парней. Можно сказать, что с того момента началась наша полоса неудач, – йети обернулся и тихо засмеялся. – Неудач, понимаешь?

Румо механически засмеялся.

– Итак, мы отступили. И теперь только начинается по-настоящему ужасная часть моей истории, можешь мне поверить, – Шторр вздохнул и повернул лодку, объезжая скалу.

– Мы опять двинулись по Замонии, так, зигзагом, понимаешь? Так как каждый раз, когда мы встречали на своём пути что-то, хоть немного напоминающее крепость или замок, мужество покидало нас, а некоторые мои солдаты начинали плакать. Армия хнычущих йети – не очень приятное зрелище, особенно, если ты – предводитель. Нам срочно нужна была

победа, понимаешь, хоть одно победоносное сражение, иначе вскоре наступил бы конец армии диких йети. И вот мы стоим на границе Унбисканта. Знаешь Унбискант?

– Я как-то читал, что Унбискант состоит из мыслящего зыбучего песка, – ответил Румо.

– Ты один из этих умников, которые умеют читать? Нечего теперь удивляться, что у тебя не все дома, – сказал йети. – Но ты прав – мыслящий зыбучий песок. Но тогда я не знал этого. Итак, мы подходим к границе Унбисканта, а там никакой армии защитников, никаких стен, ничего. Только песок. Только я хотел подать сигнал к атаке, как в моей голове прозвучал голос:

– Не делай этого. Я – мыслящий зыбучий песок. Вас затянет в меня.

Шторр иронично засмеялся.

– Конечно, я подумал, что это трюк. Мы слышали об огромных соковищах, находящихся в жерле вулкана в центре страны, поэтому меня, как молодого йети, какой-то голос в голове не мог привести в замешательство. Я выстроил свою армию в одну шеренгу и отдал приказ к наступлению.

На мгновение Шторр перестал отталкиваться шестом.

– М-да, нас затянуло в зыбучий песок. Всех, после первого шага. Хлюп – и нас нет! Очень неприятная вещь задохнуться в зыбучем песке, могу я тебе прошептать.

Он оттолкнулся шестом, и лодка поплыла дальше.

– Но это ещё не всё, о, нет! Зыбучий песок не просто убивает, он отделяет тебя по полной программе – он стирает мясо с твоих костей. Мы скользили всё глубже и глубже и песчинки стирали наши лица. Они засыпались к нам в нос и в череп, смешивались с нашими мозгами. И теперь всё началось сначала, так как хотя мы давно уже были мертвы, мы начали опять мыслить! Моя голова всё ещё заполнена мыслящим песком.

Йети покачал головой и Румо услышал шорох пересыпающегося песка.

– Не знаю, как долго, как далеко, через какие подземные каналы и дыры мы скользили вниз. Мне показалось это вечностью. Быть заживо погребённым – ничто по сравнению с этим! И потом, наконец, мы вышли наружу в этой пещере – выпали через дыру в потолке и шлёпнулись в это проклятое озеро, все, кто ещё из нас остался. Нефть впиталась в наши кости, сделала их чёрными и гибкими. Не знаю, что в этой нефти есть, знаю лишь только, что в ней целая куча энергии. В ней полно жизни, сохранившейся с древних времён, жидкая сила! Итак, мы – мертвы, но всё-таки

немного живы. Бессмертные, так, кажется, говорят. Ни целое, ни половина. С полными черепами мыслящего песка.

Румо был поражён. Гринцольд тоже замолк. Судьба йети удивила даже его.

– Чтобы чем-то заняться, мы вырезали лодки из огромных кусков каменного угля и с тех пор плаваем здесь. Редко когда у нас появляется пассажир. М-да, вот моя история, парень. По крайней мере, до настоящего момента.

– Очень интересная история!

– Я же говорил!

Туман немного рассеялся и лежал на нефти как тонкое искрящееся голубое покрывало. Румо вдруг увидел ещё лодки, скользящие к ним, с похожими на Шторра закутанными большими фигурами в них.

– Мои солдаты, – гордо сказал Шторр. – Мои бессмертные солдаты.

– Куда именно мы плывём? – спросил Румо.

– К другому берегу. Тебе же надо в Гел, или нет?

– Гел? Что такое Гел?

– Город дьявола. Безумное королевство Гаунаба. Туда отнесли твоих приятелей.

– Здесь внизу есть город?

– Да, и что за город!

– Кто такой Гаунаб?

– Ну, властелин Гела. Сумасшедший, – Шторр покрутил пальцем у виска.

– Если там мои друзья, то я иду туда. Я хочу в Гел!

– Я так и думал. Ты совсем спятил, – засмеялся скелет.

– Эй, парни! – крикнул Шторр. – Гляньте, у меня клиент!

– Тс-с-с! – сделал Румо и показал вверх.

– Здесь больше нет сталактитов, – Шторр посмотрел вверх на потолок пещеры, гладкий и чёрный. – Здесь мы можем нормально разговаривать.

Другие лодки подплыли ближе.

Существа в них были похожи на Шторра и носили такие же плащи. Из капюшонов выглядывали чёрные черепа, а в лодках лежало тяжёлое оружие: мечи, дубинки, топоры. Лодки подплывали медленно, со всех сторон. Румо стало не по себе. Он положил руку на рукоятку меча.

– *Убей его!* – прошептал Гринцольд.

– Этот малыш хочет добровольно в Гел! – смеясь, сказал Шторр своим парням – Как вам это нравится?

– Отличная идея!- крикнул в ответ один йети. – Почти также хороша, как шагнуть в зыбучий песок.

– Точно! – крикнул другой. – "За мной!" – сказал он. "За мной, парни, скоро мы станем богатыми!"

Йети грязно засмеялись.

– И я должен теперь это вечно выслушивать, – пробурчал Шторр. – Вот сделаешь один раз ошибку...

– Эй, парень! – крикнул один из йети. – Будь осторожен, не попади к врахам, когда пойдёшь в Гел.

– Заткнись, Окко! – приказал Шторр.

– Кто такие врахи? – спросил Румо.

– Послушай, – сказал Шторр и наклонился к Румо. – Я понял, что тебя не отговорить от желания пойти в Гел. Это полное безумие, но я не возражаю... Если я расскажу тебе, кто такие врахи, тогда ты всё ещё раз серьёзно обдумаешь. Итак, рассказать тебе, про врахов?

– Нет, – ответил Румо.

– Эй, парни, он не хочет, чтобы его отговорили! – крикнул Шторр. – Это я называю это смелостью. Это такой вид смелости, которого у нас больше нет.

– Этот малыш просто дурак! – ответил ему Окко. – С тех пор, как в моей тылке мыслящий песок, я дважды подумаю, прежде чем что-то сделаю. И последнее, что я бы здесь внизу сделал, так это добровольно пошёл бы в безумный город.

– Именно! – сказал Шторр. – Мы слишком много думаем. Мы превратились в банду трусов.

– Ну, тогда иди с ним! – крикнул Окко. – Покажи парню дорогу в Гел. Так, как ты нам показал дорогу в зыбучий песок.

Шторр торопливо начал грести дальше.

– Тупицы! – фыркнул он. – Такие злопамятные!

– Прости нас, малыш! – крикнул им в спину Окко. – Мы мертвы, но нам всё ещё не надоело жить!

Его приятели засмеялись.

– Ты понял, да? – сказал Шторр. – Проклятье, они мертвы! Но всё-таки они не достаточно безумны, чтобы пойти в Гел. Здесь, внизу, нет пощады. Нет законов. В Геле царит безумие, это – гигантская психбольница Гаунаба.

Вдалеке показался берег. Румо беспокойно ёрзал.

– И как я попаду отсюда в Гел?

– Есть несколько путей. Я на самом деле не знаю, какой тебе посоветовать. Они все опасны. Ты можешь пойти через *Зал Гаунаба*, но этот путь длиннее, намного длиннее, чем другие, да и вероятность встретить вражеских самая высокая. Ты можешь пойти через *Холодные пещеры*, но там очень холодно и там, кажется, живут ледогруды. Есть тайные тропы через потолок подземного мира, но их надо очень хорошо знать, если не хочешь заблудиться. Лучше всего иди просто прямо, все пути подземного мира рано или поздно приводят в Гел. Вопрос лишь в том, как далеко ты сможешь пройти. Здесь, внизу, есть только два направления – вперёд и назад.

– Я не пойду назад.

Шторр вздохнул. Лодка ударилась в берег. Румо выпрыгнул на землю.

– Ну, ладно, – сказал Шторр. – И когда ты дойдёшь до Гела, что будешь делать?

– Я войду в город и освобожу моих друзей. А затем я подарю Рале шкатулку.

– Кто это Рала? И что за шкатулка?

– Рала это... моя возлюбленная, – неуверенно сказал Румо. – Я вырезал для неё шкатулку из древесины нурненвальдского дуба.

– Ого! – засмеялся Шторр. – Всё лучше и лучше! Шкатулка! И из-за неё ты в одиночку идёшь в Гел? С этим ножом для сыра?

– *Замочи его, пожалуйста!* – простонал снова Гринцольд.

– Что-то подобное я уже сделал. Без ножа.

– Ну, конечно, сделал, малыш. Ты мне нравишься, – ухмыльнулся Шторр. – У тебя точно крыша поехала.

– Спасибо, – сказал Румо.

– Это не было комплиментом, – сказал Шторр. – Это было оскорблением.

– Я поблагодарил не за оскорбление, – сказал Румо, – а за перевоз.

Шторр засмеялся, затем оттолкнул лодку от берега и исчез в тумане.

II. Гел

Урс не удивился, что Румо не явился к ужину. В последнее время это не было редкостью. Румо избегал любого общества и предпочитал по вечерам в одиночку бродить по пустым переулкам Вольпертинга. Домой он возвращался чаще всего поздно ночью и сразу ложился спать.

Урс надеялся, что его предложение расспросить оракула Орнта ла Окро подействует. С того момента, как он познакомился с Румо, жизнь его стало намного сложнее: утомительные уроки фехтования в лесу, бесконечные ночные разговоры, драки с Рольфом, его обязанности в качестве городского друга. Пока Румо не появился здесь, всё было гораздо спокойнее. Скучнее, можно сказать, но Урс ценил скуку. Он даже культивировал её.

Поэтому он с удовольствием воспользовался вечером без Румо, чтобы немного насладиться своей культивированной скукой. Обязательной частью вечера был очень скучно приготовленный ужин, в данном случае это было говяжье жаркое, старательно наштипованное дюжиной чесночных зубчиков и тушёное полдня в печке.

Урс раздумывал, не почитать ли ему заодно какое-нибудь приключение Хладнокровного принца? Но, нет, это слишком волнующе. Посмотрим. Что же такого могла предложить его маленькая библиотека, что побережёт при чтении его нервы? Ага, вот – *Пятьдесят пять способов карамелизации сахара*. Но нет, это он уже выучил наизусть. Стой-ка, а это – *Для любителей сада*? Ужасающе скучное чтиво об уходе за маленьким садом Данцелота Стихоплёта, безнадежно устаревшего писателя Драконго-ры. Да, это именно то, что нужно. Он ещё раз прочтёт главу о голубой цветной капусте.

Урс вынул из формы жаркое, откупорил бутылку давно припасённого красного вина, сел с вином, мясом и книгой за кухонный стол и начал великолепно скучать. В конце концов, он уснул на столе.

Когда Урс проснулся, в первую очередь он почувствовал кислый запах. Его вытошнило? Чушь, так много он не выпил! А как он дошёл до кровати? И почему кровать такая жёсткая? Ох, он же лежит на полу! Урс попытался встать, в темноте что-то звякнуло, и он почувствовал холодный металл на своём запястье. Его приковали цепью! Кто это сделал? Тройняшки пошутили? Или это всё ещё сон?

Он услышал длинный, шаркающий звук, в темноте появилась щель и беспокойный свет, похожий на свет факелов, осветил помещение.

Это была не его комната. Урс находился в тесной камере без окон и без мебели, построенной из грубых чёрных камней. Единственной примечательной вещью в этой камере были две дыры в полу, размером с кулак, из которых выходили цепи, сковывающие его запястья. Что это за звук, доносящийся снаружи? Шум голосов? Столпотворение?

Урс встал, отпрыгнул чем-то кислым, и ему стало плохо. Затем он, шатаясь, зашагал к двери. Цепи почти не мешали ему. Чем дальше он шёл, тем больше звеньев появлялось из дыр.

Кошмар

Когда Урс вышел из камеры наружу, то увидел, что свет на самом деле исходил от двух больших факелов, укреплённых в стене справа и слева от него. На несколько секунд он был ослеплён светом, но постепенно привык к новой обстановке. Урс вышел на улицу, вправо и влево от него уходила каменная стена с множеством дверей и факелов. Над ним была темнота. На другой стороне улицы находился каменный парапет, за которым и скрывался источник многоголосого шума и смеха.

Урс знал сны такого типа. Очень правдоподобные, красочные кошмары полные ощущений и обильных, подробных архитектурных сценариев, в которых чаще всего происходили ужасные вещи, пока он не просыпался: землетрясения, наводнения, огненные ураганы и метеоритные дожди. Это была цена, которую платил Урс за свои поздние ужины: кошмары, посылаемые ему в качестве штрафа его перегруженными органами пищеварения.

В этот раз ощущения были особенно интенсивными. Урс чуял такое огромное количество запахов, которое он в последний раз чуял на ярмарке около Вольпертинга: аромат еды, испарения живых существ, горящее масло.

Из двери слева от него вышел ещё один вольпертингер. Урс встречал его, но не помнил его имени. Его руки тоже были в цепях, и он также был сбит с толку.

– Урс? – спросил вольпертингер. – Это ты?

Урс пошёл дальше к чёрной стене. Цепи тянулись за ним. С каждым шагом шум голосов становился громче, а его беспокойство – сильнее. Что было там за стеной? И вообще, правильно ли хотеть это выяснить? Не умнее было бы спрятаться в своей камере и подождать, когда он проснётся?

Театр

Урс посмотрел через стену. Отсюда он видел только лишь круглую, нет, восьмиугольную арену, освещённую сотнями факелов – пустую площадку аккуратно и равномерно посыпанную белым песком. Очевидно, он находился на балконе, обходящем по кругу все восемь углов этого гигантского театра. Над ним возвышался ещё один уровень, немного отодвинутый назад. Он был пуст. А под ним, на самом большом балконе этого кошмарного театра находились зрители. Урс отпрянул назад. То, что он увидел, ещё больше подтверждало, что всё ему только снилось, поскольку такого сборища необычных живых существ невозможно было найти нигде на этом свете.

Он опять наклонился вперёд, чтобы рассмотреть их внимательнее. Примерно половина зрителей была прямоходящими двуногими существами со схожим светлым, иногда мертвенно-бледным цветом кожи. Черепа их на уровне лба раздваивались и как рога расходились в стороны. Они были одеты в дорогие одежды из бархата и блестящего шёлка, в свете факелов всюду сияли украшения, золото, бриллианты и серебряные браслеты.

В то время как бледнокожие занимали первые ряды, на задних рядах сидели зрители другого сорта, отличительной чертой которых было их разнообразие. Некоторые были маленькими, как карлики, другие выше двух метров. У одних была зелёная чешуйчатая кожа, у других красная, жёлтая или синяя. Урс увидел обезьяноподобных существ с крыльями, гномов с крокодилыми головами, свиней со слоновыми хоботами. Общей чертой, которая объединяла все эти существа, было, судя по всему, то, что их всех собрали из кусков разнообразных живых существ.

Прочая публика представляла собой смесь из кровомясников, йети, рубенцелеров и прочих неотёсанных существ. Общая численность зрителей исчислялась тысячами. С уверенностью можно было сказать, что это место было самым странным из всех, где Урс побывал во сне и наяву.

Напротив Урса, на другой стороне арены, посреди рядов с бледнокожими находилась ограждённая территория, привлекавшая теперь его внимание. Это была четырёхугольная ложа, отделённая от прочей публики стеной и толпой солдат-кровомясников. В этой ложе находились всего два существа. Посредине ложи стоял причудливый трон, напоминавший кровать с балдахинном.

Как только Урс взглянул на существо, сидящее на троне, то сразу же отпрянул от парапета во второй раз.

Уродливый карлик

Более странного существа Урс ещё никогда не видел: голова его была слишком большой для такого тела, глаза слишком малы для такой головы, руки слишком мускулисты для такой хилой груди, шея слишком тонкой для такого тяжёлого черепа, нос слишком длинным и узким для такого бесформенного лба, а кисти рук слишком изящны для такого грубо срубленного тела. Но самым страшным был рот карлика. Его отвратительный оскал от уха до уха выглядел так, будто при создании рот прорезали ему одним единственным ударом. И хотя он так сильно отличался от прочих зрителей в этом театре, всё-таки его белая кожа говорила о том, что он является представителем существ, сидящих на лучших местах. А поскольку он сидел на троне, то мог быть даже их королём.

Но больше всего в нём Урса удивляла не телесная уродливость. Ещё ни разу он не видел существа, так нагло выставляющего на показ свою злобу. Он театрально закатывал глаза, пока не оставались видны только белки, затем он прищуривал их в опасные щели, а потом снова широко распахивал их, беспощадно окидывая колючим взглядом публику. Беспрерывно он корчил гримасы, высовывал из своего ухмыляющегося рта тонкий длинный язык и издавал звуки недовольства, от которых вблизи сидящая публика съёживалась, как от удара плети. Урс подумал, как такое неприятное создание могло прокрасться в его сон?

Тощий чёрный

Второе существо в ложе вертелось за тронном. Цвет его кожи был тоже светлым, как у утопленника, и череп его тоже раздваивался, но в отличие от карлика на троне он был высоким и тощим. Кажется, всё происходящее ему совсем не нравилось, так как складывалось впечатление, что он пытается спрятаться за тронном.

Карлик поднялся, встав на сидение трона. Тощий чёрный позади него повелительно поднял правую руку, и шум голосов на стадионе стих. Властелин, ухмыляясь, ещё раз облизал губы, прежде чем сдавленным голосом начать речь:

– Вуюетспри вас, о, вы, выено киниплен раатте войсикра тисмер! Вы здесь, бычто сяжательсра! Вы здесь, бычто ретьуме! О, вы, кичиливсчаст! О, вы, ныеранизб! Вы выдасоз для гото, бычто в этом шемчайсовы твекус-

сис питьгувыс с томбюде редпе тойэ нойборот койлипуб! И вы тедебу ся-жатьсра! И вы тедебу ратьмиу! Тоэ шава басуды! Чатгна смерть!

Эти слова гремели над ареной. Язык был частично знаком Урсу, частично неизвестен, но, очевидно, речь была направлена к вольпертингерам. Урсу даже показалось, что карлик с этого огромного расстояния уставился своими маленькими сверкающими глазками прямо на него.

Вольпертингер непонимающе посмотрел на Урса.

– Ты понял, что он сказал? – спросил он.

Только сейчас Урс заметил, что из камер в коридор и к парапету вышло множество других вольпертингеров. Вдали он увидел Рольфа, узнал Таско, Биалу и многих других. На противоположной стороне стоял Ушан де Люкка.

Неожиданно Урс вспомнил имя своего соседа – Коррин с Чёрного хутора.

– Нет, ответил он ему. – Я ничего не понял.

– Где мы? – спросил Коррин. – Это сон?

После странной речи публика молчала, будто глубоко тронутая. Затем начали раздаваться кашель и нервное шарканье ног.

И тут Урс подумал: "Если он спрашивает меня сон ли это, кто же тогда из нас спит?"

– Где мы? – снова спросил Коррин. – Что это за люди? И кто, к чёрту, этот отвратительный карлик?

История Гаунаба девяносто девятого

Гаунаб Аглан Азидаака Бенг Элель Атуа девяносто девятый был, как ясно видно из его имени, девяносто девятым правителем Гела. Это, наравне с различными правами и обязанностями, означало, что он являлся тем отростком ветвистого родового дерева, чей отпрыск станет сотым королём Подземного мира и исполнит Красное пророчество.

Красное пророчество было древней надписью на ветхой стене из лавовых камней в центре Гела, написанной кровью величайшего алхимика и прорицателя Йота Бема Тагда. Много лет тому назад он вскрыл себе вены остриём гусяного пера и использовал всю свою кровь для написания пророчества. Сильнейшее пророческое видение посетило его именно тогда, когда он находился далеко от дома и без чернил. Поэтому он вынужден был воспользоваться своими собственными жизненными соками и мученическим способом исполнил свои обязанности. Так записано в истории Гела.

Красное пророчество

Красное пророчество было написано древним шрифтом и очень запутанно, но алхимики Гела за сотни лет тяжёлой работы расшифровали и перевели его. Оно было разделено на двадцать предсказаний, восемнадцать из которых для непрофессионалов были едва понятны. Они были написаны с помощью своеобразного алхимического кода и кишели давным-давно неиспользуемыми словами. Если верить переводчикам, то это были положительные предсказания касательно счастья, здоровья и благополучия жителей Гела, которые исполнятся только, если искусство алхимии будет продолжать находиться на таком высоком уровне. Это и было одной из причин такого развития алхимии в Геле за последние столетия.

Девятнадцатое же предсказание говорило об ужасной катастрофе – о потопе, обвале пещерного потолка на город или подземном землетрясении, которая произойдёт, если искусство алхимии *не* будет поддерживаться на таком высоком уровне. Это было второй причиной развития алхимии в Геле.

Двадцатое и последнее предсказание велело под угрозой смертельной эпидемии *сотому властелину Гела покинуть город вместе со своей армией и всеми вражоками и завоевать наземный мир.*

Гаунаб Агкан Азидаака Бенг Элел Атуа девяносто девятый был более чем доволен тем фактом, что он является только лишь девяносто девятым властелином Гела, а не сотым. Поскольку он не обладал никаким желанием покидать Гел и завоёвывать чужой мир. Он не желал даже покинуть свой трон. Его королевской обязанности – председательствовать в Театре красивых смертей – было ему более чем достаточно. Он любил наблюдать за людьми, когда они сражались, убивали и умирали и слушать восхищённые вопли зрителей. Его профессия была наилучшей в подземном мире – он был королём. И, что важно, он был счастливым королём.

Откуда произошло название города, никто не знает. Первым властелином Гела был, согласно истории, Гаунаб Аглан Азудаака Бенг Элел первый. Он правил в то время, когда город представлял собой пару каменных пещер, а его жители питались жирными лавовыми червями, выковыривая их из земли, или пожирали своих мёртвых сотоварищей.

Откуда берут своё начало гелцы тоже неизвестно, но то, что они всегда жили под землёй и не зависели от солнечного света, можно было легко заключить по их белоснежной коже. Историки предполагают, что предки гелцев не различали ни свет, ни цвета, а вместо глаз у них были щупальца. Это объясняло рогоподобные наросты на их головах, которые были не чем иным, как вырожденными щупальцами. Но это всего лишь слухи.

Гаунаб первый

Достоверно известно, что исторические записи гелцкого народа начинаются с Гаунаба первого. Хотя народом это сложно назвать, поскольку речь шла о паре сотен созданий подземного мира со слабо развитыми мозгами и глазами, с белоснежной кожей и серебристыми волосами, случайно собравшихся вместе, которых Гаунаб первый с помощью силы и жестокости запугал и поработил. О силе Гаунаба первого существует много легенд. Говорят, что он мог головой разбивать целые скалы и в одиночку только с помощью своих кулаков вырубил из камней Гел. Те, кто знал, какая неестественная сила скрывалась в теперешнем потомке Гаунаба первого, те не сомневались в правдивости этих легенд.

Господство Гаунабов можно разделить на десять периодов, охватывающих каждые десять правителей: *Первый период* начинался Гаунабом первым и заканчивался Гаунабом десятым, *Второй период* начинался Гаунабом одиннадцатым и заканчивался Гаунабом двадцатым и так далее

до *Десятого периода*, начавшегося при Гаунабе девяносто первом и продолжающемся теперь при Гаунабе последнем. *Десятый период* охватывал в отличие от всех остальных периодов только девять поколений.

С Гаунаба сотого согласно Красного пророчества начнётся новое летоисчисление, значит, сотый Гаунаб может снова называться Гаунабом первым, а Гаунаб девяносто девятый – Гаунабом последним.

Клан деспотов

Один Гаунаб сменял другого, так что цепочка престолонаследников ни разу не оборвалась, и каждый из них передавал бремя душевных, моральных и физических уродств по наследству дальше. По праву можно предположить, что не будь у самого первого правителя Гела столь злобный характер, то история города и его жителей могла бы развиваться по другому пути, так как гелцы не были безнадёжно злыми или плохими – им просто не была известна альтернатива. Среди них встречались очень миролюбивые и добродушные представители, хотя и сравнительно редко. Но в Гаунабе первом были собраны все самые плохие качества, которые только может пожелать себе тиран: жажда власти, жажда крови, бешенство, коварство, бессовестность и мания величия. Его характер и политические взгляды задали стиль правления королевской семьи почти на сто поколений вперёд, а вместе с этим культуру и обычаи целой цивилизации. Двенадцать сыновей Гаунаба первого была настолько на него похожи, что, когда он стал достаточно дряхлым и беззащитным, они объединились и убили его камнями. После этого началась многолетняя вражда – одиннадцать коварных убийств – пока из них не остался только один. Он и перенял престол – Гаунаб второй, брато- и отцеубийца. О нём достоверно известно только то, что у него было всего лишь одиннадцать пальцев. И так продолжалось в течение более двадцати поколений, тиран следовал за тираном, пока Гел медленно превращался из пещер в настоящий город.

Поведение королевской семьи считалось примером для подражания, не важно, как варварски и зверски они себя вели. Угнетение, подкуп, ложь, пытки и убийства были обычными повседневными вещами, которые даже самыми миролюбивыми гражданами принимались как само собой разумеющееся. Только благодаря этим последним город не погряз в хаосе. К ним принадлежало большинство алхимиков и архитекторов,

представляющих духовную элиту Гела, и некоторые другие граждане города.

Алхимия и архитектура были единственными видами искусства, признанного и развиваемого в древнем Геле. Город беспрестанно рос, поэтому прорабы и строители всегда пользовались спросом. В алхимии удивительным способом смешались между собой искусство и наука: литература и медицина, физика и философия, химия и биология. Музыка и изобразительное искусство были практически неизвестны в Геле, а скульптура считалась лишь частью архитектуры.

Гелцы питались червяками и насекомыми, в огромных количествах водившихся в подземелье. Затем к этому списку добавилась рыба, крабы, улитки, водяные пауки и ненуждающиеся в свете растения. Особым деликатесом считались летучие мыши, которых было сложно словить, шерстяные пауки, густо населявшие тоннели подземного мира и разного вида грибы, бурно растущие в канализации города. Из-за того, что город населяли разнообразные живые формы, недостатка в питании никто никогда не испытывал. Это было одной из причин такого расцвета Гела.

Открытие наземного мира

Только более чем через двадцать пять поколений, при Гаунабе двадцать седьмом, алхимики и солдаты решились на первые походы к поверхности земли. Выходы, имеющие вулканическое происхождение, были найдены уже давно, но гелцы не решались их изучить. Ходили жуткие слухи об опасности наземного мира, о том, что воздух там отравлен и о том, какие виды чудовищ там обитают. Как же велико было их удивление, когда они обнаружили, что в наземном мире воздух пригоден для дыхания. Но поскольку у гелцев с их светлой кожей возникли проблемы с солнечными лучами, то выходы на поверхность они осуществляли по ночам. Из укрытий под защитой ночи наблюдали они за местными жителями и изучали их привычки. А по возвращении домой писали для Алхимической академии фантастические доклады. Гелцы боялись всего незнакомо-го, а так как о жизни при дневном свете нечего было и думать, то они отказались от мысли вступить в контакт с жителями наземного мира и остановились лишь на научном наблюдении.

Посещение же гелцами земной поверхности не осталось незамеченным. За ними тоже следили – сумеречный народ. Они следовали за гелцами по пятам и пытались проследить их путь домой, в Гел. Эти

авантюристы, в большинстве своём бандиты и наёмники, были первыми жителями наземного мира, узнавшими о тайных проходах в подземный мир. Многие из них при этом погибли: сломали шеи, сорвавшись со скал, были сожраны подземными чудовищами или замёрзли в Холодных пещерах. Но некоторые нашли дорогу в Гел и пришли в город. Понятно, что их приняли не с распростёртыми объятьями: их хватали, пытали и, не поняв их языка, убивали. Но легенды о подземном мире распространялись между законопреступниками всё дальше и дальше. Поток бесстрашных сбегавших преступников и прочих, кому нечего было терять, не прекращался, и вскоре гелцы поняли, что от беженцев и авантюристов они могут получать важную информацию и при этом им не нужно самим подниматься к поверхности. Они начали изучать язык наземного мира и через некоторое время смогли разговаривать с пришельцами. Вскоре даже самые упрямые гелцы поняли, что такое общение выгодно обеим сторонам. Итак, гелцы заключили с пришельцами договор: пришельцам предоставлялось убежище и с ними вели торговлю, за что те гарантировали неразглашение тайны существования подземного мира.

Население Гела не особо разбогатело с помощью новых жителей, так как это в основном были преступники, контрабандисты, торговцы оружием и солдаты-наёмники. Гелцы заметили, что новоприбывшие по безликости и злобе были им не только ровня, но и зачастую превосходили их. С другой стороны, такого подъёма экономика Гела ещё ни разу не переживала: сомнительные сделки с наземным миром начали приносить доходы совершенно другого уровня. Преступники покупали в Геле оружие для совершения своих преступлений на поверхности, при этом часть добычи возвращалась назад в Гел. В Гел приводили рабов, используемых в качестве бесплатной рабочей силы. Все эти изменения не могли не повлиять на культуру Гела, и со временем замонийский язык стал официальным языком города.

С каждым поколением правителей богатство города росло. В подземельях вокруг города были обнаружены месторождения различных металлов и минералов: руда, золото, алмазы, уголь. Пещеры под Гелом были обследованы и переоборудованы под канализацию города. Город рос всё дальше в глубину и постепенно превращался в гигантский металлообрабатывающий завод: плавильные печи и оружейные кузницы стояли на каждой улице, а стук молотов задавал городу ритм.

Врахокские войны

В *Четвёртом периоде* начались так называемые Врахокские войны. Такое название уже само по себе неверно, поскольку оно создаёт впечатление, что речь идёт о войне между двумя народами. Но врахоки не были ни в коей мере цивилизованным народом, они были практически абсолютно безмозглыми существами, подчинявшимися лишь своим пищевым инстинктам и инстинктам размножения. Врахоки были природным бедствием невероятного масштаба, происходящим, вероятно, из тех мест подземного мира, которые, согласно слухам, имели выходы к морю. Сильнейший запах затхлой солёной воды и гнилой рыбы накрывал город перед нападением врахоков, что зачастую спасало жизни его жителям. Тем не менее, воинственная мощь, с которой врахоки в *Четвёртом периоде* толпами нападали на город, создала впечатление организованной армии. Поэтому все многочисленные битвы, которые жители Гела провели против врахоков, остались в их памяти как войны.

Какими бы ужасающими и многочисленными не были потери во Врахокских войнах, закончилось всё тем, что жители Гела одержали победу над нападающими и даже ухитрились использовать врахоков для своих нужд. Это произошло только благодаря алхимическому изобретению, основанному на новой форме гипноза – гипноза с помощью запаха. Алхимик Хемон Цуфос был тем, кто с помощью кислоспахнувшего зелья поставил врахоков на колени. С этого момента укрощение и контроль за врахоками стали обязанностью гильдии алхимиков, что позволило им усилить своё влияние на королевскую семью.

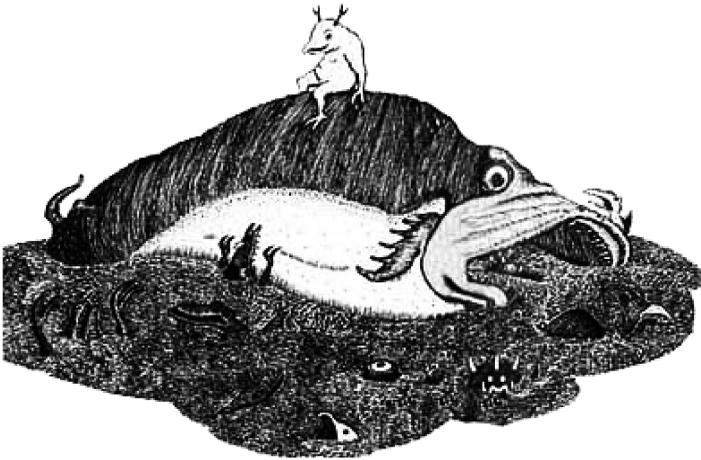
Рождение гомункелов

Последствием Врахокских войн стало создание гомункелов. Идея противопоставить чудовищам искусственно созданную армию тоже пришла от алхимиков. Из подземного нефтяного озера они получили субстанцию, смешали её с различными секретными эссенциями и назвали эту жидкость материнским супом – веществом, из которого были созданы гомункелы.

В центре Гела на огромный костёр установили гигантский котёл, выплавленный из подземной руды, и наполнили его материнским супом. Беременных существ всевозможных видов из подземного мира – пещерных воронов, костяных крабов, трубных свиней и хоботковых жуков,

словленных в пещерах под Гелом – побросали в суп и несколько раз довели до кипения. Клетки растворившихся животных смешались с доисторической древней субстанцией из нефти и через некоторое время из бурлящего варева стали выходить гомункелы: существа с хоботами и клювами, с клешнями крабов и лапами кротов, собранные вместе из отдельных частей разваренных животных. И каждый из них был по-своему необычен.

Но создать гомункелов удалось лишь гораздо позже, после того, как вражеские победили и укротили. Из материнского супа были созданы не только солдаты, но и целая толпа рабов. При необходимости быстро создавались новые гомункелы. Нескончаемый поток гомункелов привёл к скачку благосостояния Гела: бесплатные работники, безропотно выполняющие самые сложные и опасные задания. После гелцев и пришельцев они стали третьей кастой Гела, постоянно растущей, с наибольшим количеством обязанностей, почти без прав и с самой короткой продолжительностью жизни.

Театр красивых смертей

После Вражеских войн жители Гела хотели вознаграждения за свои муки и самоотверженность. Гаунаб пятьдесят первый был тем, кто начал строительство Театра красивых смертей.

Во время последних трёх Вражеских войн Гаунаб пятьдесят первый наблюдал за сражениями с балкона своего дворца. При этом он получил столько удовольствий, как никогда раньше. По окончании же войн он впал в отчаяние, из которого его смогла вытащить только мысль о строитель-

стве театра. Он приказал своим архитекторам построить в центре города огромную восьмиугольную арену, на которой будут сражаться враоки и рабы, а король будет за этим наблюдать. Это должно было быть только королевским развлечением, но мудрые советники короля убедили его разрешить всему народу смотреть за сражениями.

Вскоре стало ясно, что бои, инсценирующие сражения с враоками были не самой лучшей идеей. Чудовища были слишком дикими, при сильном возбуждении выходили из-под гипнотического контроля алхимиков и нередко становились опасными для всех зрителей. Даже при использовании самых маленьких экземпляров некоторые из них продолжали безумно носиться вокруг, убивая своих дрессировщиков и пожирая зрителей. Однажды они чуть не сожрали самого Гаунаба пятьдесят первого.

В итоге бои с враоками отменили и на их место пришли дуэли между разными видами существ: между рабами и гомункелами, между рабами и наёмными солдатами или между рабами и опасными животными, которых было легче укротить, чем враоков. День, когда Гаунаб пятьдесят первый понял сколько удовольствия доставляет ему резня, в которой не участвуют враоки, стал вторым днём рождения Театра красивых смертей – будущего культурного центра Гела.

Деградация

Тем временем моральная и телесная деградация королевской семьи безудержно продолжалась. Гаунабы становились всё меньше и уродливее, а их злобная ухмылка всё шире. Эпилептические припадки, истерики и мании, депрессии и бешенство теперь являлись фирменным знаком семьи Гаунабов.

Никто не решался сказать в лицо хоть одному Гаунабу, что он душевно болен. Поэтому придворные врачи сделали из болезней – добродетель, из безумного бреда – гениальные видения, из припадков и сумасшествия – культ. Когда у королей начинались припадки, врачи прописывали им высокопроцентные микстуры с целью усиления их безумства. Когда короли впадали в глубокую депрессию, то делалось всё, чтобы ещё больше омрачить их душевное состояние. В течение многих поколений среди придворных считалось хорошим тоном имитировать поведение короля, симулировать припадки бешенства или подражать его

истерическому смеху. Уродство и дряхлость стали всеобщим идеалом красоты, а те в Геле, кто хоть что-то из себя представлял, старались на людях выглядеть болезненно.

Архитекторы тоже приняли это за идеал. Из архитектуры была изгнана гармония, и предпочтение отдавалось отвратительным, органическим и бесформенным строительным материалам. Кривые углы, горбатые крыши и осевшие в землю дома стали типичными признаками гелской архитектуры. Фасады украшались окаменелой чешуёй древних рыб или панцирями подземных насекомых. Дымовые трубы торчали как рога демонов, ворота открывались как разорванные пасти, а окна напоминали пустые глазницы черепов. Другими популярными строительными материалами были настоящие кости, гигантские зубы, окаменелые щупальца спрутов и клешни крабов. Когда умирал один из врахоков, то из его панциря удаляли внутренности и внутри обустроивали жильё. Красок в Геле почти не было: если бы кто-то прошёлся по свинцово-серым переулкам, встречая на пути только бледнолицых одетых в тёмное гелцев, то решил бы, что попал в чёрно-белый мир. Конечно же, в городе имелся свет, но не более чем необходимо, приглушённый и мерцающий. Бледно-жёлтые светящиеся медузы пульсировали во встроенных водоёмах и освещали улицы. Коптящие факелы и свечи из тёмного воска стояли в окнах, а в специальных ящиках заполненных углём горел общественный огонь. Вечные дым и копоть ещё больше усиливали мрачную и нездоровую атмосферу Гела.

Почти все Гаунабы, несмотря на свою болезненность и неверное лечение, доживали до очень глубокой старости. Гаунабу первому было сто шестьдесят четыре года, когда он умер, и можно с уверенностью сказать, что он прожил бы гораздо дольше, если бы его отпрыски так жестоко не убили его. В среднем Гаунабы жили сто тридцать-двести лет и при этом их болезни бурно развивались. В королевском дворце считалось нормальным верить, что король в данный момент лежит при смерти, но большинство правителей Гела на самом деле умирали от старческой немощи.

При всём при этом болезни и причуды Гаунабов практически не имели никаких публичных воздействий, не считая пары поджогов и причудливых законов. Болезнь остаётся во дворце – так шутя говорили придворные врачи, поскольку безумие королей в основном оставалось только при них.

Всё долгое время шло довольно гладко, пока сумасшествие Гаунаба шестьдесят второго не нашло путь наружу. Его душевное помутнение вы-

звало такие последствия, которые ощутило даже население наземного мира. Гаунаб шестьдесят второй был тем, кто, возбуждённый рассказом в одной детской книге, начал строительство городов-ловушек.

Детская книга Нгуана Чугс Кана

Алхимик Нгуан Чугс Кан был придворным учителем и ветеринаром при дворе Гаунаба пятьдесят восьмого. Он же и написал детскую книгу, предназначенную исключительно для отпрысков королевской семьи, в которой он простым и наглядным языком описал основы большой политики. Он приказал украсить книгу богатыми иллюстрациями и подарил её сыну короля, Гаунабу пятьдесят девятому, на его десятый день рождения.

Короли в книге были нарисованы в виде огромных чёрных медведей обладающих сверхъестественной силой, народ в виде преданных и смелых крыс-альбиносов, склоняющихся перед королём, советник короля и придворные дипломаты были изображены в виде преданных светящихся гусениц, а все прочие в виде опасных змей. Враги королевского двора были представлены в виде кровопийц и болотных пиявок. Такая ограниченная картина мира была призвана не перегружать детский ум. Город Гел Нгуан представил в виде умного стоногого и стоглазого паука, сидящего под землёй в засаде и ожидающего нужного момента, когда он выйдет на поверхность. В книге было очень выразительно показано, как паук строит на поверхности земли ловушки в форме домов, в которых поселяются всевозможные наземные существа. А потом паук приходит и всех их пожирает. Это должно было символизировать для юных королей исполнение Красного пророчества.

На Гаунаба пятьдесят девятого книга не оказала никакого влияния. Он её только полистал, впал в истерику при виде паука и забросил книгу в гору своих игрушек. Следующих два Гаунаба также никак не отреагировали на книгу, но ценный подарок ручной работы передавался по наследству дальше, из поколения в поколение, пока он, наконец, не попал в руки Гаунаба шестьдесят второго, находящегося уже в среднем возрасте.

Гаунаб шестьдесят второй

У этого короля сумасшествие было представлено в основном маниакальным поведением. Безумные идеи просто били из него ключом. Однажды он запретил в Геле целый год разговаривать, не разрешено было даже шептать. Затем огромные усилия потребовались, чтобы отговорить его жениться на окаменелой рыбе. Он рисовал, музицировал и писал стихи с одинаково ужасными результатами во всех дисциплинах. Он постоянно искал новые области для нанесения очередного вреда и однажды, роаясь в королевской библиотеке, нашёл детскую книгу Нгуана Чугс Кана.

Книга Нгуана в полной мере оказала своё влияние на этот безумный ум. Гаунаб шестьдесят второй стал первым королём Гела, воплотившим идеи детской книги в жизнь. Самой большой страстью любящего искусство короля была архитектура и возведение монументальных строений. Весь город был напичкан роскошными пустующими строениями, возведёнными по эскизам Гаунаба. Но из-за того, что город был расположен под землёй, король был ограничен в пространстве. Тогда Гаунаб шестьдесят второй захотел, чтобы его строительные планы были перенесены на поверхность земли, но его советникам всегда удавалось уговорить отложить наземное строительство. Они говорили, что пока алхимики не придумали защитного средства против солнечного света, любые строения на поверхности земли не имели бы никакого смысла, но наверняка такое средство в ближайшее время будет придумано.

Когда Гаунаб шестьдесят второй перелистывал детскую книгу Нгуана, в его разгорячённом мозгу сверкнула мысль, вызвавшая цепную реакцию безумных идей и видений. Его архитектурные мечты, Театр красивых смертей, гомункелы, врахоки, искусство алхимии, иллюстрации в детской книжке, весь подземный и наземный мир слились в план, который был абсолютно гениальным, несмотря на чудовищное коварство и злокачественность.

Король созвал своих советников и архитекторов, генералов, алхимиков и руководителей Театра красивых смертей. Гаунаб сказал, что хочет построить с помощью гомункелов, которые могли работать при солнечном свете, на поверхности земли город, связанный с помощью лестницы с подземным миром. После того, как город будет построен, все должны будут уйти из него и вернуться в Гел.

Советники короля беспомощно оглядывались и вяло аплодировали: ещё одна дорогостоящая продиктованная безумием идея.

"Затем", – продолжил король, – "нужно будет ждать. Выжидать, как выжидает терпеливый стоглазый паук. Ждать, пока город не наполнится жителями. А он наполнится, поскольку для любого народа нет ничего более приятного, чем хорошо построенный город".

Архитекторы закивали. Им стало всё понятно.

Наконец, когда весь город уснёт спокойным ночным сном, армия Гела верхом на вракоках выйдет на поверхность, усыпит жителей алхимическими газами и унесёт их в Гел.

Теперь кивали генералы. Им понравилась идея практического применения вракоков. Алхимики, контролирующие вракоков, тоже закивали.

"Для взятых в плен рабов", – продолжал говорить Гаунаб, – "мы найдём применение: рабочие в свинцовых шахтах и в канализации, у плавильных печей и в кузницах и так далее. А самые сильные пленники, которые могут хорошо сражаться, будут для увеселения народа выступать в Театре красивых смертей".

Руководители Театра красивых смертей восхищённо захлопали: огромное количество рабов, которых можно убивать – об этом они все давно уже мечтали.

"А затем", – крикнул король, – "город очистят и опять оставят пустым. Чтобы можно было снова собрать урожай рабов, когда город заново наполнится. И снова, и снова. Вечно. За здоровье Гела и к чести Гаунабов!"

Советники, архитекторы, генералы и руководители были поражены. Такой гениальной идеи не было ещё ни у одного Гаунаба. Они тихо перешёптывались. Это было действительно первой королевской идеей имеющей смысл. Одним действием решалось множество проблем: заканчивались трудности с созданием рабов, армия и вракоки, наконец, получали ответственное задание, ожидая поколение за поколением исполнения Красного пророчества. В Театре начнутся новые спектакли. А сумасшедший король начнёт заниматься, наконец-то, полезным делом, не мучая своих приближённых потоком безумных мыслей. Город-ловушка! Что за безумная идея! Безумная, но гениальная!

Города-ловушки

Время планирования и подготовки было очень напряжённым. Чтобы не подвергать опасности свой собственный город, было решено использовать уже готовую вулканическую шахту, находящуюся достаточно

далеко от Гела. Шахта вела на поверхность земли в очень слабо населённую местность.

Затем начались работы. Архитекторы осмотрели местность и нарисовали планы, придумали дома и улицы для города-ловушки в привычном для наземного мира стиле. Гомункелы должны были построить лестницу в вулканической шахте. Это было чудовищной работой, во время которой погибло множество гомункелов. Один из архитекторов предложил построить вокруг города стену, чтобы придать городу оборонноспособный вид. Это должно было привлечь воинственный народ, которым потом можно было бы наполнить Театр красивых смертей. В самом конце из очень крепкого металла подземного мира был построен замок – чёрный купол, накрывающий шахту с лестницей. Его можно было открыть только изнутри. При этом купол раскрывался и уходил в землю. Когда всё было готово, строители вернулись в Гел: семена посажены, осталось ждать первого урожая.

Гаунаб шестьдесят второй едва вытерпел один год – он был слишком любопытен. Он приказал начать первый сбор урожая в городе-ловушке. Солдаты оседлали ночью врахоков, открыли купол и увидели, что город полон жителей. Они усыпили их и унесли в Гел.

По чистой случайности в городе-ловушке поселилась целая армия сильных солдат-наёмников. Солдаты оказались великолепным материалом как для армии Гела, так и для Театра красивых смертей. Да, первый сбор урожая и такой отличный результат!

Гаунаб шестьдесят второй приказал закрыть купол и ожидать следующего сбора урожая. Воодушевлённый первым успехом он занялся планировкой и строительством других городов-ловушек.

Второй город-ловушка Гаунаба шестьдесят второго был построен севернее Гела и, в отличие от первого города, оказался не таким успешным. Местность вокруг было плотно заселена, и среди жителей быстро пронёсся слух, что с этим, за одну ночь выросшем из земли городом, творится что-то неладное. Только бродяги и разный сброд решились зайти в город, поэтому урожай был очень слабым. А поскольку в этой местности часто шёл снег и крыши домов города-ловушки были из-за него белыми, то жители Замонии называли город Снежинском.

Третий и последний город-ловушку, введённый в действие при Гаунабе шестьдесят втором, даже не пришлось строить. Он уже существовал.

Нетерпеливый король пожелал себе город совсем иного типа – не такой, где нужно ожидать урожай, а такой, где можно брать необходимое регулярно и в любое время, как в кладовке.

Медуза Туманного города

Пытаясь выполнить этот приказ, алхимики и архитекторы чуть не сломали себе головы, пока кто-то не предложил использовать уже существующий город. Алхимик, выдвинувший эту идею, уже имел на примете один город, а именно маленький, расположенный на северо-западе Замонии городок под названием Туманный город.

– Туманный город? – переспросил Гаунаб. – И что такого особенного в Туманном городе?

– Этот город, ваше величество, – ответил алхимик, – является идеальным для города-ловушки. Он населён пресловутыми тумангородцами – народом, состоящим из береговых бандитов и контрабандистов, с которыми Гел уже сотни лет поддерживает связь. Другими преимуществами являются изолированное расположение города и туманная медуза.

– Туманная медуза? – спросил Гаунаб, сильно интересующийся научными феноменами. – Медуза из тумана?

– Можно и так сказать, ваше величество. В Туманном городе царит вечный туман, который, как огромная медуза, накрыл город. Я долгое время изучал этот туман и с уверенностью могу сказать, что это не водяные испарения, а живое существо. Вероятно, оно вышло из моря, плотность его тела не выше плотности воды. Возможно это какой-то вид гигантских медуз.

– И что заставляет тебя верить, что это живое существо? – спросил король.

– Его сульфидная плотность слишком велика для природного явления, – ответил алхимик. – Кроме того, она проявляет минимальные признаки интеллекта. Она реагирует на музыку и издаёт звуки. Никакой туман не способен на такое.

– И какое отношение имеет это к нашему городу-ловушке?

– Ваше величество, я подумал о нашей победе над враоками. Они тоже морские животные с минимальным интеллектом. Может быть, мы смогли бы загипнотизировать и туманную медузу с помощью наших алхимических газов? Нам известно, что эти газы оказывают на большинство живых существ гипнотическое и усыпляющее воздействие. Поэтому мы и используем их при сборе урожая в городах-ловушках. Если мы обогатим этим газом сульфидную жидкость медузы, то мы сможем превратить её в огромную живую ловушку, которая будет гипнотизировать и удерживать всех, кто в неё входит, пока мы не придём за ними.

– Хм, – сказал король. – Ты – идиот. Тогда же и все наши союзники из Туманного города будут отравлены! Ещё одна подобная идея и я велю разрезать тебя на двенадцать кусков!

Алхимик съёжился, но быстро ответил:

– С вашего позволения, ваше величество, но для этого есть подходящее решение. Как вам известно, мы иммунизируем наших враховков против этого газа постепенно увеличивающимися порциями. То же самое мы можем сделать с тумангородцами. Этот народец достаточно жадный, чтобы от этого отказаться, – затем он низко поклонился и замолчал.

Идея была достаточно сумасшедшей, чтобы понравится Гаунабу. Гелцы договорились с тумангородцами, иммунизировали их и затем газом загипнотизировали туманную медузу. В отличие от Снежинска Туманный город стал огромным успехом. Газ, пульсируя, расходился по всем районам города и гипнотизировал каждого, кто входил в город, в то время как сама туманная медуза спала глубоким сном. Этот сон был наполнен, как свидетельствовали постоянные нервные подёргивания тумана, оживлёнными медузными снами – туман трепетал и шелестел, сгущался и развеивался, но постоянно оставался на одном и том же месте, как вечный паровой колокол, накрывший Туманный город и сделавший его огромной ловушкой, из которой никто не мог сбежать. А алхимик, выдвинувший эту идею, стал личным советником короля.

Самым же успешным оставался первый город-ловушка построенный Гаунабом шестьдесят вторым. За сотни лет город часто менял своё название. То он назывался Ункоградом, то Муминском, то Бертенхаймом – в зависимости от того, кто в нём жил, пока их не уносили в Гел. Однажды в окрестности города пришёл замониец по имени Гот, зашёл в город и увидел, что он пуст и в нём пахнет чем-то странным и кислым. А поскольку Гот был вольпертингером, то он назвал реку, протекавшую в городе, Вольпером, сам город он назвал Вольпертингом и занялся тем, что начал заселять город себе подобными.

Короля, строящего искусственные города и лоящего таким образом людей, чтобы затем сделать из них рабов или убить их, в другом месте, вероятно, посчитали бы душевнобольным. Но в глазах гелцев он был святым, даже, несмотря на то, что он часто голым выходил на балкон в своём дворце и стрелял в подданных зажжёнными стрелами. Гаунаб шестьдесят второй стал правителем открывшим дверь в наземный мир.

Гаунаб последний

До сих пор история Гела рассказывала о расцвете и росте города, о победах и завоеваниях Гаунабов, но в Седьмом периоде для города настали тяжёлые времена: ужасные эпидемии, подземные землетрясения, нашествия насекомых – как будто одна за другой исполнялись все угрозы Красного пророчества. Но город был таким огромным, что подобные беды не смогли уничтожить его полностью, и жизнь продолжалась, несмотря на причинённый ущерб. Алхимики нашли средства против эпидемий, на местах разрушенных землетрясениями зданий были возведены ещё более пышные строения, насекомые были уничтожены. Но безостановочный рост города остановился и сменился упадком, но таким медленным, что даже правители этого не заметили. Гаунаб сменял Гаунаба, Театр красивых смертей видел и плохие, и хорошие времена, урожай из городов-ловушек собирался регулярно, но больше ничего особенного не происходило. В Восьмом и Девятом периодах этот застой перешёл в регресс и правящие Гаунабы впали в апатию. Они занимались только тем, что лелеяли свои причудливые болезни и председательствовали в театре. Город постепенно тонул в коррупции и вскоре погрузился, как и его короли, в безразличную летаргию.

Гаунаб последний был венцом всех ошибок и грехов, совершённых городом Гелом и его правителями. Он был самым ценным и странным созданием подземного мира, такой лживый и неправильный, такой тупой и злобный, каким только может быть живое существо. Так же, как он перепутал своё уродство с красотой, считал он жестокость искусством, ненависть любовью, а боль радостью. Он вообще много чего перепутывал: право и лево, верх и низ, хорошее и плохое, перед и зад и даже слоги в своих словах.

Гаунаб Аглан Азидаака Бенг Элел Атуа девяносто девятый был правителем Гела, королём подземного мира, властелином жизни и смерти в Театре красивых смертей и если бы когда-нибудь безумие и злоба решились бы объединиться и превратиться в живое существо, то они стали бы Гаунабом девяносто девятым.

Урс просыпается

Урс потёр глаза. Теперь он был уверен – всё это не сон. Слишком убедительно, слишком натурально всё происходящее, слишком бодро он себя сейчас чувствовал.

Дурман и кислый запах исчезли. Кто-то, не важно каким способом, принёс вольпертингеров в этот ужасный мир.

– Мы в аду? – спросил Коррин. – Как мы сюда попали?

– Не знаю, – сказал Урс.

– Как ты думаешь, что они от нас хотят? – спросил Коррин.

– О, боже, – простонал Урс, – Столько вопросов... Откуда я должен всё это знать?

– Я просто пытаюсь разобраться, – сказал Коррин. – До настоящего момента я считал, что это сон.

– Я тоже, – сказал Урс. – Но сны не могут быть такими отвратительными.

Урс опять посмотрел на ложу. Полные ожидания глаза всех зрителей были направлены на отвратительного карлика на троне. Позади него беспокойно туда-сюда двигалось высокое существо и пыталось устроить карлика поудобнее. Оно подавало ему фрукты и золотые кубки с напитками, оно взбивало подушки и обмахивало его веером, а иногда наклонялось к карлику, что бы что-то прошептать ему в ухо, после чего карлик противно кряхтел. Но, несмотря на то, как раболепно вёл себя чёрный, у Урса сложилось впечатление, что в этом спектакле он второе по значимости существо.

История Фрифтара

Фрифтар был главным советником Гаунаба последнего, советником в вопросах политики и стратегии, из семьи дипломатов, многие поколения служившей при дворе короля.

На фоне коренастого и уродливого Гаунаба Фрифтар создавал приятное впечатление. Он был худым, бледным и высоким, со слабой мимикой и жестикующей. Но только при прямом сравнении с уродливостью Гаунаба Фрифтар выглядел так хорошо, во всём остальном он, со своими демоническими чертами лица, крючковатым носом и выпирающими вперёд зубами, был похож на пугало.

Тот, кто считал Фрифтару серым кардиналом, управляющим из-за трона марионеткой-Гаунабом, тот непозволительно недооценивал сумасшедшего монарха. В Гаунабе последнем объединилось множество злых духов – наследие его бессовестных предков-тиранов. За почти сто поколений болезненно раздувшийся эгоцентризм сделал Гаунабов чрезвычайно чувствительными к любым видам заговоров. И если кто-то противопоставлял себя королю, то он противопоставлял себя всем Гаунабам. Он мог бы вести себя сколь угодно осторожно и умно, скрывая свои намерения, но полностью их скрыть ему бы не удалось. Гаунаб был безумным, необразованным, зверским и морально опущенным типом, но духи его предков сплочённо стояли за его спиной. Они помогали ему почуять самые изощрённые интриги и всякого, кто попадал на глаза разъярённому королю, ждала смерть. Фрифтару это было очень хорошо известно.

Больше всего боялся советник непредсказуемой смены настроения короля. Несмотря на малый рост Гаунаб обладал сверхъестественной силой, особенно сильными были его руки и челюсть. Когда его настроение неожиданно ухудшалось, он мог напасть на любого и в буквальном смысле разорвать его на куски. Единственным признаком, что вскоре произойдёт такая вспышка, было то, что король неожиданно затихал и замыкался в себе, будто слушал внутреннюю музыку. Взгляд его становился отсутствующим и застывшим, а улыбка ещё карикатурнее.

Кривое зеркало

Сам Фрифтар чудом пережил уж три подобных припадков. Каждый раз ему помогало лишь то, что он достаточно быстро исчезал с глаз бешеного короля и подсовывал ему другую жертву.

Нет, только с дипломатией и умными интригами там нечего было и делать. Потребовалась тяжёлая, неустанная работа, чтобы Фрифтар получил это влиятельное место, на котором он сейчас находился. И только благодаря своему практически неестественному терпению ему удалось стать незаменимым для Гаунаба. Он стал зеркалом, в котором король видел себя красивее, чем он фактически был, эхом, которое звучало умнее, чем король на самом деле был, тенью с более элегантными контурами, чем королевские. Когда Гаунаб что-то говорил, Фрифтар повторял это более деликатно. Когда король что-то спрашивал, советник формулировал ответ так, будто он уже был в вопросе. А когда король говорил непонятное, как обычно путая слоги, то Фрифтар механически переводил это

в нормальные слова. Наравне со многими другими вещами Фрифтар был постоянно занят тем, что пытался быть на один шаг впереди своего короля. Это удивительное достижение, на которое в Геле никто, кроме Фрифтара, не был способен, и делало Фрифтара незаменимым. То, что король этого достижения не только не заметил, но и даже не заподозрил, было личной победой Фрифтара, поскольку показывало, как незаметно он плёл свои интриги. Вероятно, даже незаметно для предков в больном мозгу Гаунаба.

Да, Фрифтар был фактически вторым по важности существом в Театре красивых смертей, в Геле, во всём подземном мире. Уже в детстве он был товарищем детских игр короля и с тех пор их отношения с Гунабом превратились в связь, очень похожую на симбиоз: ни один из них не мог существовать без другого.

Фрифтар нуждался во власти, как в воздухе. Для Гаунаба же Фрифтар был как костыль для хромого – без него король не смог бы даже объясняться со своими подданными. При дворе быстро заметили, что влияние Фрифтара на короля было подобно влиянию настойки валерианы. К тому же он умел переводить странную тарбарщину его величества. Так что Фрифтара сделали постоянным сопровождающим и личным слугой короля.

С самого первого дня на своём посту Фрифтар знал, что пользоваться своею властью он может только очень осторожно и незаметно. Десятки лет он удовлетворялся ролью половика для обтирания ног, лежащего между королём, его сумасшедшим настроением и остальным миром. Он перенёс самые бесстыдные унижения, бессмысленные смены настроения и припадки бешенства. И он принимал их как дары, не уставая за них благодарить. И только когда самый последний шут в окружении короля понял, что Фрифтар – безгранично лояльный и совершенно не тщеславный слуга короля, которого не стоит опасаться, только тогда он начал своё наступление.

Медицинская дипломатия

Его первой мишенью стали королевские придворные врачи. Главные врачи Гела обладали огромной властью и влиянием во дворце. Они достигли этого за сотни лет, распространив своё влияние на систему здравоохранения и на алхимиков. С другой стороны, алхимики занимались контролем за врахоками, и как только Фрифтар понял эту взаимосвязь, то занялся её разрушением. Никто лучше Фрифтара не знал и о безобидных болячках, и о по-настоящему серьёзных заболеваниях Гаунаба, и о тонкой грани между ними. Он осознанно не вмешивался во врачебные махинации, даже тогда, когда видел, что короля лечат неверно.

Долгожданная возможность подвернулась Фрифтару в тот день, когда у Гаунаба произошёл ужасный приступ удушья. Он неожиданно перестал дышать, посинел и был на грани потери сознания. Этот приступ произошёл, чего не знал никто, кроме Фрифтара, из-за искривлённой грудной клетки короля и его ужасающего питания. Пышный обед, состоящий почти только из жирных шерстяных пауков, вызвал во время заседания совета сильнейшее вздутие живота, которое Гаунаб попытался скрыть. Сдерживаемые газы надули кишечник, который так распух, что прижал оба лёгких к рёбрам и прекратил их работу. Главный врач растерянно попытался восстановить дыхание короля с помощью массажа, но это привело лишь к тому, что Гаунаб закашлял, и его лицо из синего стало фиолетовым. После этого у врачей не осталось ни одного способа оказания помощи, кроме разрезания трахеи.

На этом заседании присутствовали почти все самые влиятельные политики Гела, и Фрифтар воспользовался моментом. Он вышел вперёд и громко, чтобы все слышали, задал два вопроса: действительно ли эта операция необходима? и не безопасна ли она для жизни? На оба вопроса врачи ответили положительно. Тогда Фрифтар задал политикам третий вопрос: поддерживают ли они эту рискованную операцию? Все согласно закивали головами.

Тогда Фрифтар схватил короля за лодыжки, стянул его с трона, резко поднял вверх и сильно затряс его. Началась сумятица, кто-то закричал, что королевский советник сошёл с ума и хочет убить короля. Но тут Гаунаб громко пукнул и начал жадно хватать воздух. Фрифтар аккуратно посадил его обратно на трон, где король быстро пришёл в себя.

Доверие Гаунаба к Фрифтару невероятно возросло. Уже на следующий день после инцидента главный советник начал отлучать врачей от власти. Главного врача посадили в тюрьму, где он умер от воспаления

лёгких, все остальные врачи оказались под строгим надзором Фрифтарга. Фрифтар сам назначал лекарства и их дозировки королю. Он прописал ему очень вкусную диету и немного движения и за следующие полгода здоровье Гаунаба намного улучшилось. С этого момента Фрифтар на своё усмотрение мог управлять здоровьем Гаунаба.

Теперь ему ничего не стоило постепенно перенять контроль над врачами и алхимиками. Его тонкие невидимые пальцы проникли почти везде. Такой концентрации власти и силы в одном лице, не имеющем родства с королевской семьёй, Гел ещё не видывал.

Следующим по плану Фрифтарга было перенятие власти над элитой Гела и обычными жителями. Во время изучения истории Гела он заметил, что общий упадок в городе в течение последних поколений правителей напрямую связан с упадком Театра красивых смертей. Правители, занятые в основном собственным безумием, не обратили на эту связь никакого внимания. Но Фрифтар понял: развлечение народа является важным инструментом власти, и нигде не было лучших для этого возможностей, как в Театре красивых смертей.

Во времена расцвета театр с его ежедневными сражениями и многотысячным коллективом воинов, тренеров, охранников и работников, ухаживающими за животными, был главным событием Гела. Построенный под театром лабиринт заключал в себе целый зоопарк диких и опасных животных, а также чрезвычайно сложную механику, с помощью которой клетки выдвигались наружу.

Сложно было точно установить, при каком Гаунабе начался упадок Театра красивых смертей, но примерно это началось в Восьмом периоде. Руководители театра становились продажнее, а спектакли скучнее, так как экономили там, где это нельзя было делать. Организаторы беспокоились об удобстве своих рабочих мест, а не о постановке увлекательных спектаклей. Численность диких животных уменьшилась до пары десятков, так как никто не беспокоился о замене, когда те погибали во время сражения. Механические приспособления под театром заржавели и со временем совершенно вышли из строя. На полуразрушенном стадионе всё ещё проводились бои, но зрительские ряды пустовали наполовину. Прямым последствием разрухи театра стала быстро растущая запущенность города. Криминальная обстановка ухудшалась, на улицах проводились альтернативные сражения, нелегальные тотализаторы вырастали как грибы после дождя. Когда все эти махинации приведут к неконтролируемому хаосу, оставалось лишь вопросом времени.

Гаунаб передал бразды управления театром Фрифтару. Тот собрал лучших архитекторов и мастеров города и приказал им привести стадион в тот роскошный вид, который он имел во времена своего расцвета. Он приказал отремонтировать механику, возвести дополнительные ряды с сиденьями, отремонтировать королевскую ложу. Были отловлены и приведены в театр новые дикие животные. Честолюбивые, хорошо оплачиваемые солдаты-наёмники тренировались для сражений. Многочисленные королевские служащие потеряли свои посты, некоторые – головы, а ещё несколько пришли в себя на арене театра лицом к лицу с голодным пещерным медведем.

Но Фрифтар конечно знал, что делал это не для увеличения своей популярности и успеха. Это был простой манёвр для привлечения всеобщего внимания к театру. После окончания восстановительных работ он организовал помпезный праздник открытия театра и объявил в присутствии короля убийство третьим видом искусства в Геле. Наряду с архитектурой и алхимией убийство – конечно же, только в театре и только перед публикой – должно было стать признанным и поощряемым королем искусством и развиться до невообразимых высот. Этот маленький словесный трюк оказался гораздо более действенным, чем дорогостоящая реконструкция театра. В одно мгновение наёмники, преступники и профессиональные убийцы стали людьми искусства, а убийство – творческим актом. Не важно, с какой стороны стены арены ты находился, пребывание в Театре красивых смертей за одну ночь превратилось во что-то феерическое. Это перестало быть примитивным народным развлечением, а стало элитным искусством. Публика ломилась в театр, а элита была вынуждена вернуться на свои ряды вокруг арены, поскольку никто не хотел показаться невеждой.

Театр красивых смертей был больным сердцем Гела, и Фрифтару удалось вылечить его. Теперь он мог пожинать плоды своей самоотверженной работы, поскольку в Театре красивых смертей были собраны под одной крышей три силы, которые он хотел держать под контролем: король, элита и народ.

Благодаря удачным спектаклям Фрифтар стал популярным политиком и признанным деятелем искусства. Но своей главной цели он всё ещё не достиг: свержение Гаунаба последнего, лишение элиты власти и переименование власти им самим.

Вольпертингеры

Для этого у Фрифтара был безрассудный план: провести государственный переворот во время одного необычного поединка в Театре красивых смертей. Он уже давно начал подготовку. Новые жители города-ловушки, которых называли вольпертингерами, обещали, по сообщениям шпионов Фрифтара, стать совершенно особенным персоналом Театра красивых смертей. Они были такими воинами, которых Гел ещё ни разу не видел. План Фрифтара был простым и кровавым. Пока вольпертингеры будут сенсационно убивать друг друга на арене театра, пока король, элита и народ будут опьянены и одурманены проливающейся кровью, он окружит театр армией и вражоками. А на пике сражения и восторга Фрифтар на глазах всей публики убьёт короля стеклянным кинжалом и возьмёт власть в свои руки. Тогда элита преклонится перед ним и начнётся новое летоисчисление. Следующие поколения будут измеряться не в Гаунабах, а во Фрифтарах.

Но именно сейчас, когда всё так удачно, по представлению Фрифтара, протекало, кое-что непредвиденное стало поперёк дороги. Судьба в виде армии непобедимых и кровожадных механических существ встала между советником короля и его честолюбивыми желаниями. Ужасный генерал Тиктак и его медные парни пришли в Гел.

Енымед нипар

Тарабарская речь Гаунаба гремела над стадионом, и все зрители пялились на трон. Король издавал звуки похожие на бляение бешеной козы, затем его настроение резко изменилось, и он злобно посмотрел на Фрифтара:

– Мучепо калипуб не етрудиплоап? – прошипел он ядовито. – Нио лилохог? Лижеуне я ноточтадосне нояс сязилравы? Даку липапро цивао?

– Они не аплодируют, ваше величество, так как во всём, как обычно, виновата акустика, – с поклоном ответил Фрифтар. – Конечно, вы ясно выразились, чистой, серебряной, как звук колокольчика была ваша речь, как пение эльфов, плывущее сквозь эфир. Сейчас в театре опять царит временный земной магнетизм, заглушающий любые звуки. Позвольте мне, поэтому, повторить вашу речь обычным языком, но с необходимой громкостью, чтобы даже самые грязные уши публики её услышали.

– Йянполис! Вайда жеу! – фыркнул Гаунаб, показав грязный жест. – Епыту киродвы! Новеч тиз ныестран вательстястооб!

– Приветствую вас, о, новые пленники Театра красивых смертей! – повторил Фрифтар речь короля, расставив правильно слоги. – Вы здесь, чтобы сражаться! Вы здесь, чтобы умереть! О, вы, счастливики! О, вы, избранные! Вы созданы для того, чтобы дебютировать в высочайшем искусстве перед этой избранной публикой! И вы будете сражаться! И вы будете умирать! Это ваша судьба. Начинайте умирать!

Публика стоя разразилась в овациях.

– Ну, так-то! – хрюкнул Гаунаб. – Мучепо бы не зуфра так?

Фрифтар поднял вверх руки и аплодисменты стихли. Он опять обратился к вольпертингерам:

– Чтобы вы раз и навсегда поняли правила, мы продемонстрируем вам пример. Сейчас произойдёт первое сражение, в котором выступит один из вас.

– Жикапо им ныхмед нейпар! – прошипел Гаунаб. – Ныхмед нейпар!

Фрифтар хлопнул себя по лбу:

– Ах, да! – громко крикнул он. – Как же я мог это забыть?

Он театрално указал на самую верхнюю ложу, которая всё ещё казалась пустой:

– Посмотрите вверх на Медных парней!

Сверху, над скованными цепями вольпертингерами раздались звуки: щёлканье, треск, треньканье и звяканье. Из темноты к парапету подошли сначала несколько, затем всё больше и больше воинов – сотни. Их отполированные доспехи сияли в свете факелов.

По рядам скованных цепями вольпертингеров пробежал шёпот, а публика так восторженно затопала ногами, что стадион начал трястись. Гаунаб захлопал в ладоши:

– Енымед нипар! Енымед нипар! – вопил он.

Фрифтар опустил руку, и зрители послушно сели. Воцарилась тишина и королевский советник подошёл к ограждению ложи:

– Это сражение не будет чем-то особенным! – воскликнул он. – Это сражение не для зрителей! Мы просто хотим продемонстрировать правила нашим новым воинам. Правила очень просты и их всего два. Первое правило звучит: сражайтесь!

– Сражайтесь! – хором повторила публика.

Фрифтар поднял вверх два пальца:

– Второе правило звучит: *второго правила не существует!*

– Второго правила не существует! – редела публика.

Фрифтар улыбался:

– Это, в общем-то, не сложно запомнить.

– Горовто лавипра не етвущестсу! – смеялся Гаунаб. – Нет горовто лавипра!

Фрифтар поднял руки вверх и громко закричал:

– Продемонстрируйте пример!

– Да, теруйримонстдепро тотэ товчёр мерпри! – нетерпеливо закричал Гаунаб. – Бычто енилеставпред нецкона лосьчана! Ты жеу шёлна гоще-дяхопод кариста?

– Да, – кивнул Фрифтар, – я выбрал одного из самых старых.

Орнт ла Окро

Северная дверь открылась и оттуда, спотыкаясь, вышел старый вольпертингер. Это был Орнт ла Окро, столяр. Он неуверенно вышел на середину арены. Он был сбит с толку и выглядел, будто только что отошёл от наркоза. В одной руке у него был меч.

Открылась южная дверь. Какое-то время ничего не происходило, потом оттуда вышел пёс. Он хромал, поскольку у него было только три лапы. Это был нечистокровный, светло-коричневого цвета с парой чёрных пятен щенков. Если бы у него были рожки, то он был бы щенком вольпертингера. Пару зрителей засмеялись.

– Это твой противник, – крикнул Фрифтар Орнту. – Убей его!

– Да, бею гое! – повторил Гаунаб.

Орнт непонимающе посмотрел вверх и не шелохнулся. Он не будет нападать на щенка. Он не убивает щенков. Он никого не будет убивать. И вообще, что тут происходит? Последнее, что он помнил, так это то, что он, сильно переживая за Румо, напился и уснул в своей постели. А теперь у него было ужасное похмелье, и весь мир вокруг него сошёл с ума. Он поднял меч к лицу и попытался рассмотреть что-то в толпе зрителей, что помогло бы разгадать загадку.

Гаунаб встал на свои короткие ножки.

– Ты не чешхо гое ватьбиу? – крикнул он неожиданно весёлым голосом.

Орнт растерянно посмотрел на королевскую ложу. Он не понимал, что хочет от него этот уродливый карлик. Он не понимал его языка, поэтому ответил на таком языке, который понимают все. Он бросил свой

меч в песок и плюнул. Пёс, вертя хвостом, подковылял к мечу и стал его обнюхивать.

– Ты не хочешь его убивать? – перевёл Фрифтар и взялся за подбородок, как задумчивый наблюдатель, рассматривающий картину.

По этому условному сигналу на балконе, где стояли медные парни, началось движение и над стадионом раздались металлические звуки. При этом вокруг царила полная тишина. Некоторые зрители приподнялись, чтобы лучше видеть. Десятки медных парней возвели свои арбалеты. Мишенью, в которую они целились, был Орт ла Окро.

– Орт! – закричал кто-то из вольпертингеров. – Возьми меч! Подними его!

Орт посмотрел вверх. Там кто-то прокричал его имя. Ему был знаком этот голос. Урс Снежный?

– Первое правило: сражайтесь! Второе правило: второго правила не существует! – торжественно повторил Фрифтар.

Орт повернулся и пошёл в сторону дверей, из которых он вышел на арену. Он был сыт по горло этим цирком.

Фрифтар сделал ещё одно, едва заметное движение: слегка приподнял вверх мизинец.

– Орт! – проревел голос Урса над стадионом. – Подними этот проклятый меч!

В рядах медных парней раздались щелчки и скрежет, и театр наполнился жужжанием, будто над ним пролетела стайка насекомых. А когда звук стих, Орт был насажен стрелами. Десятки стрел разной длины торчали в его теле, оседающем на землю. Они за одну секунду украли его жизнь, хотя некоторые из них сломались под тяжестью его старого тела. На балконе вольпертингеров раздался стон.

Пёс с любопытством обнюхивал лицо Орнта. Опять раздалось жужжание, и одна единственная длинная медная стрела ударила пса в горло и, пробив его насквозь, пригвоздила щенка к арене.

– Убийство началось! – торжественно воскликнул Фрифтар и передал королю бокал.

– Да, – прошептал Гаунаб. – Нецкона-то! Вобийсту лосьчана!

Холодные пещеры

Румо решил пойти через Холодные пещеры. Он просто шёл прямо, как сказал ему Шторр, целый день, пока не упёрся в вертикальную стену с дюжиной просторных входов в тоннели. Один ход вёл куда-то вверх, другой вниз, и после недолгих раздумий Румо выбрал тот, который, судя по всему, удобно спускался вниз.

Пока он спускался, то почувствовал, что становится холоднее и ветренее. До сих пор он не был знаком с настоящим холодом. Но, согласно своему правилу "не поворачивать назад", он шёл дальше.

Тоннель светился голубым светом, почти как всё в подземном мире. Он был покрыт белым пушистым инеем и тонкими сосульками и населён странными насекомыми, похожими на безглазых кузнечиков. Они сидели на ледяных кристаллах или, тихо потрескивая, передвигались вперёд.

– *Лучше бы мы пошли верхней дорогой!* – жаловался Львиный зев.

Гринцольд молчал, вероятно, он обиделся, что Румо не выполнил его желания и не убил Шторра-жнеца.

– Теперь уже поздно, – сказал Румо.

– *Для гибкого существа это никогда не поздно,* – ответил Львиный зев. – *А между решительностью и упрямством существует очень тонкая разница.*

– Пути назад нет! – решил Румо.

Через подня пути тоннель расширился в гигантскую пещеру. Её пол представлял собой плоскую голубую ледяную поверхность. Стены пещеры состояли из замёрзших сотни лет назад капель воды, но выглядели при этом так, будто каскады воды замёрзли только что, за одно мгновение. Во многих местах в стенах зияли большие дыры, сквозь которые со свистом и воем врывался в пещеру ледяной воздух. Здесь не было ни светящегося тумана, ни голубого дождя, здесь были только снег и лёд.

– Всё выглядит очень холодным, – сказал Львиный зев.

Румо робко шагнул на лёд. Пара дюжин кривоклювых пушистых зверьков носилась кругом и пыталась отбить ото льда своими клювами маленькие осколки.

Ледяное озеро

Светло-голубой лёд угрожающе закрипел и затрещал под его ногами и подозрительно прогнулся уже при первом шаге. Тёмная вода и плоские сжатые пузыри воздуха двигалась подо льдом.

– Ты в курсе, что идёшь по воде? – спросил Львиный зев.

– Да, я в курсе. Спасибо за подсказку. Я без особого удовольствия передвигаюсь по тому, что само может двигаться.

– Это называется "лёд", но это просто название для холодной воды. Никогда с уверенностью не знаешь, насколько лёд тонкий и когда он может проломиться. Ху-хэ-хэ!

Румо попытался отвлечься от болтовни Львиного зева и от холода, шагая целенаправленно вперёд и внимательно осматривая всё вокруг. Тут и там возвышались удивительные ледяные скульптуры – прижатые друг к другу глыбы льда, напоминавшие то запорошенное снегом здание, то ель, то далёкие горы.

Тихо и постоянно надо льдом свистел ветер, пронося между ног Румо мелкий снег. Монотонное шуршание, завывание и свист, угрожающее потрескивание льда да поскрипывание снега были единственными звуками в пещере, которые в течение уже нескольких часов слышал Румо. Конечно кроме постоянных комментариев Львиного зева.

– Смерть в ледяной воде должна быть одной из самых ужасных. Ты замерзаешь и захлёбываешься одновременно, – заметил Львиный зев после длительной паузы. – Можно сказать, что тогда умираешь вдвойне.

Румо беззвучно шёл вперёд. Это всё ещё было лучшим способом: любой ответ Львиному зеву подзадоривал его ещё больше. Но когда молчишь, то он, вероятно, сам когда-нибудь перестанет болтать.

– Могу себе представить, что это такой вид смерти, при котором ты остаёшься в полном сознании. Везде же ледяная вода! В ней же всегда остаёшься бодрым!

Румо уже понемногу стал скучать по циничному, с презрением относящемуся к жизни и смерти голосу Гринцольда.

– Я вот себя спрашиваю, что происходит быстрее: сначала замерзаешь в ледяной воде, а потом захлёбываешься? Или сначала захлёбываешься, а потом замерзаешь?

– Ещё одно слово и я воткну тебя в лёд и пойду дальше один.

– Своими пустыми угрозами ты меня больше не напугаешь. Я твоё единственное оружие. Ты бы берёг меня, как сокровище, даже если бы я был ржавой швейной иглой. Ху-хэ-хэ!

Румо зарычал.

– *Туица!* – сказал Львиный зев.

– Что ты сказал?

– *Я назвал тебя туицей,* – нагло ответил Львиный зев. – *Пустоголовый!*

Румо снова зарычал.

– *Рычи-рычи!* Я могу называть тебя, как захочу, а ты ничего не можешь поделать. Ты зависишь от меня. Для тебя я самое ценное оружие в мире! *Ху-хэ-хэ!*

– Я тебя предупреждаю!

– *Да-да, предупреждай! Задница! Идиот! Карточная игра!*

– Не вздумай продолжать дальше!

Львиный зев вошёл в азарт и запел по-детски:

– *Румо – карточная игра! Румо – карточная игра! Румо – карт...*

Румо вынул меч из-за пояса, со всей силы воткнул в лёд и пошёл дальше.

– *Эй! Румо!* – крикнул Львиный зев. – *Что это значит?*

Румо быстро удалялся.

– *Румо!* Я же просто пошутил! Не делай глупостей!

Румо, не оборачиваясь, шёл дальше. Голос Львиного зева становился всё тише.

– *Румо! Пожалуйста!* Я больше не буду! Слово чести!

Румо остановился и повернулся:

– Ты клянёшься?

– *Я клянусь! Я клянусь!*

– Ну, давай!

– *Клянусь, что я никогда не буду унижать Румо!*

– Покались, что ты будешь разговаривать только тогда, когда тебя спрашивают.

– *Да, да! Клянусь! Клянусь всему!*

Румо вернулся, вытаскил Львиный зев из льда и сунул за пояс.

– *Боже мой!* – сказал Львиный зев. – *Как же было холодно! Если вода там внизу только наполовину такая холодная, то...*

– Львиный зев!

– *Хорошо! Молчу!*

Мёртвые звери

Уже некоторое время лёд больше не трещал под ногами Румо, даже наоборот, он, кажется, становился всё толще и твёрже. Маленькие клювоносы остались далеко позади, но к своему беспокойству Румо увидел других зверей. А именно – под ногами, застывших глубоко во льду: летучие мыши, толстые рыбы и тюленеподобные звери с длинными когтями и утиными клювами. Белый медведь лежал на спине во льду, и Румо показалось, что он помахал ему лапой.

"Ты пойдёшь пешком через озеро", – вдруг вспомнил Румо предсказание ужасок. У этого предсказания была ещё вторая часть, но он её забыл.

– Как все это звери попали в лёд? – негромко спросил Румо.

– *Провалились в него, как же ещё?* – воскликнул Львиный зев.

– Но лёд тут намного толще, чем раньше.

– *Толстый лёд тоже ломается.*

– Помолчи! – приказал Румо.

Он остановился. Впереди, метрах в ста от него, возвышались две огромные ледяные скульптуры. Они были крупнее, чем все те, которые он до сих пор встречал.

– *Что там?*

– Не знаю. Я ничего не чую. Мне показалось, что там что-то двигалось.

– *Если бы лёд начал двигаться, то у нас бы появились неприятности.*

– Я знаю.

– *То есть, если бы прямо сейчас, тут, в середине озера лёд зашевелился, то мы оказались бы в такой большой...*

– Заткнись!

Ледогруды

Румо вынул меч и медленно пошёл в сторону белых скульптур. Издалека наваленные друг на друга льдины были похожи на великанов с мокрыми бородами, только что вышедших из воды. Через пятьдесят шагов они стали походить на острые зубцы замка с множеством башен, а через сто шагов – на приведения, застывшие в бешеном танце на ледяном ветру. Наконец, Румо стоял между ними и вблизи они выглядели как сложенные

друг на друга и скреплённые между собой льдины. Тут никого не было. Ему показалось.

– *Осторожно!* – закричал Львиный зев и Румо инстинктивно пригнулся. Что-то пролетело над ним. Он слышал, что это со свистом разрезало воздух, как удар меча. Румо перевернулся и поднялся. Ничего. Тут не было никого, и особенно с мечом. Только башни из льдин, замороженные на ветру и во времени.

– Что это было? – спросил Румо.

– *Осторожно!* – снова закричал Львиный зев и Румо сразу же упал на колени. Над ним опять что-то пролетело, но Румо успел разглядеть, что это была льдина в форме длинного, острого языка, исчезнувшая в ледяной скульптуре позади него. Румо остался стоять на коленях, держа меч в руке.

"И ты будешь сражаться с живой водой", – вспомнил он вторую часть предсказания ужасок.

– *Ледогруды*, – сказал Львиный зев. – *Шторр о них говорил.*

– *Льдины могут двигаться*, – прошептал Румо.

– *Они могут убивать*, – прошептал в ответ Львиный зев. – *Мёртвые звери во льду.*

Румо задумался. Два ледогруда – один перед ним, другой сзади. И оба могут использовать лёд как оружие. С другой стороны, они крепко вмёрзли в лёд, а ему нужно сделать всего пару шагов, чтобы выйти из зоны их досягаемости.

– *Нужно сматываться*, – сказал Львиный зев.

Румо начал медленно подниматься на ноги, но не выпрямился полностью, а оставался согнутым. Шаг за шагом, медленно и осторожно попытался он уйти.

Ледогруды не шевелились.

– *Дальше*, – шептал Львиный зев. – *Просто иди дальше...*

Румо шёл, задом наперёд, очень аккуратно, пока не удалился на такое расстояние, где ледогруды даже своими самыми большими и длинными льдинами до него не достали бы. Ну, только, если они не умеют их бросать.

Вдруг во льду раздался ужасный треск, будто вся поверхность озера раскололась до горизонта. Этот звук вызвал правый ледогруд. Всё его тело начало двигаться, будто невидимая рука толкала его по льду. Льдины раскалывались, в стороны летели белые осколки, падал снег, а лёд под ногами Румо угрожающе сотрясался. Чудовище выглядело как вмёрзший по грудь великан, который, гребя руками, передвигался вперёд. Буквально за секунду он сдвинулся на двадцать метров в сторону и перекрыл Румо путь.

Щель, оставляемая им позади во льду, сразу же закрывалась: вода замерзала с шипением и треском. Опять раздался грохот, и второй ледогруд сдвинулся с места и направился в сторону Румо. Осколки льда летели во все стороны. Оглушительно скрипя, льдины разошлись в разные стороны и собрались по-новому один раз, второй, третий, пока ледогруд не остановился перед Румо. Разрезанный лёд позади него тоже сросся в одно мгновение. Румо стоял, как вкопанный, зачарованный невероятным действием. За ним охотился живой лёд! Будто две гигантские шахматные фигуры зажали его ледогруды в тиски.

– Ты можешь проскочить или справа или слева! – прошептал Львиный зев. – Постарайся уйти отсюда. Быстрее!

Румо не заставил себя ждать. Он втянул голову и бросился вправо. В тот же момент лёд под ним раскололся, и появилась щель, быстро заполняемая чернильно-чёрной водой. Румо смог вовремя остановиться и секунду балансировал на краю трещины. Затем, наконец, выпрямился, отшагнула назад, повернулся и, пригнувшись, бросился в противоположную сторону. Огромная льдина упала перед ним, как гильотина. Он отпрыгнул в сторону, приземлился на все четыре лапы, перекувыркнулся вперёд через голову и опять встал на задние лапы. Раздался угрожающий треск, и второй ледогруд бросил в него сосульку. Румо пригнулся, ледяная стрела пролетела мимо, и Румо выпрямился, чтобы побежать дальше, но лёд под ним снова раскололся, образовав трещину больше метра шириной, наполняющуюся бурлящей водой. Перед ним и позади него были ледогруды, а по бокам – непреодолимые препятствия.

– Мы в ловушке, – сказал Львиный зев.

Ледогруды беспокойно качались из стороны в сторону, при этом льдины, из которых они состояли, ритмично расплзались в стороны и возвращались обратно на свои места.

– Следи за тем, который сзади меня, – сказал Румо Львиному зеву.

Ледогруды поочередно трещали и пищали – может быть, они так разговаривали? Какое-то время они пошатывались туда-сюда, издавая при этом звуки, похожие на спор.

Вдруг раздался звук лопающегося стекла, наверное, крик ледогруда, и у чудовища перед Румо выросли два мощных ледяных клинка, длиннее и шире, чем самый большой боевой меч.

Второй ледогруд ответил криком на крик и тоже выпустил два ледяных клинка.

– Четыре меча против одного, – сказал Румо перебрасывая, Львиный зев из руки в руку.

– Да, – прошептал Львиный зев. – Нам бы не помешала поддержка опытного воина. Гринцольд, ответь же, наконец! Мы знаем, что ты здесь.

Гринцольд не отвечал.

Ледогруд, стоящий перед Румо, треснул по ширине, его льдины разошлись в стороны, как огромная рыба пасть и Румо увидел глотку, полную чёрной воды. Ледогруд отвратительно заклокотал и выплеснул волну к ногам Румо. Тёмная вода облила сапоги Румо и в одно мгновение превратилась под ним в гладкий каток. На льду прыгали три золотистых рыбки и отчаянно хватали воздух.

– Они используют все способы, – воскликнул Львиный зев.

Румо встал так, что один ледогруд оказался справа от него, другой – слева. Он поднял меч и приготовился к атаке.

– Первая атака придёт справа, – сказал Львиный зев.

– Ты читаешь их мысли?

– Да, но я не понимаю их. Очень ледяной язык. Но мысли ледогруда справа кажутся мне более агрессивными, поэтому я думаю...

Раздался оглушительный треск и первым, на самом деле, атаковал правый ледогруд – бешеный, горизонтальный удар. Румо решил под ним пригнуться, вместо того, чтобы парировать. Удар пришёлся мимо, но за ним уже следовал второй, на этот раз слева, и Румо, сделав сальто назад, отпрыгнул в сторону.

В этой ситуации подобный акробатический трюк оказался плохой идеей – когда ступни коснулись льда, Румо заскользил и упал на спину.

Ему не осталось ничего другого, как парировать следующий удар из положения лёжа и он был очень удивлён, как легко разбился ледяной клинок о Львиный зев. Он разлетелся на мелкие льдинки. Раздался очередной разъярённый крик ледогруда, и чудовище атаковало вторым клинком. Но и этот удар Румо парировал, превратив оружие противника в град ледяных кристаллов.

– Отлично! – похвалил Львиный зев. – Но теперь лучше поднимайся на ноги!

Румо встал и повернулся к другому ледогруду. Тот отпрянул назад, издав продолжительный визг, и спрятал свои клинки.

– Дело принимает другой оборот! – воскликнул Львиный зев. – Ты их напугал!

Ледогруды опять заговорили на своём шумном языке.

– Они не знают, что им делать, – прошептал Львиный зев. – У них есть только замёрзшая вода...

Неожиданный скрежет прервал речь Львиного зева, и лёд под ногами Румо разверзся. Чудовища резко приподнялись, из-за чего лёд под ногами рассыпался на мелкие льдинки. Дико размахивая руками, попытался Румо удержать равновесие.

– *Сунь меня за пояс!* – прохрипел Львиный зев. – *Не отпускай меня! Иначе мы оба погибнем!*

Румо послушался и сунул меч за пояс, но при этом потерял равновесие, льдина перевернулась, и он упал в тёмную воду.

Румо вынырнул, глубоко вдохнул и увидел ледогрудов, с любопытством склонившихся над ним. Затем бурлящая вода потянула его в глубину, и Румо с ужасом услышал, как со скрипом лёд над ним опять сросся.

– *Ты должен плыть!* – кричал Львиный зев. – *Уплыть подальше и прорубить мечом дыру. Это наша единственная возможность!*

– Я не умею плавать! – подумал Румо. – Как это делают?

– *Не знаю,* – сказал Львиный зев. – *Я тоже не умею.*

– Тогда я должен умереть.

– **Я умею плавать,** – вдруг раздался мрачный голос Гринцольда.

– Гринцольд! Где ты был всё это время? – воскликнул Львиный зев.

– **Нигде. Меня обидели.**

– Ты умеешь плавать? – спросил Львиный зев.

– **Да. Умею.**

– Тогда научи Румо! Быстро!

– **Нет. Я появился сейчас только чтобы вам сообщить, что я могу бы помочь. Но я не буду этого делать. Почему я должен помогать кому-то, кто не может мне сделать малюсенькое одолжение?**

– Гринцольд, – умоляюще простонал Румо. – У меня заканчивается воздух!

– **Хм! А мне какое дело?**

– Гринцольд! – энергично воскликнул Львиный зев. – Если ты нам не поможешь, то произойдёт следующее: Румо умрёт. Но мы, оба, ты и я, мы упадём на дно этого озера и останемся там лежать много-много лет. Вдвоём. Одни. В этом холоде. И я клянусь, я сведу тебя с ума своей болтовнёй!

Гринцольд задумался.

– *Обещаешь убить Шторра-жнеца, если мы ещё раз его встретим?*

– Да, да! – подумал Румо. – Обещаю.

– Ну, хорошо, – сказал Гринцольд. – *Выпрями руки вперёд, над головой, ладони смотрят наружу. А потом резко отведи руки назад.*

Румо последовал объяснениям Гринцольда и ударился головой в ледяной потолок.

– *Видишь, всё очень легко! Нужно просто отбиваться от воды. Но ты должен ещё и ногами двигать! Видел, как плавают лягушки?*

Румо задвигал по-лягушачьи ногами, одновременно резко отвёл руки назад и заскользил под ледяным потолком.

– *Ещё раз!*

Лёгкие Румо горели, но он сопротивлялся смертельному желанию открыть рот и вдохнуть.

– *Ещё раз!*

С каждым движением отплывал Румо дальше от ледогрудов, и с каждым движением боль в груди становилась невыносимее.

– *Ещё раз!*

– Я больше не могу! – подумал Румо. – Мне нечем дышать!

– *Ещё раз!* – строго приказал Гринцольд.

Румо сделал последнее движение. Перед глазами затанцевали красные огоньки, а голова звенела как колокол.

– *Здесь!* – сказал Гринцольд. – *Здесь лёд потоньше.*

Румо выхватил меч и со всей силой ударил по льду.

– *Сильнее!*

Румо ударил во второй раз.

– *Ещё сильнее!* – приказал Гринцольд.

– *Давай же!* – крикнул Львиный зев.

Румо ударил ещё раз, и меч пробил дыру насквозь. Румо прижал губы к щели и глубоко вдохнул. Его рот наполнился ледяными кристаллами. Он вставил меч в щель и, раскачивая его, начал отламывать куски льда. Вскоре прорубь был достаточно большой, что бы в неё пролезла голова. Румо жадно хватал ледяной воздух.

Невдалеке он увидел ледогрудов, всё ещё склонившихся надо льдом и, вероятно, спрашивавших друг друга на своём ледяном языке, куда пропала их добыча.

– *Румо умеет плавать*, – сказал Львиный зев.

Конец ледяных пещер

Через полдня Румо дошёл до конца ледяного озера. Он больше не встретил ни одного ледогруда, но ему казалось, что они продолжали свою охоту, замораживая его. Вся ледяная поверхность была одним огромным организмом, чьей целью было убивать всё живое, что по ней двигалось. Румо не решался хоть на минуту остановиться. Он знал, что он умрёт, если остановится здесь и отдохнёт. Ледяная корка покрывала часть его одежды и шерсти и только телесное напряжение спасало его от замерзания.

Он шёл и шёл, пока вдруг не заметил одного из тех крючконосых пушистых зверюшек, неуклюже топавшего по льду.

– Животное, – сказал Румо.

А вот ещё одно. Два, три. И вдалеке множество чёрных точек, там должно быть их ещё больше.

– *Где животные, там и суша, только если это животные не рыбы*. – заметил Львиный зев.

Всё больше и больше пушистых зверьков встречалось на пути, они стучали клювами по льду, откалывали мелкие кусочки и жевали их. Недалеко впереди Румо увидел, что ледяная поверхность переходит в чёрные скалы, заросшие тёмно-синим мхом. Скалы поднимались вверх в форме террас и исчезали в темноте.

Румо почувствовал себя свободнее, когда встал на твёрдую почву. Только теперь он понял, что ушёл от ледогрудов. Он зачерпнул немного снега и утолил жажду. Затем он начал восхождение на скалы.

Через несколько часов подъёма воздух вокруг стал теплее. Да и пушистых маленьких зверей тут было гораздо больше. Они вылезали из дыр в скалах, которые с каждой террасой становились больше и больше. Наконец дыры в скале стали такими большими, что Румо мог бы в них стоять не сгибаясь. У его ног попискивая суетились зверюшки.

Румо посмотрел вверх. Над его головой друг над другом возвышалось не меньше полдюжины террас. Румо решил, что нет смысла карабкаться дальше. Он совершенно выбился из сил и ему нужно было немного отдохнуть. Поэтому он сел на землю спиной к камням.

Маленькие зверюшки мгновенно полезли на него. Десятки зверюшек залезли на Румо и укрыли его с ног до головы. Затем они прижались к нему и начали мурлыкать. Румо был накрыт тёплым живым мехом.

– *Какие они ручные!* – заметил Львиный зев.

– *Мы должны убить парочку и выпить их кровь,* – предложил Гринцольд.

– *Как же я скучал по тебе и твоим конструктивным предложениям!* – сказал Львиный зев. – *Хорошо, что ты опять здесь, Гринцольд.*

Через несколько секунд Румо уже спал.

III. Медная дева

Она лежит? Она стоит? На это вопросы Рала не смогла бы ответить. Она попыталась говорить, но её губы не двигались. Она попыталась открыть глаза, но её веки не слушались.

Страх? Нет. Рала бодрствовала, жила и ничего не боялась. Это было неправильно, она должна была бояться, хоть немного. Но, несмотря на слепоту, оглушённость и скованность, спокойствие её только усиливалось. Необычно, но это так. Может быть, она сошла с ума? Говорят, что в безвыходных ситуациях сумасшедшие иногда остаются безрассудно хладнокровными.

Рала ещё раз принялась. Тут был запах металла и закоптелый запах свинца. Рала была похоронена заживо. Или она умерла? Нет, она чувствовала себя живой и очень бодрой! Только один знак, всего лишь один знак снаружи подтвердил бы её чувства! Но там ничего не было. Долго лежала Рала в темноте. Лежала в темноте и ждала.

Вот! Наконец! Скрежет! Неприятный звук, когда металл царапает о металл, продолжительный, мучительный, от которого волосы встают дыбом. Но для Ралы это было прекрасной музыкой. Кто-то царапал её гроб.

Затем она услышала голос. Он, казалось, раздавался со всех сторон, шептал, был незнакомым, холодным и смертельным. К бездушному шёпоту примешивался неравномерный механический звук, похожий на тиканье сломанных часов.

– Рала? – спросил голос. – Ты, «тик», наконец, проснулась? Да? Мои «так» приборы «тик» говорят, что ты проснулась. Значит мы, наконец, можем начать. Ты «так» готова умереть? Умереть так медленно, как ещё никто «тик» и никогда не умирал?

История генерала Тиктака

Когда генерал Тиктак и его медные парни исчезли с поверхности Земли, появились легенды, что они попали в ад. Как и во всех легендах, в этих была скрыта доля правды. И как всегда, эта правда была более захватывающей, чем любые выдумки. Да, генерал Тиктак попал в ад, но это не было окончанием его истории. Это было началом. Там, внизу, он нашёл

всё, о чём он мечтал, он нашёл свой дом, он нашёл вечное умирание и вечную смерть. Он вырос, вырос морально, он стал чем-то гораздо большим, чем он был в наземном мире. Но это далеко не самое важное, что произошло с генералом Тиктаком в подземном мире. Нет, лучшим было то, что он нашёл там любовь.

После того, как генерал Тиктак сбежал с Драконгоры и бросил своих солдат, он больше не оглядывался. Он шагал часы, дни, недели напролёт, ни разу не останавливаясь и не смотря назад.

Где-то через два месяца генерал Тиктак впервые остановился и обернулся. Вся его армия, по крайней мере, всё, что от неё осталось, примерно пара сотен медных парней, вытянувшись стояла на почтительном расстоянии. Они следовали за ним шаг за шагом и теперь с нетерпением ожидали его приказов.

В этот момент он понял, что его солдаты всюду последуют за ним, не важно, что он будет делать. Он мог бы пойти прямо в плавильную печь, и они бы безропотно за ним последовали. Это было абсолютным слепым подчинением. С такими телохранителями он мог всё ещё многого добиться.

– Приказывай, генерал Тиктак, и мы подчинимся! – крикнули медные парни и застучали кулаками в доспехи.

Итак, они вместе пошли дальше по Замонии, нападая на деревни и маленькие незащищённые города. Но, в отличие от обычных армий, медные парни не преследовали никаких целей. Он не желали разбогатеть, он не желали захватывать города, что бы управлять ими и поработать жителей, они хотели делать только то, чему они были научены: убивать, разрушать и идти дальше, чтобы заново убивать и разрушать. Медным парням нравилась такая жизнь, и, если бы это зависело от них, они быечно так продолжали. Но со временем генералу Тиктаку стало скучно. Он бы хотел разрушать больше, на более высоком уровне, и убивать с большей утончённостью. Но, судя по всему, на этом континенте ничто не могло предложить ему такой возможности.

Однажды они встретили армию демонов и, несмотря на то, что демоны превосходили медных парней по численности, в конце дня от них не осталось ничего, кроме того, что подёргивалось на кольях на краю поля битвы и ждало спасительной смерти.

Генерал Тиктак, которого интересовало всё, что имело какое-либо отношение к смерти, подошёл к умирающим воинам-демонам и спросил:

– Во что «тик» вы верите, куда вы «так» попадаете после смерти?

– В подземный мир! – в один голос ответили воины.

– Подземный мир? Что «тик» есть такого в «так» подземном мире, чего вы так жаждете?

– Там есть вечное умирание и вечная смерть, – прохрипел один солдат.

– Там пьют только вино смешанное с кровью! – просипел второй.

– А убийство и пытки там почитаются так, как рождение и любовь здесь, – с трудом ответил третий.

– Мне это «тик» нравится, – сказал генерал Тиктак. – Как «так» я могу попасть в это чудесное место?

– Ты? Ты не можешь! – рассмеялись воины-демоны. – Так как ты просто проклятая машина, ты не можешь умереть. В подземный мир можно попасть только через собственную смерть.

– Тогда, «тик» не будем «так» задерживать путешественников, – сказал генерал Тиктак и собственноручно перерезал им горло.

С этого момента генерал Тиктак помешался на мысли попасть в подземный мир. Сказать ему, что он чего-то не добьётся, было наилучшим способом заставить его это сделать. Таким образом, умирающие воины-демоны привнесли смысл в бессмысленное существование генерала. Он с удовольствием, не умирая, спустился бы в это ужасающее царство пыток и смерти. И даже если ему для этого понадобится умереть, то он сделает это своими собственными руками. Но просто туда попасть – этого было ему мало, о, да, он мечтал стать властелином этого чудовищного мира.

С этого момента медные парни получили приказ спрашивать о пути в подземный мир каждого встречного и под "спрашивать" они обычно понимали "пытать", пока не будет выжата вся информация. Во время пыток они узнали много мест, где якобы расположены входы в подземный мир: Дикое ущелье в Мидгардских горах, подводный грот около Бухтинга, кратер в Демонических горах. Поэтому медные парни без устали маршировали по Замонии в поисках пути в подземный мир и встречали одно разочарование за другим.

Однажды они пришли в маленький город, называемый Снежинск, так как его дома были покрыты вечным снегом. Уже когда они увидели город издалека, генерал Тиктак решил захватить его. Медные парни почистили своё оружие, зарядили арбалеты и, как обычно, захватили в плен вблизи города пару местных жителей, чтобы с помощью пыток получить информацию. Среди пленников оказался древний слепой друид, который жил на холме недалеко от города.

Он предупредил медных парней: "Не входите в этот город! Он проклят! Уже много раз наполнялся он жителями и каждый раз они все ночью исчезали. Всего несколько дней назад я снова почувствовал тот кислый запах, который висит над городом после исчезновения жителей, и опять все жители исчезли. Избегайте этого города! Он пожирает собственных детей!"

Генерал Тикатак нашёл эту историю очень увлекательной и поэтому решил пощадить старого друида – он был тут же убит, вместо медленной мучительной смерти. Затем медные парни вступили в Снежинск, поскольку теперь генералу Тиктаку стало по-настоящему любопытно. И точно, им никто не вышел на встречу, они не встретили никакого сопротивления, город был пуст, город-призрак без жителей, как и сказал старик. Покрытые снегом крыши сверкали в лунном свете, и генерал Тиктак спросил себя, почему пустует такой красивый город. Может быть, этот слепой старик распутал всех своими сказками и теперь из-за детских страшилок этот город пуст. И, как он заметил к своему разочарованию, тут не было ничего, что можно было бы убить. Он пожалел, что так милостиво обошёлся со слепцом.

Когда медные парни вышли на центральную площадь Снежинска, их взору предстало необычное зрелище: в центре площади зияла огромная дыра и из неё исходил кислый запах. Генерал Тиктак подошёл к краю дыры и посмотрел вниз. Бесконечная лестница вела под землю. Он приказал привести одного из пленников, захваченных около города.

– Что «тик» это? – спросил он пленника.

– Я не знаю! – дрожа, ответил пленник.

Генерал Тиктак схватил его за пояс и швырнул в дыру. Долго-долго он слушал крик бедняги.

– Зато я «так» знаю, – сказал он, когда крик наконец стих. – Это «тик» вход в подземный мир.

Эффектный выход

Гел пришёлся генералу Тиктаку по вкусу. Город был больше всего того, что он до сих пор видел, Гел был запущеннее, красивее и злее. Тёмные переулки, призрачный свет, жуткая архитектура, необычные местные жители, копоть и грязь – всё, что он увидел, войдя с медными парнями в Гел, всё ему чрезвычайно понравилось. Впервые захотел он не разрушить город, а стать его частью, важнейшей частью, конечно.

Никто не преграждал ему и медным парням путь. Молча, позвякивая, шла металлическая армия по закоптелым переулкам, и каждый, кто их видел, убегал в сторону и исчезал в темноте. Иногда они встречали небольшие банды кровомясников или других солдат, которые почтительно уступали им дорогу. Но основными жителями, как им показалось, были светлокожие существа с рогами на головах или странные гибриды, которые так причудливо выглядели, что великолепно вписывались в атмосферу города. Генерал Тиктак был в восторге.

Он остановился, что бы подвергнуть пытке пару местных жителей – самый быстрый и надёжный способ получить информацию о незнакомом городе. И информация просто была из опрашиваемых ключом. Этот город называется Гел, это центр подземного мира, тут правит король Гаунаб девяносто девятый, его ближайший советник – некий Фрифтар и почти все жители сейчас находятся в Театре красивых смертей. Этого было достаточно.

Медные парни одели на шею одного из пленников длинную цепь, и он должен был идти впереди, показывая дорогу в театр.

Вход в театр охраняла маленькая шайка кровомясников. Появление медных парней оказалось для них настолько неожиданным, что град стрел обрушился на них ещё до того, как они успели вытащить своё оружие. Медные парни зашли по трупам в театр.

В тот момент, когда армия захватчиков, к всеобщему удивлению, вышла на сцену, там происходило неравное сражение: толпа кровомясников вооружённых мечами и топорами убивала нескольких пленников, только что приведённых из Снежинска. Но и эти кровомясники ничего не успели предпринять и пали под градом стрел медных парней.

Всё больше и больше металлических воинов выходило на арену. Публика, король, его советник и телохранители были поражены – настолько невероятным было то, что происходили сейчас перед их глазами: армия механических существ захватила Театр красивых смертей и направила свои арбалеты на зрителей. Все замолчали, и какое-то время были слышны лишь тиканье и стук машин.

Тут в Театре появился генерал Тиктак и гордо вышел на середину арены. Кое-где в публике раздались крики, когда огромный воин показался на сцене. Эта машина была ещё больше, ещё страшнее, ещё нереальнее, чем другие. Пара медных парней демонстративно выпустила из своих медных ртов пламя.

– Кто тут «тик» король? – громко крикнул генерал Тиктак.

– Я ролько! – ответил Гаунаб, который, трясаясь от возбуждения, стоял на троне.

– Вот наш король, Гаунаб Аглан Азидаака Бенг Элел девяносто девятый, – сообщил Фрифтар, одновременно склоняясь перед своим властелином. – А я – Фрифтар, его советник и руководитель Театра красивых смертей. Позвольте мне, от имени моего короля, спросить вас, кто вы? И кто позволил вам вот так просто вваливаться сюда и убивать наших солдат?

Генерал Тиктак наслаждался паузой, повисшей между вопросом Фрифтара и собственным ответом, пока она не стала почти невыносимой. Все в Театре затаили дыхание.

– Меня зовут «тик» генерал Тиктак, – так громко сказал он, что его голос был слышен даже в последних рядах. – А это «так» – мои медные парни. Мы пришли, чтобы вам...

Тиктак выдержал ещё одну театральную паузу. Медные парни направляли своё оружие в толпу и на короля.

– ...служить! – закончил предложение Тиктак. Затем он медленно стал опускаться на колено и смиренно преклонился перед Гаунабом девяносто девятым.

Неописуемое ликование наполнило театр.

Воин и король

Этим генерал Тиктак пленил Гаунаба. Огромный медный солдат так сильно напугал его и так великодушно перед ним преклонился, что весь его страх тут же исчез. Все дипломатические трюки Фрифтара бледнели перед подобным жестом. Что за увлекательная, блестящая, опасная новая игрушка! Воин из металла, с машиной вместо сердца и он желает служить Гаунабу!

Как же он хотел быть таким же бессмертным и бессердечным созданием! У генерала Тиктака было всё, о чём только мечтал Гаунаб: вечное здоровье, неуязвимость, неиссякаемая сила. По сравнению с Тиктаком его собственные генералы были неопытными трусами, которые не видели ни одного поля боя, кроме арены театра, да и ту из охраняемой ложи.

После театрального выхода Тиктака между ним и королём состоялся продолжительный диалог, во время которого Фрифтар всё тщательно переводил. В итоге было решено, что медные парни становятся граждана-

ми Гела. За это они, в случае военных действий, находятся на службе короля и его советника и выполняют их приказы.

После того, как генерал Тиктак ушёл расквартировывать своих медных парней, Гаунаб ещё некоторое время совещался с Фрифтаром.

– Я бы телхо читьнаназ ларанеге Кататик щимюдуманконоглав шихна нахжёнруово сил, – сказал Гаунаб.

– О, неужели? – сказал Фрифтар, пытаясь скрыть удивление в своём голосе. – Вы хотите назначить генерала Тиктака главнокомандующим наших вооружённых сил? Великолепная идея. Как всегда.

– Даправ? Это ноальниге! Он вимязуне! Он лёнси! Он ныйдёнрожпри датсол!

– Да, он прирождённый солдат. Неузвимый. Идеальный предводитель для наших войск. Я поздравляю вас, Ваше величество, с принятием вами такого чудесного решения в вопросе кадровой политики, – повторяя слова Гаунаба Фрифтар обдумывал одновременно сотни вариантов.

– Босиспа! Он мне сьавиттра.

– Жаль только....

– Что? Что кожал? – выжидающе спросил Гаунаб.

– О, просто... генерал Тиктак такой квалифицированный солдат, такая ослепительная личность. Какая же утрата для Театра красивых смертей!

– Что ты ешьмеи дувви?

– Вы видели, как народ реагировал на его появление? Эта смесь страха и восхищения? Стоит ему только палец поднять и все смотрят на него, как загнипнотизированные. Это так ... феерически.

– Кичесриефе?

– Я имею в виду, он обладает всем, что нужно нам в Театре красивых смертей. Он притягивает публику. Только одно его присутствие обеспечит нам полный зал. Человек из металла! Воин без сердца! А его медные парни! Народу бы понравилось, если бы Генерал Тиктак стал командующим охранного подразделения театра.

– Родна? С кихка пор мы сьемсуретеин тем, что етмаду родна?

Фрифтар рассмеялся:

– Ваше величество, чудесно! Этой шуткой вы хотели сказать мне, что народ должен верить в то, что его мнение что-то значит? – Фрифтар построил такую мину, будто он очень серьёзно что-то обдумывает. – Ну, конечно!... Вы, как обычно, правы! Клянусь всеми огнями Гела! Это мысли политически зрелого государственного деятеля!

– Я телхо? – спросил сбитый с толку Гаунаб. Не хотел ли сказать совершенно противоположное? Он потряс головой. Затем будто что-то вспомнил. – Да, ноточ, телхо.

– Это гениально! – восхищённо воскликнул Фрифтар и налил королю вина. – Медные парни в качестве охранников в Театре красивых смертей! Аттракцион и ваши телохранители одновременно! Ну почему же я сам до этого не догадался? Их присутствие придаст сражениям дополнительное очарование. Они могут время от времени сами нападать или убивать некоторых пленников!

– Ватьбиу ковниплен! – также восхищённо воскликнул Гаунаб. – Да! Ватьбиу ковниплен!

– Одну минуточку, Ваше величество. Я постепенно начинаю понимать, куда вы клоните! Мы должны построить для них отдельный этаж, не так ли? Над этажом для пленников, за которыми они могут сверху следить. Конечно! Это совершенно оригинально!

– Нональгирио? Да! Нональгирио! – закричал Гаунаб и захлопал в ладоши. – Киниранох! Да, киниранох! Хусвер!

– Значит, Ваше величество, генерал Тиктак будет назначен командующим охранного подразделения Театра красивых смертей? – как бы, между прочим, спросил Фрифтар. – Должен ли я сообщить об этом народу? Должен ли составить декрет?

– Хм? – Гаунаб глупо почесал макушку и серьёзно задумался. – Да, жешьмо. Тоэ ёмо еколевсроко енилаже.

– Ваше королевское желание? Как пожелаете, Ваше величество! – Фрифтар поклонился и монарх с облегчением развалился на своих подушках.

Королевский советник, спеша в свои покои после разговора с королём, поздравлял себя с такой удачей. Он едва не проиграл. Если бы из-за противного настроения тупого короля генерал Тиктак получил должность в том отделе, справиться с которым не помогли Фрифтару даже его многолетние интриги, это было бы ужаснейшим провалом. Но теперь генерал Тиктак находился там, если уж теперь приходится принимать его во внимание, где Фрифтар хотел его видеть – в театре, вместе с остальными шариками, которыми жонглировал советник. Теперь его беспокоил только один вопрос – как долго ещё удастся ему одновременно держать все это шарик в воздухе.

Тиктак растёт

С того момента, как генерал Тиктак завоевал доверие Гаунаба, он практически с каждым днём увеличивал свою силу. Но в отличие от Фрифтарга, пользующегося интригами и шпионажем, генерал Тиктак развивал и совершенствовал самого себя.

Он проконсультировался в каждой оружейной кузнице города, заставил мастеров и инженеров продемонстрировать военную технику и их новые изобретения. Затем он выбрал то, что пришлось ему по вкусу: клинок тут, набор специальных стрел там, миниатюрный арбалет, сухожилие из драгоценного металла, отшлифованные зубы из двенадцатислойной стали, наполненный ядом стеклянный кинжал. Все эти приобретения были встроены в его тело. Он рос с каждым днём, в ширину и в высоту, а его внутренности наполнялись хитроумным оружием. Его руки и ноги стали длиннее, грудь – объёмнее, спина – шире. Его вес стал таким огромным, что когда генерал Тиктак шагал по улице – камни разлетались с мостовой в стороны.

Спрятанный внутри него арсенал представлял все наилучшие новинки оружейной промышленности Гела. Левым глазом он мог стрелять тонкими стрелами, начинёнными на выбор либо усыпляющим средством, либо смертельным ядом. На кончиках пальцев у него были кинжалы, которые можно было выпускать наружу и втягивать обратно. В груди у него был вставлен кузнечный мех, наполненный легковоспламеняющейся жидкостью, которую он мог выплёвывать точно в цель. Коварное оружие было спрятано в каждой точке его тела. Он видел себя постоянно растущим ходячим шедевром, вечным двигателем, который может бесконечно увеличиваться. Разруха, износ, время и болезни были факторами, не играющими никакой роли в жизни генерала Тиктака. Десять лет для него было также много или мало как сто, сто как тысяча. Немного ржавчины, но с этим нужно смириться, сломанный сустав, пара ослабившихся шурупов и гаек, периодически перегоравшая алхимическая батарейка – всё это можно было без проблем заменить на новые, ещё лучшие, запасные части. Время было на стороне Тиктака – техника обработки металлов и легирования становилась всё лучше, оружие хитроумнее и эффективнее. Он, ожидая технического развития, с радостью смотрел на сто лет вперёд: как только будут появляться полезные изобретения, они сразу же будут встраиваться в ненасытное тело генерала. В будущем его не сможет никто остановить, но в настоящий момент он должен был расти. По сравнению с тем, что он себе представлял в будущем, сейчас он был просто карликом.

Пока он не мог просто так раздавить стальным гигантским кулаком этого уродливого короля Гела и растоптать, как насекомых, его народ. Но как он об этом мечтал! Сейчас для осуществления своих целей он вынужден пользоваться обременительной дипломатией.

Тиктак часто спрашивал себя, чем он отличается от медных парней, что возвышает его над ними, что делает его генералом. Он никому не по-виновался, но он знал, что у него внутри есть что-то, что им управляло, что-то таинственное, что он обнаружил в своих механических внутренностях. Он понимал, что алхимики при его рождении вставили ему этот загадочный мотор. Это было ни алхимической батареей, ни паровой машиной, это было что-то, что могло самостоятельно мыслить, что не знало ни покоя, ни сна, ни затишья, ни согласия. Это мистическое что-то постоянно пыталось Тиктака вопросами: "как я могу расти дальше?" или "как я могу стать ещё могущественнее?" или "как мне ещё больше навести страху?" Но главным вопросом, который постоянно крутился в голове Тиктака, был: "Как я могу ещё лучше убивать?"

Он убивал всеми возможными способами, всевозможным оружием, машинами, ядами и голыми руками. Никто не знал больше о смерти и умирании. Он заглядывал в глаза в момент смерти каждой своей жертвы, что бы узнать о смерти всё и увидел там вещи, которые сделали его ведущим специалистом в этой области. Да, если бы существовала такая академическая степень, то её получил бы генерал Тиктак, он был бы *Доктором Смертью*. Он выяснил, что в последний момент перед смертью вся боль исчезала, неважно какой сильной она была. Но куда?

Если он хотел узнать о смерти всё, совершенно всё, то ему требовалось время. Речь шла не о его собственном времени, его у генерала было предостаточно, он же был бессмертен, нет, речь шла об ужасно коротком отрезке времени, в который умирали его жертвы. Когда начинался процесс умирания, то его уж нельзя было остановить или контролировать. И это каждый раз огорчало генерала. Только что он управлял жизнью и умиранием, но вдруг какая-то другая, более сильная инстанция перенимала контроль и начинала диктовать правила игры. С каким же удовольствием растянул бы он процесс умирания, на дни, недели, месяцы!

Но судьба привела генерала Тиктака в Гел, и этот город зла приготовил ответ на самый мучительный вопрос генерала – как может он ещё лучше убивать. Возможно это прозвучит странно: ответом на этот вопрос была любовь.

Медная дева

Все совершают опасную ошибку, недооценивая зло, говоря, что оно не может любить. Уметь любить это не привилегия добра, а, вероятно, единственное, что связывает добро со злом. И то, когда наступает любовь, часто зависит лишь только от определённого времени и определённого места. В случае генерала Тиктака этим местом оказалась мастерская оружейной кузницы в Геле, изготавливавшая также орудия пыток.

Он пришёл туда в поисках новых игрушек, которые можно было вмонтировать в своё тело. Кузнец разложил для него все новинки на большом столе, среди них клещи для пыток с алмазными зубцами и позолоченную зазубренную пластинку, которую можно было метать, как сюрикен.

Тиктак рассмотрел клещи. Они были такими эффективными, что с их помощью можно было бы разобрать на куски медного парня, да что парня, да, даже его самого, если обладать достаточной силой. Он взвесил в руке позолоченную пластинку, с помощью которой можно было перерубить противника, как дерево. Оба оружия были очень опасны.

Но Тиктак был в таком мрачном настроении, что ничто не могло его восхитить. Он не хотел, что бы ему что-либо навязывали, он хотел спокойно, в одиночку побродить по мастерской. Он заглядывал в каждый угол, пока кузнец не завёл его в большую, тёмную комнату, которую он называл кладбищем жестинок. Тиктак приказал зажечь факел и когда его пламя осветило кучи хлама, что-то в дальнем углу комнаты привлекло внимание генерала. Это было похоже на саркофаг. Тиктак очень интересовался гробами, и саркофаги он считал гробами более высокого уровня искусства. Он направился в тот угол, а кузнец с факелом последовал за ним. Чем глубже они пробирались сквозь металлический мусор, тем сильнее росло возбуждение Тиктака. Нет, это не было саркофагом. Он подумал, что знает, что это: что-то, о чём он много раз слышал, но ещё никогда не видел. Он не верил, что кто-то мог оставить такую ценность просто так ржаветь. Он будто нашёл посреди мусорной свалки огромный алмаз. Он нашёл настоящую Медную деву.

Медная дева – это инструмент для пыток. Снаружи экземпляр, перед которым стоял генерал Тиктак, своими мёртвыми глазницами и широко раскрытым ртом напоминал доспехи и одновременно привидение, испытывающее вечные муки. Рот медной девы был сделан из грубого, серого свинца, но все остальные детали и гайки были медными. Передняя часть медной девы открывалась как двухстворчатый шкаф. Внутри она

была пуста, это пространство было достаточно большим, чтобы вместить крупное тело. На внутренней стороне дверей были прикреплены десятки тонких длинных игл и, как с восторгом заметил генерал Тиктак, медных кинжалов. Вкладываешь осуждённого в медную деву, закрываешь двери, и кинжалы протыкают его тело с ног до головы. Для этого, собственно говоря, и была предназначена медная дева, сообщил генералу со знанием дела кузнец. Её задачей было продырявливание тела жертвы наиболее искусным образом. Разница между убийством и пыткой заключалась лишь в том, с какой скоростью закрывалась дверь. Он также добавил, что эта медная дева унесла столько жизней, что их невозможно сосчитать. Шарниры ужасно скрипят, между делом добавил он, а кинжалы со временем покрылись толстой коркой засохшей крови и выглядели не так привлекательно. И он хочет вскоре расплавить эту медную деву.

За такое неслыханное неуважение генерал Тиктак тут же убил кузнеца. Он приставил к его затылку палец и выпустил медную иглу, пробив дыру в мозгу бедняги. Труп упал к ногам медной девы, туда, где, по мнению генерала Тиктака, и было ему место. Как он только посмел так её унижать? Назвать её в присутствии Тиктака старой и уродливой? Тиктак с удовольствием рассматривал медную деву. Столько всего она в себе скрывала: она была созданием, умеющим изысканно и мучительно убивать. Так же, как и он, дева была почти полностью сделана из меди. Они будут расти вместе. Они будут вместе убивать.

Генерал Тиктак закричал так, что кузница завибрировала. Он впервые в жизни влюбился.

Больше смерти!

После того, как по приказу генерала Тиктака медная дева была перенесена в камеру пыток в его башне, он заставил свою прислугу вынести из камеры все остальные орудия пытки. Дыбу – вон! Гарроту – вон! Стул с шипами – вон! Своим присутствием они только оскорбляли деву. Никогда больше ему не придётся обращаться к таким примитивным инструментам. Затем самолично он почистил и починил деву. После этого он смыл кровь с кинжалов. Чья была эта кровь? Как сильно они мучались? Как долго? И сколько их было? Кто пытал с её помощью? Тиктак поборол нарастающую ревность и начал полировать медь специальной пастой. Как красиво она снова блестела! Он смазал маслом шарниры и от-

полировал остальные детали. Он закрутил все гайки и осмотрел своё со-кровище. Медная дева выглядела совершенно новой.

Он ходил вокруг неё кругами и думал. Ей чего-то не хватало. Но чего? Подвижности? Живости? Нет. Тиктак не планировал встраивать в неё механизмы, похожие на тикающие у него внутри. Медная дева нравилась ему такой, какой она была: недвижимой и молчаливой. Но всё-таки чего-то не хватало. Тиктак проходил круг за кругом, осматривал её со всех сторон, открывал и закрывал дверцы и, наконец, понял: медная дева не должна стать более живой, она должна стать более смертоносной.

Невозможное задание

Генерал собрал у себя лучших алхимиков, врачей и инженеров Гела и рассказал о своих планах: медная дева должна стать самой дорогой, изысканной и красивой машиной смерти из всех когда-либо построенных. Не подвижной, как он сам и медные парни, а такой, которая вечно будет стоять на одном месте, здесь, в башне генерала Тиктака.

Уже само слово машина было неверным, было слишком обычным и техническим для таких утончённых функций, которые должна будет выполнять медная дева согласно планам Тиктака. Она должна стать художественным инструментом, отвечающим всем требованиям и способностям великого виртуоза смерти. Генерал пожелал гидравлическую и пневматическую проводящие системы, управляемые с помощью вентиляей и краников. Он пожелал трубки разной толщины и полые иглы, такие тонкие, каких ещё никто никогда не создавал. Он хотел эликсиры и яды, наркотики и эссенции.

Собравшиеся учёные и техники почесывали головы и непонимающе глядели друг на друга – возражать они не решались. Генерал Тиктак с необычной для него благосклонностью заметил, что, вероятно, он должен разъяснить свой план более детально.

– Прежде всего «тик», я желаю, – начал он своё объяснение, – чтобы кинжалы в медной дева были заменены на длинные, тонкие «так», полые иглы, соединённые с «тик» хитроумной системой медных трубок и сосудов «так», находящихся снаружи медной девы. Я хочу «тик», чтобы в этих трубках и сосудах циркулировали «так» разнообразнейшие алхимические жидкости.

Учёные были совсем не против узнать, какие конкретно жидкости имел в виду генерал, но не решились переспросить.

– Я хочу по своему усмотрению впрыскивать «тик» через иглы эти жидкости в жертву, находящуюся в медной дева. Я хочу подчинить своему влиянию все химические процессы в организме жертвы! Мне нужны крапы «так» и вентили! Насосы и фильтры! Я хочу играть на организме жертвы «тик», как на музыкальном инструменте!

Некоторые алхимики начали постепенно понимать, о чём говорил медный генерал.

– Под жидкостями я подразумеваю «тик» с одной стороны сокращающие жизнь яды, с другой стороны – продляющие жизнь алхимические «так» эссенции. А также вызывающие боль кислоты, травяные отвары, «тик» секреты различных животных и всевозможные наркотики. Я хочу «так» яд беладонны! Растворённые в спирте опиаты! Валериану, мышьяк, настой Melissa, жидкий кофеин, эссенцию дурмана! А алхимики «тик» должны сварить совершенно новые, обладающие большей силой зелья, которые «так» ускоряют смерть и продляют жизнь! Которые «тик» вызывают боль. Которые «так» снимают боль. Которые во много раз усиливают «так» смертельный страх. Которые вызывают «тик» в мозгу чудовищный хаос! Я хочу «так» зелье, вызывающее истерическое счастье!

По всё чаще повторяющемуся тиканью учёные заметили, что возбуждение генерала усиливалось. Также они поняли неотложность желаний Тиктака и его решительность.

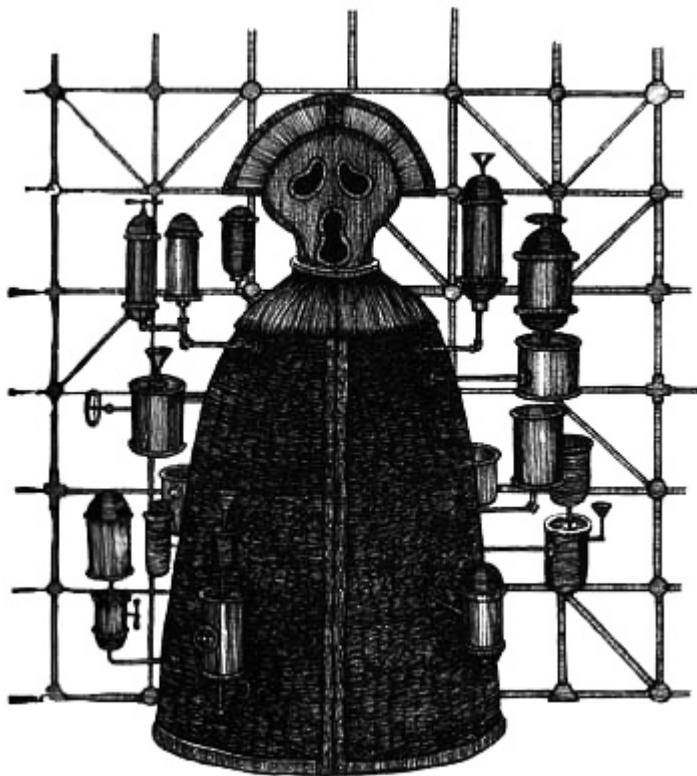
– Я хочу «тик», – воскликнул он, – построить «так» машину, с помощью которой я смогу контролировать смерть! Если мне «тик» это удастся, тогда «так» смерть перестанет быть делом «тик» природы, она станет «так» искусством!

Генерал Тиктак закончил свою речь и посмотрел внимательно на каждого своего слушателя.

– Я хочу «тик» невозможного, – тихо произнёс он наконец. – И я хочу получить «так» это в самые короткие сроки.

Алхимики, врачи и инженеры поспешили в свои лаборатории и мастерские и начали работать над своими заданиями так, как ещё никогда в жизни ни над чем не работали. То, что потребовал от них генерал Тиктак, было безумием. Точно также он мог приказать им сделать его невидимым или построить машину для создания золота. Они работали в течение нескольких месяцев, днём и ночью, используя все свои возможности и с такой энергией, с какой никто из них никогда раньше не работал. Этому способствовали регулярные посещения генералом Тиктаком мастерских и лабораторий. Одного его присутствия хватало, что бы решить, казалось бы, неразрешимые проблемы и превратить усталость

в неиссякаемую жажду к работе. Через полгода немислимое было создано. К огромному удовлетворению генерала Тиктака медная дева была готова.

Искусство медленной смерти

Но на практике использование медной девы оказалось гораздо сложнее, чем генерал себе предполагал. После нескольких экспериментов он с огорчением понял, что искусство – и даже искусство медленной смерти – очень капризная вещь. Первая же жертва, запертая в медной деве, умерла в тот самый момент, когда первая игла проколола её тело – умерла от страха. Следующие три жертвы прожили всего несколько минут, так как Тиктак, пребывая в сильном возбуждении, переборщил с живительными субстанциями и сердца жертв перестали работать. Постепенно он научился себя сдерживать, но всё равно ни одна жертва не выживала в медной деве больше часа.

Генерал Тиктак понял, что медная дева – тонкий инструмент, что сначала он должен терпеливо научиться ею пользоваться и что организмы его жертв очень чувствительные и в них нельзя просто так вливать наркотики и яды.

Но и его подопытные несли на себе часть вины – они умирали, потому что они хотели умереть. Каждый из них пытался как можно быстрее покинуть медную деву, и единственным способом для этого была смерть. Тиктак мог впрыскивать в их тела сколько угодно осчастливливающих эссенций, но вероятно само пребывание в этой машине было для жертв настолько ужасным, что каждая из них предпочитала смерть. Генерал Тиктак потребовал самых матёрых воинов, самых опытных солдат и покрытых многочисленными шрамами богатырей, которые наспигованные стрелами или с разбитыми черепами продолжили бы сражение на поле боя. Но даже они выдерживали максимум один-два дня, а их вульгарные проклятия оскверняли тело медной девы. Если генерал на самом деле хотел разгадать тайну смерти, то ему требовался особый испытуемый.

Он протестировал ещё с десятком подопытных, пока не осознал свою ошибку. Медная дева была скрипкой без струн. И это было главной проблемой. Инструмент и виртуозный исполнитель были тут, но душа инструмента отсутствовала. Эта благородная, наисложнейшая машина требовала подобного себе существа и только тогда она сможет создавать музыку, о которой мечтал генерал. Тиктак решил больше не поливать бессмысленно кровью этот ценный инструмент, а ожидать момента, когда ему в руки попадётся достойная жертва.

Новые войны

Искать среди жителей Гела душу для медной девы было примерно таким же безуспешным делом, как искать овцу в стае волков. Несмотря на это Тиктак разослал всюду своих шпионов в поисках подходящего материала. Но то, что они находили в закоулках Гела, ни в коей мере не соответствовало высоким запросам генерала.

Генерал Тиктак пришёл к выводу, что он должен сам отправиться в наземный мир для поиска подходящей жертвы или даже нескольких. Он уже начал подготовку к экспедиции, как ему сообщили, что в Гел доставлен новый урожай из города-ловушки. Генерал лично должен был осмотреть новых гладиаторов, чтобы оценить, на сколько они угрожают безопасности короля. Генерал Тиктак был уверен, что не встретит пленни-

ков несущих угрозу ему и его медным парням, но и в этот раз он согласился выполнить эту докучливую обязанность, и отправился к новым воинам.

Они были приведены из города под названием Вольпертинг. Даже это название не звучало особо угрожающе, подходило скорее для шайки деревенских увальней. Странные решения Фрифтаря были, как всегда, загадкой для генерала. Тиктак с нетерпением ожидал дня, когда он, наконец, вырвет сердце из груди советника безумного короля.

Тиктак осматривал не всех пленников, а только тех, которые были заперты в одиночных камерах Театра красивых смертей. Самые старые и слабые были уже отсортированы и помещены в большую общую тюрьму, где они могли достаточно свободно передвигаться.

Генерал Тиктак осматривал одну камеру за другой и то, что он там увидел, удивило и обрадовало его. Уже первые три пленника, всё ещё находящиеся в наркотическом сне, показались ему в сотни раз более подходящими жертвами для медной девы, чем все жители Гела вместе взятые. Что это за благородные существа? Все они были похожи на различные породы собак, но, судя по всему, ходили на задних лапах. К тому же на головах у них были рожки. Все они были натренированы и мускулисты. Генерал приказал открыть остальные камеры и его восторгу не было предела. Это были прирождённые воины, не наёмные солдаты, которые за бесплатный ужин могли бы утопить собственную мать. Это были настоящие воины, разумные существа с телами опасных хищников. Даже сложно представить, как они будут сопротивляться смерти в медной деве! Генерал Тиктак дрожал от возбуждения.

Душа медной девы

Какое преступление использовать этих благородных существ для дурацких игр в Театре красивых смертей! Он должен быстро действовать, чтобы получить лучшие экземпляры до того, как они мёртвыми упадут на песок арены. Достаточно объявить их слишком опасными для короля и можно делать с ними всё, что хочется. Но кого ему выбрать? Все они великолепны. Колебаясь, шёл он от одной камеры к другой. В любом случае, экспедицию в наземный мир можно отменить. Охранник открыл очередную камеру и Тиктак заглянул в неё.

В жизни генерала Тиктака было всего лишь пара моментов, которые сильно потрясли его и глубоко запечатлелись в его памяти: вид поля битвы в Нурненвальдском лесу, на котором он открыл глаза после своего

второго рождения; град камней, падающих с Драконгоры на его медных парней; вид Гела издали и, конечно, медная дева. То, что генерал Тиктак увидел в этой камере, без сомнения войдёт в этот список, и если бы рядом не было свидетеля, то он преклонил бы колени перед этим существом.

Это была Рала, которая, всё ещё усыплённая и скованная цепями, с неестественно согнутыми конечностями, лежала на каменном полу. Генерал оцепенел.

О, великое счастье, святая судьба! Электрический трепет возник в металлическом черепе Тиктака и затрещали алхимические батарейки – если бы он попытался заговорить в этот момент, то у него получилось бы только тиканье. Ему пришлось собрать все свои силы, чтобы не потерять самообладание и от восхищения не оторвать голову охраннику.

Её пропорции были идеальны, будто медная дева была построена именно для неё. Её красота была грандиозной. Генерал Тиктак обладал необычным чувством – он мог чують храбрость и страх. В этой девушке он чуюл невероятную жажду жизни, а страх смерти у неё был таким же мизерным, как у мертвеца. Сомнений не было – перед ним лежала душа медной девы. С ней он сможет, наконец, сыграть симфонию смерти, о которой он так давно мечтает.

Кусачие черви и научий потом

Когда Румо проснулся, он чувствовал себя отдохнувшим и полным энергии. Зверюшки, укрывавшие его ранее живым одеялом, копошились невдалеке. Румо встал и осмотрел входы в пещеру.

– По какой дороге пойдём?

– *Сложно сказать*, – ответил Львиный зев.

– *Иди по самой первой!* – предложил Гринцольд.

Румо с большим усилием пошёл вперёд. Пол был каменистый и неровный, пещера, после каждого разветвления, становилась всё уже, а камни, преграждавшие ему путь, выглядели всё более угрожающе. Румо приходилось то ползти, то протискиваться между камней. Пушистые зверьки пропали. Ему оставалось только надеяться, что эта дорога не заведёт его в тупик.

– *Смотри внимательно, куда наступаешь. Тут дыры километровой глубины*, – предупредил Львиный зев.

– Откуда ты знаешь?

– Видишь ли, я всю жизнь проработал в подземных шахтах! И если я в чём-то разбираюсь, так это в пещерах. Я же пещерный тролль! По строению камней видно, что тут происходят тектонические движения. Из-под земли вырастают острые скалы. Один небольшой толчок и мы окажемся тут навсегда запертыми. Ху-ха-ха!

– Ты считаешь, что это смешно?

– В любом случае для меня это не новость, – сказал Львиный зев. – Слышал про похоронный юмор? Раньше, во время работы мы описывали друг другу ужасные несчастья. Это помогает от страха.

Что-то слизкое капнуло Румо за шиворот. На потолке тоннеля сидели насекомые длиной в аршин, бесцветные и безглазые, но с длинными щупальцами.

– Не бойся, они жрут только падаль, – сказал Львиный зев. – Но если они съедят твои глаза, то ты – мертвец. Они любят глаза. Наверное потому, что у них нет собственных.

Румо с отвращением отбросил в сторону щупальца одного из насекомых, пытающегося ощупать его лицо.

– Везде, где мало света, всё одинаково! – жаловался Львиный зев. – Природа играет в безумные игры, поскольку тут её никто не видит.

– Точно, – подтвердил Гринцольд, – **Я принимал участие в пещерных войнах Мидгара. Три года под землёй. Там я видел таких животных, которые вообще-то должны быть запрещены.**

– Ты прав, парень. Без света жизнь развивается странным образом. Меловые черви, земляные пауки, металлические гусеницы, фосфорные улитки, тоннельные крысы, потолочные ползуны, прозрачные сосуны, четырёхлапые бабочки, ледяные мотыльки, лавовые черви – как будто всё отвратительное проявляется в самом большом количестве там, где этого никто не видит.

Румо поднимался вверх по лестнице, созданной природой из обломков гранита. На встречу ему бежала тысячоножка не меньше метра в длину. Румо вежливо уступил ей дорогу, отступив в сторону, и наблюдал, как она прошла мимо, со щёлканьем разрезая воздух своими кусачками. И это существо было тоже, судя по всему, слепым.

– Правильно, ему лучше уступить дорогу, – сказал Львиный зев. – Это – кусачий червь. В общем, безобидный, пока ты не спишь и можешь уступить ему дорогу. Но не дай бог, он встретит тебя, когда ты спишь. Тогда он пройдёт сквозь тебя – войдёт в твоё ухо, прогрызёт проход через твой мозг, потом горло и в районе ног выйдет снова наружу. Кусачие черви не обходят ничего, они всегда идут прямо.

– **Точно!** – сказал Гринцольд. – **Я был знаком с одним солдатом-демоном. Пока он спал, кусачий червь прошёл через его ноги, дважды! Сначала в одну сторону через бёдра, потом обратно – через голени. С тех пор мой приятель должен был ходить на руках.**

– А вы знаете, что существуют подземные грибы, обладающие свойствами насекомоядных растений? А осьминоги, которые могут жить без воды и обитают под обломками скал? Шупальца этих чудовищ двести метров длиной, а в их присосках можно жить!

– **Знаю!** – ответил Гринцольд. – **А слышал про минералелеона? Он может принимать форму и цвет любого минерала и бывает длиной до двенадцати метров. Ты можешь сидеть на нём и не знать этого!**

– Ну, это ерунда, – сказал Львиный зев, – А вы знаете, что существуют подземные комары, такие маленькие, что могут влететь через ноздри прямо в ваш мозг? А там они откладывают яйца, которые вырастают до размера арбуза.

Это случилось с моим коллегой по работе. Идём мы просто так по тоннелю, и вдруг его голова начинает раздуваться, как тыква, а потом – бум! – лопаётся прямо на моих глазах и миллион маленьких комариков...

– **Паучий потоп!** – мрачно прервал его Гринцольд.

– О, да! Паучий потоп – это вещь! Неожиданно все тоннели наполняются шерстяными пауками с кулак величиной. Можешь, конечно, попытаться дышать и при этом не заглотнуть ни одного паука, но это невозможно. Клянись!

Румо застонал. Уже даже без болтовни Гринцольда и Львиного зева дорога было достаточно тяжёлой. Какое-то время он уже шёл, согнувшись, так как с потолка свисали острые камни и не давали ему возможность идти, выпрямившись в полный рост. Вокруг ползало огромное количество жирных слизней, оставлявших за собой фиолетовый светящийся липкий след.

Румо заметил, что почва под ногами начала меняться. Всё чаще он наступал на мягкую поверхность из песка и гальки.

– Здесь почти нет скал, – сказал Румо.

– Это означает, что мы поднимаемся вверх, – ответил Львиный зев. – Мы находимся ближе к поверхности земли, где пласты мягче.

Румо снова почувал знакомые запахи – земля, компост, смола. И у него возникло странное чувство, будто он уже был однажды в этой местности. Но, конечно же, это было невозможно.

– Пахнет лесом, – сказал он.

Земля становилась всё мягче и влажнее. При каждом его шаге раздавалось хлюпанье, как будто он шёл по мокрому мху. Тысячи слизней ползали вокруг, висели, приклеившись, на стенах, на потолке и оставляли за собой фиолетовые, светящиеся линии. До этого всё вокруг было твёрдым, холодным и остроконечным, теперь же всё было мягким, тёплым и влажным. Румо подошёл к луже.

Он присел на корточки, наклонился к жидкости и пощупал её пальцами. Она была густой и липкой и напоминала что-то знакомое.

– И? – спросил Львиный зев. – Это можно пить?

– Нет, – ответил Румо. – Это кровь.

Осада

Медная дева была готова, изысканный инструмент смерти, наконец, получил свою душу. Прекрасная вольпертингерша идеально заполнила внутренности смертельной машины, будто она была специально для неё создана.

Сразу же после того, как генерал Тиктак увидел Ралу, он приказал своей гвардии охранять её и никого к ней не подпускать. Затем он поспешил в свою башню, чтобы подготовить медную деву. Он заполнил сосуды жидкостями, отполировал машину и трубки медным платком и приказал прислуге зажечь в комнате свечи. В конце он приказал доставить вольпертингершу в свою башню.

Её звали Рала, как стало ему известно к этому времени. К радости Тиктака она всё ещё была без сознания, что позволило ему незаметно для Ралы уложить её в машину и ввести в её тело иглы.

Теперь можно начинать. Генерал Тиктак впрыснул для начала немного кофеина смешанного с белладонной. Немного растворённого в дистиллированной воде сахара для мозга? А почему бы и нет! Невеста должна проснуться свежей и отдохнувшей, в ясном сознании. Весёлое бульканье заполнило трубки. Медная дева блестела в свете свечей. Никогда ещё не предвкушал он столько радости – радости за ещё не совершённые дела, как будто он только что получил дорогие подарки.

Издалека в камеру пыток доносились приглушённые звуки Театра красивых смертей. Скоро на арену для сражения выпустят первого вольпертингера. Жители Гела будто сорвались с цепи, слухи о сенсационном урожае разошлись с невероятной скоростью, каждый хотел увидеть сражающихся вольпертингеров.

Но это было не интересно генералу Тиктаку. Ни капельки. Дурацкие драки в театре показались ему скучными с самого начала. Что он пропустит? Парочку смехотворных сражений, барахтанье на арене, кровь, пьяных зрителей? Нет, у него были более важные дела. Он готовился к совершенно особенной свадьбе: осаде, завладению и уничтожению тела Ралы. Это должно стать самой долгой, мучительной и красивой смертью на свете.

Первое сражение Ушана

Ушан де Люкка вышел на арену через северные ворота. Публика к этому времени совершенно распоясалась – зрители кричали, смеялись, шумели, бросались хлебом и фруктами и не обращали на новичков Театра красивых смертей никакого внимания.

Ушан был в своём лучшем настроении: легко шагая, он улыбался и махал рукой публике. Его в качестве пленника привели в этот город кровавых чертей, он вместе со всеми своими друзьями стал рабом и сейчас он должен быть убит в сражении, но, несмотря на это, настроение Ушана было великолепным. Так как в подземном мире не было никакой погоды.

Здесь не было дождей, солнечного света и низкого давления, а значит, не было головных болей, звона в ушах и депрессий. Когда он впервые проснулся в Геле, он почувствовал себя так, как будто с его плеч свалился тяжелейший груз, как будто он всю жизнь носил свинцовые доспехи, которые, наконец, снял. Здесь, внизу, в качестве пленника этого кошмарного мира, он чувствовал себя первый раз в жизни свободным.

Он остановился, повернулся на месте и послал публике несколько воздушных поцелуев. Какой чудесный день!

Раздался громкий гонг, и публика мгновенно стихла.

Пол в середине арены раздвинулся и открыл проход примерно четыре метра длиной и два метра шириной.

– Нагельфар! Нагельфар! – тихо скандировала толпа. – Нагельфар!

Ушан стоял на месте и с любопытством следил за происходящим. Наверняка это был известный ритуал.

Раздался второй гонг, и из прохода вверх поднялась лодка, остроносый челн, в котором стоял огромный богатырь с тёмно-красной кожей, на три головы выше Ушана, и в доспехах из разнообразных материалов: наплечники из кожи, жилет из бронзы, наколенники из серебра. На голо-

ве у него был золотой шлем в форме черепа с серебряным лезвием на макушке, на бёдрах – повязка из костей. Обоиими руками он опирался на огромный меч. Лодка остановилась, и воин шагнул на арену.

Раздались бешеные аплодисменты:

– Нагельфар-паромщик! Нагельфар-паромщик! – каждый раз всё громче и громче скандировали зрители.

Воин поднял меч двумя руками и указал им на публику. Лодка исчезла под ареной и проход снова закрылся.

Зрители застучали ногами.

Ушан понял, что этот Нагельфар здесь любимчик номер один.

История Нагельфара-паромщика

Нагельфар был озиром – одним из последних представителей рода богатырей с севера Замонии. Все звали его Нагельфар-паромщик, так как он отправлял по кровавым рекам в царство смерти каждого своего противника. Аплодисменты он любил так же, как и сражения, и поэтому для себя он решил, что каждая его победа будет сопровождаться необычной смертью. Он никогда не делал это быстро, он долго и терпеливо играл со своими противниками, он наносил им лёгкие ранения, заставлял их страдать и мучительно умирать. Он позволял себе дурачества на арене, поскольку ему, как признанному деятелю искусств, всегда поставляли более слабых противников.

Нагельфар не мог проиграть – это было известно даже публике. Во время сражения Нагельфара главным была не интрига, а ритуал, не то, кто выиграет, а то, как на этот раз Нагельфар убьёт своего противника. И когда он, наконец, это делал, то не одним ударом меча, а двумя, тремя, четырьмя, пятью или десятью. И с последним ударом голова противника падала на песок. Нагельфар не сражался, он пытал. Он не убивал свои жертвы, он забивал их, как скот.

Нагельфар сам выбрал Ушана среди пленников. Этот вольпертингер с тяжёлыми слёзными мешками под глазами выглядел не особо сильным, скоростью он тоже вряд ли мог похвастаться. То, что Ушан для сражения с Нагельфаром вышел на арену вооружённый только лишь тонкой шпагой, публика встретила язвительными замечаниями и смехом. С таким же успехом он мог выйти на арену с варёной макарониной!

– Твой новый пассажир, Нагельфар! – крикнул кто-то из публики. Раздались отдельные смешки.

Нагельфар всё ещё держал меч двумя руками высоко поднятым и поворачивался на месте. Ряды сотрясались от топота зрителей.

На Ушане не были никаких доспехов. Он был одет в свою обычную одежду из дикой кожи и держал в руках шпагу. Он медленно пошёл к Нагельфару. Остановившись прямо перед ним, он сделал пару рассеянных движений, напоминавших небрежное приветствие.

– Вжик, вжик, вжик! – просвистел Ушан, но в общем шуме его никто не услышал. Ушан поклонился, послал пару воздушных поцелуев и точно так же расслабленно, как он и вышел на арену, направился к своим воротам назад. Краснокожий гигант позади него упал на колени и удивлённо захрипел. Из множества ран между его доспехами била фонтаном кровь.

Никто ничего не видел. Этот вольпертингер вообще вытаскивал свою шпагу? В Театре красивых смертей стояла абсолютная тишина.

Нагельфар шлёпнулся вперёд в песок и больше не шелохнулся.

Ушан остановился, повернулся и ещё раз поклонился, хотя никто не аплодировал. Затем он покинул арену через ворота.

Ритвофа

Король перестал ёрзать на своём троне.

– Что тоэ лобы? – спросил он своего советника. – Ты делви тоэ, Тарфриф?

– Это было самое быстрое сражение, которое я когда-либо видел! – ответил Фрифтар. Он был точно также поражён, как и все присутствующие в театре. – По-правде говоря, я совершенно ничего не видел!

Гаунаб смотрел вниз, на труп, вокруг которого растекалась красная лужа.

– Фаргельна мёртв, – прошептал он тихо. – Фаргельна-щикромпа мёртв.

– Да, Нагельфар мёртв, – механически перевёл Фрифтар. – Судя по всему, эти вольпертингеры – отличные воины. И не нужно судить о них по их внешности. Я узнаю его имя и внесу в список фаворитов.

– Да, – сказал Гаунаб. – Сивне гое в сокспи. Он – ритвофа.

Фрифтар поклонился и украдкой улыбнулся. Публика была сбита с толку, все шумели. Именно так он себе всё и представлял! Эти вольпертингеры оказались лучшим урожаем когда-либо собранном в первом городе-ловушке Гела.

Кровь нурний

– *Кровь?* – недоверчиво переспросил Гринцольд. – *Настоящая кровь?*

Румо всё ещё стоял на коленях перед красной лужей, которых в тоннеле было полным полно. Кровь из неё крепко прилипла к пальцам Румо и с трудом стиралась с его одежды.

– Это пахнет кровью, – сказал он. – И смолой. Откуда же я знаю этот запах?

– *Кровь и смола*, – сказал Львиный зев. – *Это напоминает мне о Нурненвальдском лесе. В крови нурний было много смолы.*

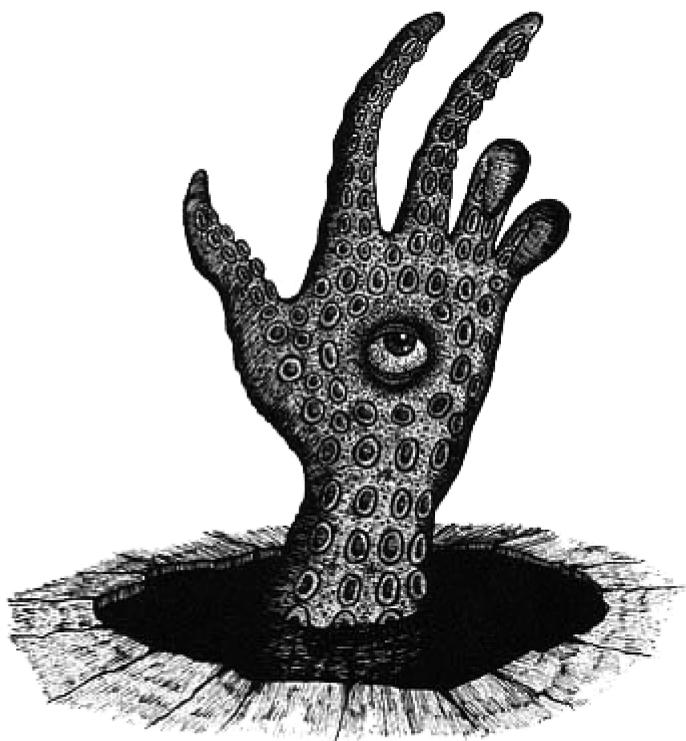
– *Нужно уходить отсюда*, – сказал Румо. – *Здесь нехорошо пахнет.*

Как только он произнёс последнее слово, из лужи появилось щупальце. Оно было кроваво-красным и было похоже на мускулистую руку. Пять пальцеподобных отростков ухватили запястье Румо и потянули его в лужу.

– *Что случилось? Что случилось?* – закричал Львиный зев.

Румо попытался вытянуть руку назад, но щупальце было сильнее.

– *Вытащи меня!* – приказал Гринцольд.

Румо послушался – выхватил свободной рукой меч из-за пояса, широко размахнулся и одним чистым ударом разрубил щупальце. Из обрубка высоко вверх ударил фонтан крови.

– *Фе-е-е-е!* – произнёс Львиный зев.

Щупальце мгновенно исчезло в луже, а обрубок упал на землю. Затем встал на пальцеподобные отростки, попытался сориентироваться

и с быстротой охотящегося паука убежал к одной из луж. Обрубок впрыгнул в лужу – кровавые брызги разлетелись во все стороны, на поверхность поднялась пара больших пузырей и обрубок исчез.

Румо выпрямился.

– *Я же тебе говорил*, – воскликнул Львиный зев. – *Здесь, под землёй, зло создаёт особенно отвратительных существ. Нужно очень осторожно идти дальше.*

Румо сунул меч за пояс и направился дальше, старательно обходя лужи.

На следующем разветвлении дороги он остановился. Он снова почувствовал знакомый запах, посмотрел в тоннель, из которого он исходил и в ужасе отпрянул.

– *Что там?* – спросил Львиный зев.

– Нурнии, – ответил Румо. – Там, в тоннеле, не меньше поддюжины.

– *Проклятье! Как же мы тут пройдем?*

– Не знаю, – сказал Румо. – Они меньше, чем та в лесу. Не больше меня. И мне кажется, что они спят. Они очень спокойно там стоят.

– *Тогда давай их убьём!* – предложил Гринцольд.

– *Мы должны поискать другую дорогу*, – сказал Львиный зев.

Румо пошёл вперёд на цыпочках, пока они не дошли до следующего разветвления. Тоннель был пуст, но на полу было слишком много красных луж.

– *Смотри внимательно куда наступаешь!* – воскликнул Львиный зев.

Румо кружился вокруг красных луж, будто танцевал. С потолка что-то капнуло ему за шиворот. Он пощупал и понял, что это была тёплая и липкая кровь. Он услышал булькающий звук и замер.

– *Что это было?* – спросил Львиный зев.

– Не знаю.

В луже у его ног появился большой пузырь и громко лопнул.

Румо отпрянул назад, прижался к стене пещеры и выхватил меч.

Теперь все лужи забурили: к поверхности поднимались пузыри, и жидкость волновалась в них так, как будто она начала кипеть. Бульканье заполнило тоннель.

– *Однажды я видел вблизи небольшое извержение вулкана*, – сказал Гринцольд. – *Было очень похоже на это.*

Лужи начали выплёскиваться через края, вверх поднялся влажный жар и к удивлению Румо из волнующейся крови начали появляться существа. Они выползали вверх, полностью покрытые красной жидкостью, и топтались вокруг на восьми тонких ножках.

Эти существа были знакомы Румо. Это были листочки. Они только что увидел рождение юных нурний.

В одно мгновение пол тоннеля был покрыт шагающими листочками. Румо не смог бы сделать ни шага не наступив на один из них. Если бы он это сделал, то листочки бы позвали своих нурний-родителей на помощь. Он ещё сильнее вжался в стену и замер.

– Тут целая фабрика по производству нурний, – сказал чей-то тонкий голос.

Румо огляделся и увидел у своих ног одного из тех пушистых клювоносых зверюшек, окружённого толкающимися листочками и нагло смотрящего на него.

– Привет, Румо! – сказала зверюшка. – Вот мы и опять встретились.

Румо стоял ошарашенный. Он не мог припомнить, что когда-либо знакомился с этим маленьким существом. И то, что они умеют разговаривать, до сих пор он тоже не замечал.

– Я – Ягдра Сил! – гнусавя, сказал зверёк. – Помнишь меня?

– Ягдра Сил? – Румо был совершенно сбит с толку. Нурненвальдский дуб? Здесь, внизу?

– Корни, мой дорогой!

– пискнуло маленькое существо и указало на корни, всюду торчащие из стен.

Всего лишь пара сотен метров под тем местом, где мы с тобой познакомились... Я же тебе говорил – мои корни растут глубоко. Здесь внизу я предпочитаю разговаривать через эльмов.

– Эльмов? – переспросил Румо и нагнулся вперёд.

Зверёк выпрямился и развёл передние лапки в стороны.

– Точно. Я – эльм. Единственное число – эльм, множественное – эльмы. Клювоносые землеройные животные, в далёком родстве с камнекротиками. Эльмы являются самым многочисленным народом подземного мира. Такого количества представителей других животных видов здесь не встречается. Если не считать насекомых. Что ты делаешь в этой дыре, мой мальчик? У тебя проблемы? – эльм с любопытством уставился на Румо.

– Я, э-э-э... я ищу мою возлюбленную.

– Ралу? Всё ещё? Ты всё ещё не подарил ей нашу шкатулку? – эльм упёр передние лапы в бока и соорудил возмущённую мину.

– Её похитили, – объяснил Румо. – Пока я был в Нурненвальдском лесу. И я ищу её.

– О! Это ужасно! Похитили! Кто же сделал это?

– Это я и пытаюсь выяснить. А теперь, мне кажется, я заблудился. Нурнии заградили дорогу, вокруг сплошные кровавые лужи, из которых...

– Знаю, знаю, отвратительное место. Это кровь мёртвых из Нурненвальдского леса. Я тебе о ней рассказывал. Эта отвратительная жидкость просто не хочет тут высохнуть! Она отравляет тут всю землю. Из неё и появились нурнии. И постоянно появляются новые вещи – щупальца, кровавые пауки. Это отвратительно.

Эльм оттолкнул в сторону один слишком навязчивый листочек.

– Идём, – пискнул он. – Надо отсюда уходить пока одно из этих чудел не начало хныкать и звать своих родителей.

– И как мне это сделать, не наступив на них? – спросил Румо.

– Я расчищу тебе дорогу, – сказал Яггдра Сил. – Здесь в подземном мире эльмы обладают определённой свободой. Крупные звери ими совершенно не интересуются. Просто иди за мной.

Эльм прыгнул вперёд и оттолкнул листочки с дороги, чтобы Румо мог идти за ним. Маленькие существа споткнулись и попадали, но никто из них не начал жаловаться.

– Без эльмов в подземном мире не было бы вообще никакой фауны, – объяснял Яггдра Сил Румо, в то время как эльм расталкивал листочки в стороны. – Они разрыхляют здесь почву, что бы любые другие существа могли здесь передвигаться, и поедают разносчиков болезней. Если бы я рассказал тебе, что я сегодня съел на завтрак, тебе бы стало плохо, мой мальчик. Все здесь уважают эльмов.

Наконец они добрались до тоннеля, в котором не было ни листочков, ни кровавых луж, ни нурний. Эльм остановился.

– Здесь безопасно, – сказал он.

Румо больше не чуял нурний. Он сунул меч за пояс.

Эльм клевал своим клювом сапог Румо.

– А теперь ты должен мне объяснить подробнее, – сказал он, – о том, что произошло с Ралой.

Румо вздохнул.

– Если коротко, то её увели вместе со всеми моими друзьями в город под названием Гел.

Эльм отскочил назад:

– О! Гел! Это плохо, – маленькое существо начало возбуждённо бегать по кругу. – Это очень плохо. Гел. Именно он. О, боже! О, боже!

– Что ты знаешь о Геле? – спросил Румо.

Эльм остановился и сочувственно посмотрел на Румо.

– Только слухи. Дотуда мои корни не доросли. Плохие слухи. Королевство сумасшедшего Гаунаба. Гигантский дурдом этот Гел! Там правит безумие. О, боже! О, боже! – эльм опять забегал по кругу.

– Мне в любом случае нужно туда. Ты знаешь дорогу?

– Дорогу в Гел? О, боже! О, боже! Только дотуда, докуда доросли мои корни. Дорогу в Гел! Боже ты мой!

– Покажешь мне?

Эльм остановился.

– Конечно! – сказал он. – Конечно, мой мальчик, само собой разумеется, я покажу тебе. Но сперва...

Он замолчал.

– Сперва?.. – спросил Румо.

Эльм опустил голову и неуверенно топтался на месте.

– Что? – спросил Румо.

Эльм умоляюще посмотрел на Румо:

– Можно мне увидеть готовую шкатулку?

– Ах, это! – облегчённо сказал Румо и вынул шкатулку из сумки. Он развернул промасленную бумагу и поставил свою работу перед зверьком. Эльм и шкатулка были примерно одинакового размера.

– Вот она, – сказал Румо. – Что скажешь?

Эльм недоверчиво и долго рассматривал шкатулку, ходил вокруг и нежно поклёвывал её клювом.

– И? – неуверенно спросил Румо.

Эльм закашлялся, пытаясь найти подходящие слова:

– Она... она великолепна, – сказал он, наконец, дрожащим голосом.
– Самая лучшая шкатулка.

Румо облегчённо выдохнул.

Зверёк ещё раз обошёл вокруг шкатулки и осмотрел её со всех сторон. Он беспомощно захлопал глазами и Румо заметил в них слёзы.

– Эта шкатулка. Это же... мне не хватает слов, я...

Зверёк заплакал.

– А-а-а-а, – выл он.

– Почему ты плачешь? – спросил Румо.

– А-а-а-а, всхлипывал эльм. – Потому... что... что... я так тронут! А-а-а-а! Впервые из меня сделали что-то хорошее. Настоящее искусство! До сих пор на моих ветвях только вешали людей.

Зверёк всхлипнул.

– А теперь я – шкатулка для возлюбленной! А-а-а-а!

– Ну-ну-ну! – сказал Румо и аккуратно погладил пальцем зверька по спине. Он чувствовал себя неудобно.

Эльм вытер слёзы и посмотрел на Румо широко раскрытыми покрасневшими глазами:

– Значит так! Если ты с её помощью не завоеешь сердца Ралы, – патетически воскликнул он, – то и ничем другим тоже! Это самая красивая шкатулка в мире!

– Твоё мнение мне на самом деле очень важно, – сказал Румо. – Спасибо. Но что бы подарить шкатулку Рале я должен её сперва найти. Покажешь мне дорогу?

– С огромным удовольствием, – воскликнул Ягдра Сил и запрыгал вперёд. – Я покажу тебе дорогу к сердцу твоей возлюбленной! Следуй за мной! Следуй за мной через темноту к свету!

Эльм прыгал вперёд по тоннелю и Румо поспешил за ним.

Симфония смерти

Генералу Тиктаку понадобилось три дня, чтобы идеально настроить медную деву. Каждая вена, каждая мышца, каждый нерв нужно было обыграть. Поступают ли эссенции в необходимом объёме? Работает ли безукоризненно печень? А сердце? А почки? Все ли вентили в порядке? А трубки не забились?

Сначала он впрыскивал простые действующие вещества: солёную воду, растворённый сахар, кофеин, травяные вытяжки, питательные вещества и безобидные стимуляторы, с помощью которых он проверял работу органов. По его приказанию врачи построили в медную деву инструменты для измерения сердцебиения, температуры тела и дыхания. Но любимой игрушкой Тиктака была шкала со ста делениями, которая объединяла показания всех приборов и показывала, сколько жизни осталось в жертве: сто означало, что жертва абсолютно здорова и жива, ноль – жертва мертва. Генерал Тиктак назвал эту шкалу термометром смерти.

Он покрутил одно колёсико, потёк кофеин и сердце Ралы забилось немного быстрее. Он открыл один из вентиляей, выпустив жидкий перец,

и Рале стало теплее. Он закрыл вентиль, и температура снова понизилась. И так прошёл весь первый день. Тиктак крутил, нажимал и играл с колёсиками, кнопками и вентилями, а Рале было то жарко, то холодно, её сердце билось то быстрее, то медленнее, она то волновалась, то успокаивалась, то почти засыпала, то неожиданно взбадривалась. Он не причинял ей боли, не вливал никаких наркотиков и не делал её больной. По окончании первого дня термометр смерти всё ещё показывал сто. Медная дева работала как по маслу. Вечером генерал Тиктак вколол Рале большую дозу валерианы, и она крепко заснула на несколько часов.

Второй день начался с плотного завтрака – много кофеина и сахара. Невеста генерала Тиктака должна быть бодра телесно и душевно, поскольку теперь всё будет серьёзно. Сегодня он хотел испробовать различные яды и наркотики в небольших дозах, чтобы изучить их действие перед использованием их в будущем в более крупных дозах. Он вколол Рале мышьяк, настойки красавки и мухомора, каждого в минимальных дозах, а между уколами он очищал её кровь специальными медикаментами. Лёгкая тошнота и слабые галлюцинации стали результатом этих опытов, но ничего более серьёзного, так как генерал Тиктак только лишь хотел изучить реакцию тела Ралы на подобные субстанции. Рала реагировала безукоризненно, другие кандидаты на этом месте уже давно бились в панике, но дыхание Ралы и биение её сердца оставались равномерными, а термометр смерти постоянно показывал сто. В конце концов, с помощью щедрой дозы настоя Melissa генерал Тиктак погрузил Ралу в глубокий сон.

Третий день снова начался с эссенций счастья и приличной дозы сахара, а затем Ралу сделали больной. Неизвестно, что впрыснул ей генерал Тиктак, но из-за этого её язык распух и во рту почувствовался вкус уксусной кислоты, её глаза жгло, а горло сжалось, как при тяжёлой простуде. Наконец он её снова вылечил, в одно мгновение, с помощью концентрированной травяной настойки и специально созданного для этого случая алхимического лекарства.

Этот приём Тиктак провёл в тот день несколько раз. Он делал Ралу больной, а затем вылечивал её. Тошнота, слабость, головокружение, жар, удушье – симптомы исчезали так же быстро, как и появлялись. Против каждого недомогания вызванного генералом Тиктаком у него имелась специальная эссенция, с помощью которой недомогание проходило за одно мгновение. Достаточно было открыть кран, повернуть колёсико, отрегулировать вентиль и страдания Ралы прекращались.

Тиктак начал разыгрывать свой инструмент. Границы Ралы были ему ещё не известны, но он уже понимал, что он может с ней сейчас делать, а что стоит отложить на потом. А любовь, не так ли она функционирует? Не изучаем ли мы границы своего партнёра и не учимся ли мы их уважать?

Он ещё раз взглянул на термометр смерти. Тот показывал девяносто девять. Процедуры ослабили её, но всего лишь чуть-чуть. Он усыпил Ралу, на этот раз с помощью смеси настойки валерианы и мяты. В этот вечер генерал Тиктак ещё долго стоял перед медной девой и с нежностью смотрел на неё.

Рала пробыла уже некоторое время в медной деве, но она не могла с уверенностью сказать, как долго длилось её заключение. День? Два? Три? Недель? Точно было лишь известно, что за это время Рала изучила своё тело так, как никогда ранее.

Когда прошло действие усыпляющего средства, на неё накатило отчаяние. Ни разу ей не приходилось находиться в подобной беспомощной ситуации. Отчаяние и бешенство нахлынули на неё, но страх она не пустила, поскольку он бы парализовал её дух, а смерть только этого и ждала. Рала хотела думать, так как это было единственно доступной ей формой движения. Она отвергала страх, как раньше она отвергала смерть.

Да и что особенного ей приходилось терпеть? После того, как она примирилась со своей абсолютной беспомощностью, похожей на тюремное заключение, всё остальное не казалось больше сложным. Рале было плохо, ей было холодно, жарко, у неё кружилась голова, она начинала нервничать или становилась сильно уставшей, но это были все знакомые ощущения и они так же быстро проходили, как появлялись. Позже были неприятные моменты – перед её внутренним глазом появлялись странные картины, смысл которых она не могла объяснить, в ушах звучали незнакомые таинственные голоса и казалось, что по её коже ползают насекомые. Но эти лёгкие галлюцинации быстро исчезали. Некоторое время Рала думала, что в ней одновременно спрячано несколько существ, но и это сбивающее с толку ощущение быстро прошло, а затем она ощутила спокойствие и усталость и уснула.

Рала поняла, что там снаружи был кто-то, кто за всё это отвечал, кто-то, кто делал всё это по причинам, которые были для Ралы такой же загадкой, как и способ, с помощью которого её мучили. Эти дни она прожила так, будто она находилась в постоянном движении. Никогда ранее она не чувствовала себя такой активной, как сейчас, когда она не могла пошевелить ни малейшей частью своего тела. Только сейчас она поняла,

сколько жизни в ней было, даже когда она спала, как кровь течёт по её венам, как стучит её сердце. Внутри неё всё работало с огромной энергией, как в большом городе. И сейчас, когда враг стоял перед его воротами и осаждал его, всё заработало ещё активнее. Нет, ни в коем случае нельзя было поддаваться чувству страха и безнадежности, как и в любом осаждаемом городе, готовом к защите.

Первое сражение Урса

Урс был готов умереть, впервые выйдя на арену Театра красивый смертей. Умереть не сражаясь, поскольку он не хотел защищаться. Меч он держал в руке только для того, чтобы бросить его к ногам противника.

Урс уже несколько дней, скованный цепями, следил за сражениями в театре со своего этажа для заключённых. Он всё ещё не знал, как все вольпертингеры попали в этот больной мир и какие мотивы руководили жителями этого мира, но он разобрался в коварной системе театра и понял, что сбежать отсюда не удастся.

Возможности для побега не существовало. Каждого вольпертингера выводила на арену целая толпа вооружённых до зубов солдат, за которыми следила группа медных парней с взведёнными арбалетами. О помощи извне нечего было говорить. Так что оставалась только одна возможность – подчиниться системе и стать воином театра. До сих пор вольпертингеры сражались с солдатами и прочими наёмными убийцами, но Урс знал, что это было лишь вопросом времени, когда вольпертингерам придётся поднять оружие против своих собратьев. И это будет началом конца вольпертингеров, и переживать это будет невыносимо. Урс хотел умереть до того, как ему придётся увидеть, как вольпертингер убивает вольпертингера.

Все сражения заканчивались в их пользу. Не важно с кем они сражались – с одним или несколькими противниками, с дикими зверями или с обученными убийцами – все вольпертингеры, кроме жестоко убитого Орнта ла Окро, покидали арену живыми.

Тон зададо сражение Ушана де Люкки, немного позже Биала Бухтингский одержал триумфальную победу над близнецами-наёмниками. Олег Дюнний, вооружённый только пращей, победил целую банду солдат, и каждый следующий вольпертингер был вооружён только несерьёзным оружием. Но Урс принял решение. Он никогда никого не убивал, так должно и остаться. Сегодня был день, когда он распроцается

с этим кошмаром, и он хотел сделать это с определённым посланием: он откажется от использования оружия.

Небольшая армия солдат и медных парней провела Урса из его камеры до арены. И только тут вольпертингер получил возможность выбора оружия. На столе, заваленном оружием, он выбрал короткий меч и вышел на поле битвы.

Его приветствовали жидкие аплодисменты. Публика поняла, что должна с уважением относиться к вольпертингерам, но совершенно не желала их громко приветствовать. Противником Урса был высоченный, мускулистый дикосвин – с головы до ног покрытый чёрной шерстью парень. Его грива была заплетена в косички с бесчисленными разноцветными бусинками, мелкими костями и зубами. В носу у него было огромное золотое кольцо, а одет он был только в набедренную повязку, состоящую из дюжины мечей в кожаных ножнах.

– Как тебя зовут? – спросил Урс, подойдя к нему. Не то, что бы имя противника его сильно интересовало. Оно было нужно ему, чтобы закончить своё последнее предложение в жизни. "Убей меня, такой-то!" – хотел он крикнуть. Ему оставалось только подставить правильное имя.

Эвил-многорукий

– Это, малыш, тебя не касается, но я скажу тебе, поскольку это последнее, что ты услышишь в этом мире. Меня зовут Эвил. Эвил-многорукий.

Урс крепко ухватил свой меч. Эвил? Это был тот самый Эвил, убивший его приёмного отца Корама Марока?

– Тебя зовут Эвил-многорукий?

Черноволосый кивнул.

– Знаешь Корама Марока? – спросил Урс.

– Это что? Допрос?

– Имя Корам Марок не говорит тебе ни о чём?

– Нет. Не говорит.

Урс ослабил хватку своего меча.

Дикосвин хлопнул себя по лбу:

– Стой-ка! – сказал он. – Корам... Корам Марок? Это не... не тот ли хундлинг с кучей шрамов? Точно! Это было... подожди-ка, где-то зимой! Много лет назад! Он должен был быть лучшим дуэлянтом севера. Крепкий парень, это да. Но техники никакой! Я разрубил ему черепушку двойным мечом.

Урс опять сжал рукоятку меча.

Он принял новое решение. Сегодня он не умрёт. Это сделает кое-кто другой.

– Тогда давай начнём, Эвил, – сказал он. – Покажи мне все свои руки.

Это было самым запоминающимся сражением дня в Театре красивых смертей. Для многих зрителей оно оказалось вообще самым памятным. Запоминающимся, поскольку оно было самым продолжительным, хотя победитель был известен с самого начала: Эвил-многорукий, один из непобедимых воинов Театра красивых смертей не имел ни малейшего шанса против маленького вольпертингера. Ему даже ни разу не удалось показать множество рук. В первую же минуту сражения Урс разрезал связки его правой руки и тот мог продолжить сражение только левой рукой. С начала сражения и до его ужасного окончания Урс нанёс Эвилу столько же ран, сколько тот совершил безуспешных попыток попасть в Урса. В конце, после многочасовой битвы, Эвил умолял Урса о смерти.

Но самым запоминающимся было то, что в этом сражении Урс не удостоил Эвила чести и не нанёс ему последний смертельный удар. Эвилу пришлось упасть на собственный меч, чтобы покончить с мучениями.

– Кто тотэ гертинперволь? – спросил Гаунаб, увидев Эвила, лежащего в луже собственной крови. Король, казалось, очнулся от транса, в котором он пребывал во время этого бесконечного сражения. – Как гое вутзо?

– Его зовут, э-э-э, Урс, – ответил Фрифтар, выполнявший обязанности руководителя Театра красивых смертей.

– Он мне сявиттра! – сказал Гаунаб. – Я не делви щёе ни гоноод, кто так бы чалму гоесво канитивпро. Синеза гое в сокспи товривофа.

– Да, – сказал Фрифтар. – я тоже не видел ещё ни одного, кто так бы мучил своего противника. Огромный талант. Конечно, я занесу его в список фаворитов.

– Жаль, что ралнеге Тактик не делви готоэ. Щеобво, где он всё мявре етдапапро?

– Согласен, жаль, что генерал Тиктак всё это пропустил. Я тоже не знаю, чем он всё время занимается. Говорят, он заперся в своей башне и пожелал, чтобы его не беспокоили. Мне было бы приятнее, если бы он хоть иногда выполнял свои обязанности в театре. Приказать ему от Ваше-го имени, что он должен появиться в театре?

– Ах, нет, – быстро ответил король. – Ноятрове он нятза. Я не чухому шатъме.

– Слушаюсь, Ваше величество. Вероятно, генерал Тиктак занимается важными делами для благополучия Гела.

Фрифтар захлопал в ладоши и зрителям начали раздавать бесплатный хлеб. Затем он занёс имя Урса в список фаворитов.

Царство Ягдра Сила

– Здесь внизу везде мои корни, – воскликнул эльм. И хотя он без устали бежал вперёд, перепрыгивал через ветки и камни и напряжённо кашлял, свою речь он не прерывал ни на секунду. Ягдра Сил использовал на все сто процентов возможность поговорить. – Там, там и там, видишь? Мои корни это мои глаза и уши, здесь внизу я – везде. Там где я расту – там мой мир, но там, где я не расту, там мир для меня заканчивается. Понимаешь? Я не имею ни малейшего понятия, что происходит за этими пещерами, до меня доходят только слухи. Время от времени я болтают с путником, который, так же как и ты, заблудился в моём лабиринте. Но это происходит очень редко. И никогда нельзя быть уверенными, что затевают те парни, которые тут болтаются.

– Понимаю, – ответил Румо.

– Эй, – воскликнул эльм. – Тебя я не имею в виду! Ты – другой. Ты – путник с романтической миссией. Ты должен доставить шкатулку.

– Расскажи мне побольше о Геле, – сказал Румо.

– Мне известны только слухи, больше я не могу тебе рассказать. Однажды тут был один бандит, который регулярно ходил из Гела в наземный мир и назад. Он был очень болтлив. Он утверждал, что жители Гела – белые черти, что они измываются над своими пленниками в Театре красивых смертей. Такие вот вещи, понимаешь?

– Кто такие врахоки? – спросил Румо.

Эльм остановился и обернулся. Румо тоже остановился.

– Врахоки? – спросил Ягдра Сил. – Ты хочешь знать, кто такие врахоки? Честно говоря, всё то, что я о них слышал, до такой степени чудовищно, что я не рискую это повторять. Я даже не могу гарантировать, что врахоки на самом деле существуют. Одни говорят, что они – всеядные великаны. Другие – что у них больше ног, чем у пауков, и что они прозрачные. Некоторые утверждают, что уже их запах является смертельным оружием.

Эльм поскакал вперёд, а вольпертингер пошёл за ним.

– Докуда ты можешь меня довести? – спросил Румо.

– Как сказать, парень, мои корни... – ответил Ягдра Сил. – Концы моих корней – это граница моего царства. Дотуда я могу тебя довести. И это уже не так далеко. Затем ты должен опять полагаться только на себя.

– Ты уже очень сильно мне помог, – ответил Румо.

– Не подумай, что я завидую твоей подвижности! Подвижность проходит. Знаешь ли, согласно моей философии, все живые существа – это деревья. Каждый когда-нибудь выпускает корни. И ты тоже, однажды. Сам увидишь. А затем у тебя начнут расти годовые кольца, и ты станешь старым и толстым. Как я.

– Возможно, – сказал Румо.

– А что ты, собственно говоря, будешь делать, если Рала умерла? – неожиданно спросил Ягдра Сил.

– Что?

– Да, это неприятные мысли, но они уже как-нибудь приходили тебе в голову?

– Нет.

– Ты не хочешь об этом думать?

– Да. Я имею в виду: нет.

– Ты любишь односложные слова, не так ли?

– Так.

Тоннель стал шире и Румо заметил, что корни, ранее всюду свисавшие из стен, стали встречаться реже и реже. Голос эльма тоже становился тоньше и тише.

– М-да, здесь заканчивается моё царство, – сказал он. – Итак, я не хочу становиться сентиментальным или типа того. Но сейчас ты уходишь с нашей шкатулкой в неизвестность, и это значит, что я практически иду с тобой дальше. Перерастаю самого себя. В виде шкатулки.

– Хм, – произнёс Румо.

– Считается ли "хм" словом? – спросил Ягдра Сил. – Я буду очень скучать по нашим глубокомысленным беседам.

Тоннель превратился в большую пещеру. Огромные стволы деревьев взмывали ввышину в шевелящемся нежно-голубом тумане. Гигантские деревья уходили вдаль, насколько хватало взора.

– Это – Мёртвый бор, – прошептал эльм стоя на месте. – Фальшивый лес подземного мира.

Румо внимательно присмотрелся. Стволы были серыми и мёртвыми, они блестели из-за дождя, постоянно морозящего в тумане.

– Эти деревья не из древесины, а из камня, – сказал Ягдра Сил. – Это сталактиты и сталагмиты, выросшие между полом и потолком пещеры за миллионы лет. Об этом мёртвом лесе ходит множество слухов, самое главное, что он не такой уж и мёртвый, каким он на первый взгляд кажется. Мне не остаётся ничего, кроме как пожелать тебе быть осторожным.

– Постараюсь, – пообещал Румо.

– Когда ты пройдёшь мёртвый бор, то ты довольно близко будешь от Гела. Ориентируйся по чёрным грибам на стволах каменных деревьев. Говорят, они растут на той стороне, где находится Гел.

Эльм предупреждающе поднял вверх лапу.

– И ещё кое-что! Ни в коем случае не ешь чёрные грибы. Не важно, как голоден ты будешь. Они – единственная пища в мёртвом бору, но они сводят всех с ума. Некоторые говорят, что они превращают тебя в приведения, якобы обитающие в тумане между деревьями.

– Тебе известно много слухов, – сказал Румо.

– Да, – вздохнул Ягдра Сил. – Здесь мы должны расстаться и обо всём, что с тобой дальше произойдёт, я узнаю только из третьих рук. Желаю тебе всего хорошего, Румо. И береги шкатулку!

Эльм зигзагами убежал назад в тоннель и исчез в сумерках лабиринта.

Румо повернулся и вошёл в каменный лес.

Наркотик безумия

Впервые генерал Тиктак гордился чем-то другим, а не только самим собой. Конечно, он гордился и собой, тем, что он сумел претворить в жизнь собственные смелые научные и технические идеи. Но больше всего он гордился Ралой. Он с самого начал почувствовал необычно сильную жажду жизни этой вольпертингерки, но он не ожидал от неё такого абсолютного презрения к смерти. Она находилась внутри медной девы уже дольше всех предыдущих кандидатов, а термометр смерти ещё ни разу не опустился ниже восьмидесяти. Время бережного обращения давно закончилось и пытки, которым он в настоящее время подвергал Ралу, зашли намного дальше, чем у предыдущих жертв. Какая сила, какая смелость! Ни на одном поле битвы он не встречал столько отваги, даже у ста противников одновременно.

Что он только не делал с ней в последние дни! Один раз в течение целого дня с помощью специального эликсира он довёл её телесную чувствительность до самого высокого уровня, а затем выпрыснул ей жидкость, вызывающую мышечные судороги сопровождаемые болью, похожей на уколы кинжалов. Но Рала даже ни разу не закричала. Конечно, пульс был высоким, дыхание ускорилось, она дёрнулась пару раз, да, но кроме этого никакой другой реакции. А в конце функции её тела самостоятельно вернулись в нормальное состояние, и она уснула от полного изнеможения. Какая отважная девушка!

Да, Тиктак гордился Ралой, но поскольку отношения должны сопровождаться взаимным уважением, то он решил выказать ей своё уважение на следующий день. Для этого он посвятит себя самому чувствительному органу Ралы – мозгу.

Тиктак подошёл к своему шкафу с ядами, вынул одну бутылочку и долго рассматривал этикетку. Некоторое время назад он приказал одному из своих алхимиков создать наркотик, вызывающий страх. И результат находился как раз в этой бутылочке.

Вообще существовало множество наркотиков, вызывающих страх. Но все они содержали в себе и обратный элемент – успокаивающую или ощастливливающую составляющую. Приём таких наркотиков вызывал поочерёдно эйфорию и панику. Поэтому алхимик занялся тем, что попытался удалить из выбранных им ядов – дурман, ночотенная трава и ведьмошляпочные грибы из мёртвого бора – вызывающие счастье элементы. Для этого он разложил их на химические составляющие, изолировал ненужные вещества, затем соединил вытяжки из трёх ядов в один, вызывающий самые ужасные галлюцинации.

Перед тем, как отнести свой новый наркотик генералу Тиктаку, алхимик ещё раз всё обдумал. Удовлетворяет ли этот наркотик требованиям генерала? В Геле было уже давно известно каждому: когда генерал не был доволен своим подчинённым, тогда смертельный приговор моментально приводился в исполнение. Как же ещё он может усилить действие наркотика, чтобы гарантированно удовлетворить требования Тиктака?

И тут алхимику пришла в голову гениальная идея. Для этого ему пришлось отдать пару старых долгов, дать взятки паре нужных людей и кое-кому кое-что пообещать. И, в конце концов, он получил то, что хотел: миниатюрную пробирку с малюсенькой каплей красного вещества внутри. Он поспешил в свою лабораторию и принялся за работу. Он обработал красную жидкость в корнезайфовом транссубстанцииаторе и искусственной липемии, подверг её лиофилизации и гидрации и получил

в результате микроскопическую дозу красного порошка, похожего на молотый шафран. Затем он растворил этот порошок в спирте и смешал с готовым ядом. Короче говоря: алхимик, для придания яду необходимой нотки безумия, добавил в него маленькую каплю законсервированной крови Гаунаба девяносто девятого.

Первое сражение Гарры Мидгардского

Гарра смотрел на меч в своей руке: по весу он был достаточно тяжёлым. Обременительно. Нелепо. Глупо. Он знал для чего нужны ножи – для резки хлеба. Но что полезного несут в себе мечи?

Конечно же, Гарре было известно, что мечи годятся для сражений и ими убивают. Но эти две вещи он не мог понять, что совсем не упростило его жизни в качестве вольпертингера. Он был рождён вольпертингером, а способности представителей этой расы возводили их всех в ранг высококлассных воинов, но у него не было никакого желания сражаться.

Гарра Мидгардский стал учителем. Он сделал это, поскольку хотел профессионально доказать, что любой вольпертингер может прожить жизнь не только размахивая вокруг себя мечом. Глубоко в этом уверенный несколько дней назад он лёг в кровать в Вольпертинге, а теперь он стоял здесь, неизвестно где, на арене перед тысячами совершенно незнакомых существ с мечом в руке. Вероятно, следующим от него потребуют, что бы он сражался!

Единственным ранением, нанесённым когда-либо Гаррой, была вмятина украшавшая голову бургомистра. Это произошло во время драки Чёрной и Красной банд – разборки между вольпертингерами-прогульщиками школы. А меч, удар которого оказался немного сильнее, чем необходимо, был деревянным. Гарра тогда чуть не умер от страха, когда Йодлерс-гор упал без сознания, и вокруг него стала растекаться лужа крови. Но Йодлер затем открыл глаза и Гарра решил больше никогда в жизни не касаться меча. Он ещё раз с отвращением посмотрел на предмет в своей руке и бросил его на песок.

И в тот же момент, как по приказу, перед ним раскрылся пол и из подвала Театра красивых смертей выехали вверх две клетки.

Внутри них находились, насколько сквозь толстые прутья мог различить Гарра, два существа с лохматой серой шерстью и удивительно огромными челюстями. Головы же их были покрыты короткой белоснежной шерстью, из-за чего могло бы показаться, если бы не эти слишком

живые жёлтые глаза, что у них вместо голов черепа. Что это за существа? Знаний Гарри в биологии были достаточно глубокими, чтобы вести уроки по этому предмету, но этих зверей он не мог узнать. Может быть, это были дикие обезьяны?

Фрифтар подал незаметный знак, в клетках что-то щёлкнуло и их двери открылись. В первый момент оба существа не сообразили, что получили свободу. Нерешительно сидели они в своих клетках, издавая сердитые хрюкающие звуки. Гарри заметил, что у каждого из них была с собой тяжёлая дубинка.

Может быть, сейчас самый подходящий момент, чтобы уйти, думал он? Но куда? Ворота арены были закрыты.

Звери, наконец, решились выйти из клеток, но их, кажется, пугал смех зрителей. Когда в них стали бросать хлеб и овощи, звери начали двигаться и взбесились. Пронзительно крича, носились они по арене и размахивали дубинками, пока Гарри не привлёк их внимания. Он всё ещё выжидающе стоял на своём месте и наблюдал, как обезьяны осторожно окружали его. Да, теперь он был уверен, что это – обезьяны. Об этом ясно говорил их способ передвижения.

Первый удар дубинки пришёлся ему между шеей и лопатками. Он был удивлён, что практически не почувствовал боли, только лёгкий толчок. Судя по всему, его организм мог вырабатывать вещество, нейтрализующее любую, даже самую сильную боль. Знать это было приятно, но метод, с помощью которого он это узнал, не понравился Гарри. Лучше бы он узнал об этом из книги.

Второй удар пришёлся ему по голове, а после третьего и четвёртого он уже лежал на земле.

Нет, думал Гарри, в этом мире из него уже не получится героя, он не попадёт ни в одну из категорий Замонийской истории героев! Он ещё раз посмотрел на беснующихся обезьян. Удары дубинок сыпались на него дождём, а затем стало темно.

Фрифтар склонился к Гаунабу:

– Обезьяны из Мёртвого бора, – важно сообщил он ему. – Дикие экземпляры, которые я специально для вашего величества приказал словить и выдрессировать. Мы научили их бояться огня и пользоваться дубинками. Я думаю, что они доставят нам ещё немало удовольствия в театре.

Фрифтар довольно улыбнулся. Сейчас было самое подходящее время сделать что-то для поднятия собственной самооценки и гордости народа Гела. С растущим недовольством наблюдал Фрифтар, как сбивали с толку народ сражения вольпертингеров. Они победили множество луч-

ших воинов театра, были потеряны такие любимчики публики как Нательфар-паромщик, Чёрные близнецы и Эвил Многорукий. Наконец ему удалось снова заставить одного из вольпертингеров упасть на песок арены, именно он выбрал этот старый седой экземпляр для сражения. Мясо для дубинок обезьян из Мёртвого бора. Одно из хороших старых сражений-казней.

– И что тоэ лобы за епоглу ениежесра? – прошипел Гаунаб. – О чём ты малду? Э?

Фрифтар был сбит с толку. Только сейчас он заметил, что аплодисментов не было. Даже наоборот, отовсюду были слышны возмущённые крики и свист.

– Шайлупос-ка как титсвис родна! – ядовито продолжил Гаунаб. – Ты ракду!

Фрифтар стоял совершенно растерянный. Такой реакции он не ожидал. Такого вида сражения всегда имели успех, и даже сам король был от них в восторге. А теперь зрители свистят, а король в бешенстве. Может быть, что-то изменилось в Театре красивых смертей? Что-то, чего он не заметил? Фрифтар пытался найти слова.

– Ну, я думал... – начал он.

– Ты малду! – брызгал слюной король. – С кихка пор ты ешьмаду? Матьду – тоэ ёмо етиняза, ты, цапиту! Нипомза тоэ!

В глазах короля вспыхнуло безумие всех Гаунабов. Фрифтар взвешивал каждое своё следующее слово. Одно неверное слово, один неверный жест и его жизнь оказалась бы под угрозой.

– Прошу прощения, ваше величество! Я ошибся! – произнёс он покорным дрожащим голосом. – Позвольте вас уверить, что следующее сражение будет отвечать самым высоким вашим требованиям и пожеланиям народа. Склоняюсь перед вами в стыде и покорности.

– Да уж, сянйяскло! – прошипел Гаунаб. – Няйскло юсво вулого, капо щёе жешьмо!

И он бросил подушкой в советника.

Фрифтар, всё ещё склонившись, отошёл спиной назад. Ему было известно, когда можно высовывать голову вперёд, а когда её нужно прятать. И он не желал пока расставаться со своей головой.

IV. Укобах и Рибезел

– Какой унылый лес, – сказал Львиный зев. – Деревья из камней с кронами из тумана. Вечный дождь. И нечего удивляться, что тут растут только эти отвратительные чёрные грибы.

Если Ягдра Сил не ошибался, то ориентироваться в Мёртвом бору было очень просто: на большинстве стволов пышно росли чёрные грибы с маленькими острыми шляпками. Все они росли в одном направлении – в направлении Гела, как надеялся Румо.

– Такие же грибы растут наверху в Большом лесу, – сказал Гринцольд. – Однажды мне пришлось полгода питаться практически только ими, в молодости, когда я ещё жил в лесу. К ним можно привыкнуть. Тебе снятся дикие сны, и ты слышишь сумасшедшую музыку из других измерений. Целый месяц я думал задом наперёд и видел всё в чёрно-белом цвете, и...

– Тсссс! – сделал Румо. Он остановился.

– Что там? – спросил Львиный зев.

– Два голоса, – ответил Румо. – Где-то в лесу. Не так далеко отсюда.

– Может быть это привидения, о которых говорил Ягдра Сил? И как они звучат? Угрожающе?

– Нет. Это никакие не привидения. Там кто-то спорит.

– И о чём они спорят?

Румо прислушался.

– Они говорят чепуху, – сказал он затем. – Но они говорят о Геле. Я поспежу за ними.

– Отличная идея, – сказал Гринцольд. – А затем мы будем их пытать и убьём!

– Несомненно! – вздохнул Львиный зев. – Именно так мы и сделаем.

Румо появился перед двумя существами как привидение. Было проще простого подкрасться к ним, скрываясь за массивными каменными стволами. Он вышел из-за дерева с мечом в руке и преградил обоим существам дорогу.

Они испугались до смерти, но и удивление Румо было немаленьким, поскольку оба существа были совершенно не похожи на всё, что Румо встречал до сих пор.

Один из них, более высокий, достигал груди Румо. Он был худым, с белоснежной кожей и двумя рожками на голове. На нём была эксцентричная чёрная одежда, а в руке он держал тонкое, деревянное копьё.

Второе существо выглядело ещё необычнее. Оно было в два раза ниже своего сопровождающего, имело голову и клешни краба и ноги курицы. К тому же на голове у него была одета воронка, а вместо платья – бочонок.

Румо не знал что сказать.

– Вольпертингер! – кашлянул большой и указал на Румо дрожащим копьём.

– Верно, – сказал Румо. – Я – вольпертингер. А вы кто?

– Меня зовут Укобах, – сказал большой.

– А меня – Рибезел, – сказал маленький.

– Откуда вы? И что вам здесь нужно?

– Мы из Гела! – сказал Укобах.

– И мы хотим в Наземный мир! – сказал Рибезел. – Именем Урса Снежного!

И оба вскинули вверх кулаки.

Теперь Румо был совершенно сбит с толку:

– Урс? – спросил он. – Вы знаете Урса Снежного?

Укобах и Рибезел

Укобах и Рибезел были представителями двух самых крупных групп жителей Гела. Укобах был гелцем, происходил из высших слоёв общества, был в далёком родстве с господствующей семьёй Гаунабов и поэтому принадлежал к элите города. Рибезел же наоборот был выходцем из самого нижнего слоя, он был гомункелом, одним из тех существ, созданных алхимиками, а поэтому представлял собой отбросы общества Гела.

Семья Укобаха была очень крупной и оказывала влияние на политику города: принимала участие в политическом и военном управлении и представляла интересы некоторых придворных. Укобах получил такое воспитание, которое было доступно лишь немногим. От него ожидали, что в будущем он займёт пост в непосредственной близости короля.

В отличие от Укобаха у Рибезела семьи вообще не было. Как у каждого гомункела у него не было ни отца, ни матери. Он родился в алхимической жидкости, которую жители Гела называли Материнским супом.

Гомункелы должны были выполнять в Геле самую грязную работу, у них не было прав и они были отверженными: убить гомункела не считалось преступлением. Любой, кто родился в Геле, не мог себе представить большей социальной разницы, чем разница между Укобахом и Рибезелом.

Рибезел с детства был слугой Укобаха. Он сопровождал Укобаха на его уроках и поэтому получил такое же образование, как и его господин. Он был для Укобаха лучшим собеседником, важным советником в жизненных вопросах и, что знали только они оба, дорогим и равноправным другом.

На людях они старательно создавали видимость отношений "господин-слуга", поскольку дружба между гелцем и гомункелом была одним из наиглавнейших табу в Геле и если бы кто-нибудь узнал бы об их дружбе, то это стоило бы Рибезелу головы.

Наедине же двое друзей превращались в опасных антигосударственных революционеров. Они ставили под сомнение могущество и непогрешимость Гаунабов; они считали всё происходящее в Театре красивых смертей не искусством, а варварством; они ненавидели угнетающую архитектуру и атмосферу города; они страдали из-за угнетения всех искусств алхимией. Укобах тайно рисовал маленькие картинки, на которых Гел горел красным пламенем, а Рибезел сочинял уличающие стихи, высмеиваю-

щие короля. С гордостью обменивались они своими работами, чтобы потом их тщательно спрятать. Итак, они были не только мятежниками, но и творцами, философами, свободомыслящими и духовидцами. Не существовало ни одного горячего вопроса, который бы они не обсудили: верно ли было интерпретировано красное пророчество? На самом ли деле Гел – центр подземного мира? Правильно ли нападать на чужие города в наземном мире и поработать их жителей? Соответствовали ли действительности слухи, что если долго находится под солнцем в наземном мире, то можно сгореть? Или что воздух там ядовит для гелцев?

Рибезел никогда не считал само собой разумеющимся, что его род использовался, как рабочий скот и их избивали и убивали. Он примирился с этим обстоятельством, так как ему не оставалось ничего другого, и он благодарил судьбу за то, что ему было позволено стать слугой Укобаха. Но всю свою жизнь он мечтал сбежать из Гела.

Положение дел в Геле вызывало отвращение и у Укобаха. Ему было стыдно от того, как относились гелцы его происхождения к остальным жителям города. Политическая карьера, которую строила для него его семья, казалась ему мерзкой. И хотя ему в распоряжение была предоставлена вся возможная роскошь и удобства, он мечтал о свете, небе, облаках и дожде, о дуновении ветра и воде. Он мечтал о городах, где день сменяет ночь, о незнакомых существах и чудесах, обо всём, о чём они с Рибезелом прочитали в исследовательских документах алхимиков. Тогда

у них и появилось желание сбежать в наземный мир, и с каждым днём оно становилось сильнее.

Но страх перед всеми опасностями, о которых им рассказывали на уроках в школе и воспоминания обо всех тех ужасных историях, о ледогрудах и нурниях, о кровососущих гигантских мотыльках и обезьянах из Мёртвого бора сидел в них слишком глубоко. Слишком опасен был путь к воротам в наземный мир, к тому же было запрещено им пользоваться без официального разрешения.

Да, можно сказать, что Укобах и Рибезел были трусами. Но до того дня, когда произошло событие, изменившее всю их жизнь. Это произошло в Театре красивых смертей в момент, когда Урс Снежный закончил своё первое сражение.

Укобах с детства ненавидел театр. Ему стало плохо уже при просмотре первых сражений, которые он должен был посещать вместе с родителями. И со временем ничего не изменилось. Они с Рибезелом считали варварством убивать беззащитных рабов для развлечения толпы. Но они регулярно принимали участие в этом общественном мероприятии, поскольку у них не хватало смелости против этого протестовать.

Они настрожились уже во время сражения одного из вольпертингеров с известнейшим палачом Нагелфаром. Но всё произошло слишком уж быстро: неожиданно так называемый любимчик публики лежал мёртвым на песке, а раб триумфовал. Это было чем-то новым. Укобах и Рибезел долго и не без злорадства обсуждали это неслыханное происшествие.

Затем Урс Снежный сражался против Эвила Многорукого. Это была самая захватывающая дуэль, которую Укобах и Рибезел когда-либо видели. Этот маленький вольпертингер не только отказывался умирать сам, он отказывался убивать своего противника. Он отказал ему в последнем смертельном ударе. Это было революционно! Урс Снежный был настоящим героем, которого впервые встретили Укобах и Рибезел. После сражения его имя разлетелось по городу со скоростью света, а Укобах с Рибезелом разговаривали о нём всю ночь. Это был знак! Этот маленький заключённый, выступивший против всей системы Гела, был их путеводителем в наземный мир. Это было сигналом к побегу.

Укобах и Рибезел решили пойти по дороге в Вольпертинг, поскольку это был самый короткий путь из Гела в наземный мир. И он был открыт. Из школьных уроков им было известно, что сбор урожая в городах-ловушках всегда проходил в две стадии: открывался выход в город и похищались его жители, для транспортировки которых использовались

все силы армии. А через некоторое время часть войск ещё раз возвращалась из Гела в пустой город, чтобы полностью удалить следы предыдущих жителей и их различные архитектурные улучшения и закрыть выход на много-много десятков лет.

– Если мы сейчас не сбежим, – сказал Рибезел, – то мы никогда этого не сделаем.

Формула Ралы

– Это пройдёт. Это сейчас закончится. Это пройдёт. Это сейчас закончится, – эту волшебную формулу Рала постоянно повторяла последние дни. И каждый раз её желание исполнялось. Это желание было последней соломинкой, за которую Рала хваталась, когда её тело заново заполняла боль, холод или жар. И она научилась ценить моменты между пытками, когда она чувствовала себя здоровой.

Она также воспользовалась этой формулой, когда её жизни угрожала огромная опасность и ей пришлось справляться с чудовищной тошнотой. Сначала она подумала, что у неё просто немного кружится голова, но затем она будто начала падать в бесконечно глубокую шахту, всё вокруг вертелось так быстро, что ей показалось, что её выворачивают наизнанку.

– Это пройдёт, – думала она. – Это сейчас закончится.

Но избавление долго-долго не наступало. Тошнота стала настолько невыносимой, что она в какой-то момент захотела умереть, но затем она опять ухватилась за единственную оставшуюся мысль:

– Это сейчас закончится. Это пройдёт.

И неожиданно это закончилось, как и всегда. Рала подумала, что хуже уже быть не может, что она ко всему готова.

Лицо страха

На следующий день была проведена атака мозга Ралы. Всё началось вполне безобидно, пара странных видений, необычное беспокойство и чудные звуки. Затем беспокойство стало расти, звуки стали более пронзительными, а видения более странными. Рала могла чувствовать звуки на вкус и слышать цвета. Звучала отвратительная музыка, по вкусу напоминавшая прогорклое масло, а знакомые картины и сцены поднимались вверх и танцевали вокруг неё. Это были душераздирающие воспоминания

о Талоне, о Вольпертинге, о Рольфе, о Румо, а затем всё искажилось и расплылось в разноцветное пятно, как отражение в воде. Знакомые силуэты превратились в танцующие привидения – прозрачные существа без мяса и костей, которые связывались друг с другом узлами. Также и мысли Ралы сплетались и запутывались, пока ни один слог, ни одно выражение не перестали стоять на своих местах.

Тщетно пыталась она вспомнить кто она и где она. Но её мысли разлетались в разные стороны, пока не осталось ничего, кроме холодной тьмы, безнадёжное, мёртвое пространство, надвигающееся на неё. И из глубины этой тьмы под неприятную и болезненную мелодию поднималось что-то опасное, создание из безумия и бешенства. Рала не знала, что это видение было Гаунабом всех Гаунабов – сконцентрированное зло и уродство королевской семьи Гела. Наложившиеся друг на друга лица превратились в ужасную гримасу, вид которой никто не мог выдержать, в маску ужаса, разбивающую своим отражением зеркала. И эта гримаса безостановочно росла, придвигалась всё ближе и ближе, пока у Ралы не появилась последняя, самая ужасная мысль: это может быть её лицом, лицом её собственного страха.

В этот момент Рала потеряла над собой контроль и закричала. Если бы она продержалась ещё хоть одну секунду, не закричала и не признала своё поражение, она бы сейчас же сошла с ума и последовала бы за безумным королём в его сумасшедшее, абсурдное царство.

Рала осталась в своём рассудке, но сопротивление было сломлено. Она была готова начать умирать.

Первое сражение Рольфа

Когда Рольф вышел на арену Театра красивых смертей, все стихли, все глаза были направлены на него. Этот вольпертингер выглядел более воинственно, чем предыдущий. Его узкие хищные глаза опасно сверкали, его мягкая походка выдавала натренированного бойца. Спектакль обещал быть интересным. В театре были слышны лишь кашель нескольких зрителей и звуки шлифовальных камней, на которых в глубине театра точили мечи для сражений – актёры настраивали свои инструменты.

Гаунаб был в плохом настроении. Последнее сражение было настолько жалким, что он всю ночь провалялся без сна с головной болью в постели и слушал голоса, приказывающие ему перегрызть горло Фрифтару.

– Юсьдена тоэ детбу яшарохо вабит, – прошипел он Фрифтару. – А то жетмо сячигьслу, что щимюдусле там зувни дешьбу ятьсто ты, с чоме в керу!

Фрифтар постарался невозмутимо принять эту угрозу.

– Могу уверить ваше величество, что это сражение будет превосходным. Я выбрал самых лучших воинов.

Фрифтар хлопнул в ладоши, раздался гонг, в стене вокруг арены открылись шесть дверей, ранее невидимые, и на арену вышли шесть тяжелооружённых воинов.

Первым был горный великан с огромным золотым топором.

Вторым был хундлинг с трезубцем.

Третьим был кровомясник с моргенштерном.

Четвёртым был дикий свинух с двумя мечами.

Пятым был осир с косой.

Шестым был зелёный лесной гном с копьём.

Рольф стоял в центре арены и медленно поворачивался вокруг себя, осматривая своих противников. Сам он был вооружён четырьмя ножами, которые засунул за пояс.

С тех пор, как Рольф проснулся в Геле, у него было достаточно времени обдумать теперешнюю ситуацию. Для него дела обстояли так: он находился в ужасном и опасном для жизни месте, но однажды он уже освободился из безвыходной ситуации. Что по-настоящему было плохо, так это то, что он не знал, где находится Рала. Он не сомневался, что она ещё жива, поскольку он, несомненно, почувствовал бы смерть своей сестры. Итак, самым важным его заданием теперь было найти Ралу и освободить её. Его план был очень прост – пока возможно, он будет побеждать каждого своего противника.

Рольф всё ещё поворачивался, выбирая свою первую жертву. Меч? Нет. Коса? Нет. Копьё? Да, конечно, было логично избавиться в первую очередь от оружия, которым можно сражаться издалека. Значит: зелёный лесной гном.

Звон и белое пламя

Неожиданно в голове Рольфа прозвучало что-то похожее на звон, который никто кроме него в театре не услышал. Будто струна, проходящая через всё его тело от макушки до ступней и напрягающая его, была перерезана. Этот звук был высоким и звонким, похожим на болезненный

крик. Подобного с Рольфом ещё ни разу не происходило, но он сразу понял, что это означало: кто-то где-то сейчас, в этот момент делает с Ралой что-то ужасное. Всё его тело напряглось как древко лука, он отбросил голову назад и закричал. Это был продолжительный вой, от которого даже в самых последних зрительских рядах стих шепот, а у противников на арене волосы встали дыбом.

Таким волчьим криком попрощался Рольф с этим миром и шагнул в белое пламя. Он тихо зарычал, оскалил зубы, зажал между ними один из ножей, два других он схватил в кулаки – один клинком вперёд, другой – назад. И бой начался.

Зрители Театра красивых смертей уже видели нескольких вольпертингеров в сражении. И за исключением двух пожилых вольпертингеров все остальные отлично сражались. Они намного превосходили своих противников. Но то, что там внизу творил этот вольпертингер со своими ножами, уходило далеко за рамки известного. Он был не просто быстр, казалось, он находится одновременно в нескольких местах. Его ножи летали в воздухе и раньше, чем жертвы их замечали, врезались в их глотки, грудные клетки, между глаз и между лопаток. Рольф носился по арене, как бешеный ветер, он поднимал вверх всю пыль, а там, куда он подходил, кровь била фонтанами.

И вдруг танец закончился так же неожиданно, как и начался, а Рольф кашляя, стоял посреди арены, весь красный от крови. Он всё ещё находился в своём другом мире, среди белого пламени, но его противники уже лежали мёртвые на земле. Публика вскочила и издала такой всеобщий восхищённый возглас, какого Театр красивых смертей ещё ни разу не слышал.

Емизубе

Гаунаб подпрыгивал на своём троне как бешеная обезьяна, колотил кулаками по подушкам и визжал от восхищения.

– Емизубе! Емизубе! – кричал он. – Тоэ катитасфан! Тотэ гертинперволь пенлеколиве! Нийге! Я люблю гоэ! Емизубе! Емизубе!

– Да, – механически перевёл Фрифтар. – Это фантастика. Этот вольпертингер – гений в искусстве смерти. Я занесу его в список фаворитов.

Вдруг Гаунаб стал совершенно спокойным. Он перестал прыгать и боксировать подушки, его взгляд опустел, а в его сумасшедшем оскале появились демонические черты. Фрифтар знал, что это означало. Гаунаб

девяносто девятым слушал в данный момент остальных девяносто восемь Гаунабов и скоро, очень скоро он превратится в дикого хищника.

Это был именно тот момент, которого Фрифтар больше всего опасался: что очередной приступ короля произойдёт в театре. Нет, Фрифтар не боялся, что практически все жители Гела будут свидетелями происходящего. Просто в ложе были только он и король, и Фрифтар не мог так легко скрыться с глаз Гаунаба и подсунуть ему другую жертву, на которую тот выльет своё безумное бешенство. Он будто был заперт в клетке с диким львом, которому он к своему же несчастью наступил на хвост.

Из уголка рта Гаунаба потекла тонкая струйка слюны, и он медленно поворачивал голову туда-сюда. С его губ слетали беззвучные слова, которыми он, вероятно, отвечал на приказы девяносто восьми Гаунабов. Фрифтар вздохнул. Конечно, он давно уже ожидал самого сильного припадка короля, но то, что он должен был сейчас сделать, было унижительно: за спиной Гаунаба он заполз под его трон, как ребёнок, прячущийся от землетрясения.

Как только Фрифтар скрылся в своём убежище, у Гаунаба начался припадок бешенства невиданной силы. Обезьяны визги разлетелись по всему театру, король одним огромным прыжком перепрыгнул с трона на защитную стену, стоящую вокруг его ложи, схватил за горло лучшего из своих солдат-стражников – крупного кровомясника, в два раза больше самого короля – и мощным рывком втянул его через ограду в ложу. То, что там дальше произошло, было похоже на события, развивающиеся в клетке с дикими хищниками, в которую упал неосторожный зритель. Кровь брызгала во все стороны, а народ визжал в восхищении. В городе бродило множество слухов о припадках монарха, но кроме придворных их никто никогда не видел. Этот же припадок превосходил все ожидания зрителей. Гаунаб не успокоился, пока не вырвал из солдата последний кусочек жизни. Затем маленький король лёг на труп и уснул крепким сном.

Фрифтар выбрался из-под трона. Публика была вне себя, все вытягивали шеи, что бы увидеть облитого кровью сумасшедшего. Главный советник склонился над спящим Гаунабом и ухмыльнулся. Судьба в очередной раз приятно его удивила.

Заложники

Укобах и Рибезел шагали вперёд, а Румо шёл за ними, припугивая их зажатым в кулаке мечом.

– Ты же понимаешь, что шлешь нас на верную смерть, – сказал Укобах.

Румо не ответил.

– Меня они бросят в материнский суп, – причитал Рибезел. – А Укобаху пошлют в Театр красивых смертей. Мы же – государственные изменники.

– Где Рала? – строго спросил Румо.

– Мы же тебе уже тысячу раз говорили, – простонал Укобах. – Мы не знаем никакой Ралы. И других вольпертингеров мы тоже не знаем. Мы видели только Урса Снежного в театре, больше никого.

– Расскажите мне побольше о театре! – приказал Румо.

– Ещё раз? Но ты уже всё знаешь! – простонал Укобах. – О Геле, о городах-ловушках и обо всём проклятом подземном мире тебе сейчас известно больше, чем большинству гелцев. И всё равно ты хочешь затащить нас в этот ад назад. Это же наш смертельный приговор!

– О пощаде не может быть и речи, – сказал Румо.

Рибезел резко остановился и повернулся.

– Знаешь что? – сказал он. – Мне кажется, что ты не такой жестокий, каким ты себя пытаешься показать. Ты, в общем, нормальный парень.

Румо и Укобах тоже остановились.

– Ах, так? – сказал Румо. – На самом деле?

– Да, на самом деле. Если бы ты был таким хладнокровным, то уже давно бы убил одного из нас, чтобы испугать другого. Зачем следить за двумя пленниками, если можно и за одним? По-настоящему жестокий парень сделал бы это именно так.

– Рибезел! – воскликнул Укобах. – Не подсказывай ему глупых идей!

Румо задумался.

– Укобах, Рибезел! – сказал он вдруг. – Я хочу представить вам двух моих друзей.

Оба посмотрели друг на друга: кроме них и Румо поблизости больше никого не было.

Румо протянул к ним меч и двое приятелей отскочили в сторону.

– Не бойтесь! – и он указал на расщеплённый двойной клинок. – Это мои друзья. Это – Гринцольд. А это – Львиный зев.

– *Наоборот!* – возмущился Львиный зев.

Укобах и Рибезел прижались друг к другу. Вольпертингер, кажется, не был злым, но он был сумасшедшим.

– Львиный зев и Гринцольд, – сказал Румо. – Позвольте вам представить: Укобах и Рибезел!

И он стал размахивать мечом перед лицами двоих приятелей, которые пытались отойти подальше.

– *Очень приятно*, – сказал Львиный зев.

– *Давай их замочим!* – прохрипел Гринцольд.

– Они слышат вас, – сообщил Румо своим пленникам, – но вы не можете их слышать. Только я могу их слышать. В своей голове. Понимаете?

– Ну, конечно! – быстро закивал головой Укобах.

– В твоей голове! – согласился Рибезел.

– Они – опаснейшие воины-демоны... самые жестокие, – сказал Румо.

– *А вот и неправда!* – снова возмутился Львиный зев.

– *Правда-правда!* – сказал Гринцольд.

– Их мозги были вплавлены в этот клинок. И они разговаривают со мной, – Румо приложил ухо к мечу и задумчиво прислушался.

Укобах и Рибезел усердно продолжали кивать.

– Да, – сказал Румо, – непредсказуемые парни. Кровожадные. Беспощадные. Я нахожусь под их чарами и должен делать всё, что они скажут. Это старое... проклятие.

– Мы понимаем, – сказал Рибезел. – Проклятие.

– Поэтому, если бы всё зависело только от меня, то я сейчас же отпустил бы вас на все четыре стороны. Но теперь я вынужден спрашивать Гринцольда и Львиный зев.

– Ну, конечно!

– Само собой разумеется!

Румо пробурчал что-то невнятное в клинок, а затем опять приложил его к уху. Внимательно послушал и несколько раз кивнул, а затем опустил меч вниз.

– Гринцольд и Львиный зев сказали, что если вы не будете меня слушаться, то я должен заставить одного из вас съесть другого, – сказал Румо.

– *Неправда!* – закричал Львиный зев.

– *Хотя я этого не говорил*, – сказал Гринцольд, – *но идея мне нравится.*

Румо пожал плечами:

– Мне очень жаль, что вы должны привести меня в Гел. Но это проклятие, понимаете...

Укобах и Рибезел снова закивали.

– Хорошо, мы приведём тебя в Гел! – вздохнула Укобах. – Но это всё равно бессмысленно. Нет ни одного входа в город, у которого бы не стояла охрана. И тебя, вольпертингера, они схватят сразу же. Мы должны были подделать королевские документы, чтобы выбраться из города. Ты идёшь на собственную казнь. И ведёшь нас с собой.

– Эти проблемы я буду решать, когда мы будем на месте, – отрезал Румо.

– Хотя нет! – сказал вдруг Рибезел. – Есть один путь в Гел, который никто не охраняет.

– Правда? – спросил Румо.

– Да. Я знаю дорогу через канализацию. Она ведёт в самое сердце Гела. Прямо в Театр красивых смертей.

– Очень хорошо! – сказал Румо. – Тогда вы будете моими пленниками, пока не доведёте меня через канализацию до театра.

Укобах осуждающе посмотрел на Рибезела.

– И не надо на меня так смотреть! – сказал Рибезел. – Что я должен делать, если он так хитро допрашивает?

История Рибезела

В жизни Рибезела был период, когда он ещё не был знаком с Укобахом. И это был очень длинный период, поскольку его жизнь между рождением и поступлением на должность слуги была настолько бурной, что её с излишком хватило бы среднестатистическому гомункелу.

После выхода из материнского супа, Рибезел, как и каждый гомункел после алхимического рождения, чувствовал себя довольно странно. Такое спутанное чувство может испытать только тот, кто попадает в этот мир уже взрослым существом. И для гомункелов это было тяжелее вдвойне.

Суп кипел, пара конечностей и органов различных существ соединились в нём в одно целое и вот из супа появляется новый гомункел. Никакого ползания, вскармливания грудью, прорезания зубов – гомункел появился на свет совершенно готовый и должен сам разбираться с этим миром. Первым опытом общения с миром, как обычно, был пинок в зад, полученный от какого-нибудь бесчувственного солдата, который должен был направлять в жизнь с рампы вокруг котла новоиспечённых и лишённых всех привилегий граждан. И Рибезел тоже получил крепкий толчок,

скатился с рампы и попал в грохочущую городскую жизнь Гела. Тут же проводили осмотр новых граждан и проверяли их способности.

Грубые руки схватили Рибезела, покрутили его, ощупали. Гелцы, солдаты и гомункелы толкали его со всех сторон. Здесь, около рампы, оценивали всех новорождённых рабов и распределяли профессии. Здесь решалась их судьба.

– Клешни краба, глаза навывкат, дыхание через жабры – он создан для работы в воде. Он будет чистить тоннели! В канализацию! – сказал кто-то и Рибезел не понял ни слова, поскольку хоть гомункелы и появляются на свет уже взрослыми, но о языке и воспитании они должны позаботиться сами. Рибезела отвели в канализации Гела.

Если бы кто-то решил составить список всех профессий в Геле, а затем бы отсортировал его от самой уважаемой профессии до самой худшей, то вверху списка стояло бы "Король", а в конце – "Чистильщик тоннелей". Первые годы своей жизни Рибезел занимался чисткой стен подземных пещер, используемых в качестве канализации, от паразитов и возбудителей болезней. Губкососы, масляные улитки, навозные черви, присосконогие пауки, бактоморфы, чумные лягушки, тоннельные клещи, трубные вампиры – это были настоящие властители этого мокрого тёмного мира, и было необходимо сдерживать их распространение, чтобы они не стали однажды властелинами Гела. Профессия чистильщика тоннелей была не только небезопасной для здоровья, но, вероятно, самой опасной профессией вообще в подземном мире. Практически все звери, обитающие в канализации, крупные и мелкие, были опасны по тем или иным причинам – были ядовиты, распространяли болезни, кусались, сосали кровь или делали всё это сразу. Средняя продолжительность жизни чистильщика тоннелей составляла около одного года. Но многие пропадали навсегда уже в первый день в разветвлённых и жадных всепоглощающих трубах канализации.

Рибезела отправили в этот мир, вооружив только лишь длинной верёвкой и ржавым трезубцем. И больше всех был удивлён сам Рибезел, когда в конце первого рабочего дня вернулся обратно в город. До колен он был вымазан коричневой водой, а на его трезубец были насажены все навозные черви и присосконогие пауки, которых он обнаружил в призрачном свете медузного факела. И он благодарил судьбу, что ни один из этих паразитов не был больше обычной собаки. В тот же первый день Рибезел нашёл в мусоре воронку и бочонок и приспособил их в качестве доспехов, для защиты от всевозможных опасностей самого глубокого из всех миров.

Они столько раз спасали ему жизнь, что позже, когда он мог себе позволить купить приличную одежду, он не захотел с ними расстаться.

Подземные каналы появились естественным путём в древнейшие времена и представляли собой жутко спутанную систему проходов, напоминавших внутренности губки. Некоторые алхимики даже утверждали, что Гел расположен на гигантской окаменелой губке. Только те, кто обладал великолепной памятью и отличными инстинктами, могли здесь ориентироваться. Почти каждый день пропадали коллеги Рибезела и никого это не заботило. Может быть, они попадали неожиданно в тоннель со смывной водой или они встретили жителя канализации, который всё же оказался больше собаки – возможностей расстаться здесь внизу со своей жизнью существовало не только множество, они к тому же были очень неаппетитны.

Рибезел обладал удивительным даром для своей профессии – он не только мог отлично ориентироваться в тоннелях, но и исключительно умело обращаться со своим трезубцем, накалявая на него паразитов. И он наверняка бы оставался там внизу, пока его не настигла бы внезапная смерть, если бы однажды он не спас жизнь маленькому гелцу, который нечаянно через люк провалился в канализацию и которого чуть не сожрали кровавые крысы, и его бы в награду за это не вернули назад в цивилизацию. Так закончилась полная лишений жизнь Рибезела в клоаках Гела и началась новая рядом с Укобахом.

– Хорошо, – сказал Укобах, когда они, наконец, пошли дальше. – Мы делаем тебе одолжения одно за другим. Мы рассказываем тебе все тайны нашего народа и пытаемся провести тебя – под угрозой нашим жизням – в Гел. Мне кажется, что сейчас твоя очередь.

– В каком смысле? – спросил Румо.

– Рассказывать. Путь достаточно далёк и я бы хотел знать, почему ты хочешь попасть в Гел, не обращая внимания на здравый смысл. Мы хотим, как минимум, знать, за что мы рискуем своими жизнями. И кто эта таинственная Рала?

– Но я не умею рассказывать, – сказал Румо.

– Просто пропусти скучные вещи, – предложил Рибезел. – А расскажи только захватывающие.

Медвежий бог

Рала была готова умереть. Боль, холод, жар, тошнота – всё это было выносимо, но не это гримаса безумия. Неважно, кто был там, снаружи, но он победил. Битву с противником, заключившим договор с безумием, никто не может выиграть. Рала хотела просто уснуть, без снов, без боли и без страха.

– Рала?

Рала испугалась. Кто позвал её? Это был опять голос снаружи?

– Рала? Не бойся! Это я.

Своим внутренним глазом Рала не видела ничего, кроме абсолютной тьмы.

– Я иду издалека.

Что-то отделилось от темноты.

– Да, я иду издалека, доченька.

Огромное чёрное существо вышло из темноты, и теперь Рала узнала Талона. Талон-коготь – бывший дикий медвежий бог, её приёмный отец и партнёр по охоте.

– Привет, Рала! – сказал Талон.

– Привет, Талон! Я думала, что ты мёртв, – сказала Рала. После всего произошедшего в последнее время, она уже не удивлялась ничему происходящему в её мозгу.

– Не решаюсь тебя спросить, – сказал Талон. – Но обстоятельства не позволяют тянуть дольше. Итак, скажи-ка, моя девочка: то, что я тут вижу, это на самом деле?

– Что ты видишь?

– Ты пытаешься умереть?

– Верно, – сказала Рала.

– Ты шутишь!

– Нет, – ответила Рала.

– Не то, что бы я хотел вмешиваться, но, я уже однажды умер и могу тебе сказать, что это не так приятно.

– Я больше не могу терпеть, – прошептала Рала.

– Конечно. Хм. Боль, да?

– Боль я могу выдержать.

– Что-то хуже боли?

– Ужас, Талон. Страх.

– Понимаю. Это тяжело терпеть.

– Ты вернулся из мёртвых, чтобы мне это сказать?

- Что? Да. Нет! Э-э-э... Ну вот, ты меня сбила с толку.
- Ближе к делу, Талон! Тогда я, наконец, умру, и мы будем вместе мёртвыми.
- Очень плохая идея. Я сам слишком рано умер. Глупая ошибка. Ты можешь спокойно учиться на моих ошибках.
- Это не было ошибкой. Ты не мог ничего поделать.
- Я мог убежать, когда палка летела в мою сторону, – сказал медведь.
- Послушай, Талон: я не могу больше. Я устала. Я боюсь. Я хочу спать.
- Это ты уже говорила. Помнишь ещё, чем мы занимались в лесу?
- Охота?
- Точно! Охота. На кролика! Сколько удовольствия!
- Но не для кролика.
- Ты права. А помнишь, что делали кролики?
- Они убегали.
- Правильно. А помнишь, как они убегали?
- Зигзагами. Из укрытия в укрытие.

– Именно так они убегали! Маленькие гады. А помнишь, как часто они от нас уходили?

– Часто.

– Именно, моя девочка. Очень часто, – ухмыльнулся Талон. – Понимаешь, куда я клоню?

– Я должна сбежать?

– Ты очень умная девочка. Моя Рала! Давай сбежим вместе! Как раньше, в лесу, – Талон так посмотрел на Ралу, что она чуть не рассмеялась.

– И как я это сделаю? Я не могу двигаться. Я закована в машине.

– Знаешь, что хорошего в смерти? – спросил шёпотом Талон.

– Нет. Наверное, что всё проходит?

– Я же говорил, что ты не имеешь ни малейшего понятия о смерти.

Нет, наоборот: ничего не проходит. Всё только начинается, золотко! Твой дух свободен. Свободен от мозга, поскольку мозг на самом деле просто темница, темница полная беспокойств и страхов. Когда ты умираешь, твой дух вырывается через решётки наружу, и ты впервые понимаешь, что означает свобода.

– Ближе к делу, Талон.

– Я могу научить тебя освободить свой дух.

– На самом деле можешь?

– М-да, не совсем, не так, как мой, который дико летает в космосе и может видеть кольца Сатурна и прочие вещи.... Нет, так не могу! Так как для этого ты должна быть по-настоящему мёртвой. А этого же мы не хотим. Послушай! Я могу показать, как освободить дух от мозга, что бы он мог свободно парить в твоём теле. Это я могу!

Рала засмеялась.

– Я знаю, что на самом деле тебя тут нет, что ты лишь прекрасный сон, который помогает мне забыть боль. Но рассказывай дальше!

– У нас нет времени на споры, а то я бы тебя уже переубедил. Но ещё немного по этой теме: то, что вы, живые, называете снами, никакие и не сны. Но теперь идём! – Талон протянул ей огромную лапу.

Рала сомневалась.

– Ну, давай уже! – пробурчал Талон. – Давай исчезнем отсюда.

Вопрос Тиктака

Генерал Тиктак опять был в отличном настроении, как почти всё последнее время. Сегодня он начнёт опрос и это было первой, по-настоящему интересной частью его работы. Воля Ралы была сломлена. Что это был за крик! Это был не просто крик, а настоящие фанфары, сигнал о начале нового этапа их отношений. С сегодняшнего дня он начнёт разговаривать с Ралой, и они вместе направятся на поиски смерти. Сегодня начнётся процесс умирания.

Это был очень серьёзный момент и нельзя было осквернять его какой-либо глупой болтовнёй. Первый вопрос был самым важным. Он долго над этим думал. Вопрос должен был показать ей его страсть, а она должна ответить с нежностью и пониманием. Собственно говоря, это – задание для настоящего поэта, что делало генерала Тиктака особенно гордым, так как он самостоятельно придумал подходящий вопрос.

Медленными, мягкими шагами приблизился он к медной деве, склонился к ней и прошептал:

– Доставляет ли тебе «тик» это столько же удовольствия, как и мне?

Рала не отвечала. Конечно, она стеснялась, была удивлена его романтическим вопросом, искала, вероятно, подходящий ответ. Он должен дать ей немного времени.

Тиктак ждал.

Может быть, она его неверно поняла? Может быть, он слишком тихо спросил? Через несколько минут он повторил вопрос. На этот раз немного чётче:

– Доставляет ли тебе «тик» это столько же удовольствия, как и мне?

Теперь она обязана ответить, если она не хочет осквернить этот священный момент. Даже наглый ответ или проклятие были бы лучше, чем молчание.

– Доставляет ли тебе «так» это столько же удовольствия, как и мне? – проревел Тиктак в медную деву.

Нет ответа.

Генерал Тиктак не мог поверить. Любая другая жертва в подобной ситуации воспользовалась бы случаем, даже если это и помогло бы только на мгновение забыть о боли. Она не хотела знать кто он, тот, кто её пытается?

Ужасная мысль потрясла его: не мертва ли она? Он быстро проверил приборы: их показания были в порядке, она дышала, её сердце равномерно билось. Термометр смерти стоял на шестидесяти восьми.

– Я спрашиваю «так» тебя в последний раз и жду твоего ответа, – угрожающе сказал генерал Тиктак.

– Доставляет ли тебе «тик» это столько же удовольствия, как и мне?

Нет ответа. Теперь генерал Тиктак занервничал. Она жила – об этом говорили все его приборы. Воля было сломлена – об этом сказал ему её крик.

И тут, наконец, Тиктак понял. Конечно! Рала не была упрямой. Она не сошла с ума и не онемела. Нет, ей удалось то, о чём он даже бы и не подумал, что такое возможно.

Рала сбежала!

Она покинула темницу своего мозга и спряталась где-то в своём теле. Это было единственным объяснением. На этот раз крик, сотрясший стены камеры пыток, принадлежал генералу Тиктаку.

Короткая дорога

Укобах всхлипывал и вытирал слёзы с лица.

Они всё ещё шли по мрачному Мёртвому бору. Румо как раз закончил свою историю. Теперь Укобах и Рибезел знали о его чувствах к Рале, о его дружбе с Урсом и о его плане в одиночку пойти в Гел и освободить вольпертингеров.

– Это самое романтическое из всего, что я когда-либо слышал! – воскликнул Укобах. – На самом деле там, наверху всё так происходит? Безусловная любовь? Дружба до самой смерти? Вечная верность?

Из тумана над ними раздался неприятный визг, похожий на визг дикого зверя. Румо посмотрел вверх.

– Наверное, это обезьяны из Мёртвого бора, – сказал Рибезел. – Они должны быть очень опасны.

Румо ухватился за рукоятку меча.

– И как давно она, я имею в виду Рала, твоя возлюбленная? – просопел Укобах.

– Вообще-то она ещё не моя возлюбленная, – ответил Румо, понурился головой. – Я должен сначала её...завоевать.

– Подожди-ка! – отрезал Рибезел. – Ты тут, внизу, и хочешь освободить девушку, о которой ты даже не знаешь, любит ли она тебя?

– Ну, да, это – серебряная нить...

– Серебряная нить? – спросил Укобах.

– Ах, вам этого не понять!

– Нет! Этого я точно не понимаю! – сказал Рибезел. – Мы, гомунке-лы, очень мало понимаем в любви, по биологическим причинам. Собственно говоря – совершенно не понимаем! Но ставить на кон свою жизнь из-за любви, о которой ты даже не знаешь, существует ли она, вот этого я совершенно не понимаю!

Укобах немного успокоился.

– А что ты будешь делать, если ты покажешь ей шкатулку, а она тебе откажет? – спросил он.

– Об этом я ещё не думал, – ответил Румо.

– Мне кажется, что ты вообще очень редко думаешь, – сказал Рибезел. – Ты решаешь свои вопросы силой, с помощью твоего демонического меча.

Румо решил, что Рибезел ведёт себя слишком нагло для пленника. Очевидно, что эти двое потеряли к нему всякое уважение, после того, как он открыл им сердце. Он попытался сменить тему.

– Расскажите мне о врахоках!

– У-у-у, врахоки! – произнёс Укобах и с наигранным страхом помахал руками. – Врахоков нельзя просто так описать. Они... чудовища. Слишком огромные для этого мира. Такие, собственно говоря, должны вымирать. Очень опасные. Очень сложно описать.

– Много лет назад удалось приручить врахоков, – сказал Рибезел. – Алхимики разработали жидкости и газы, с помощью которых можно управлять врахоками. Успокаивать, раздражать, гипнотизировать – всё что угодно. Мы умеем ездить на врахоках. Ну, мы с Укобахом, конечно нет, но наши солдаты это могут.

– Опасные чудовища, – сказал Укобах. – Мы как раз сейчас делаем огромный крюк, обходя стороной пещеры врахоков.

– Что? – спросил Румо.

– Мы обходим врахоков стороной. Как можно дальше.

– И сколько времени нам на это нужно?

– Ну, дня два-три точно. Но по-другому никак нельзя. Мы не можем пойти прямо между врахоками!

Рибезел неприятно засмеялся.

– Подожди-ка, – сказал Румо. – Но это означает, что если мы пойдём через пещеры врахоков, то мы можем сократить наш путь на два или даже на три дня!

– Правильно.

– Значит, мы сейчас же пойдём по другой дороге.

– Что? – воскликнул Рибезел. – Ты сошёл с ума?

– Я не могу терять ни минуты, – ответил Румо. – За три дня может многое произойти.

– Невозможно пройти мимо вражеских и остаться в живых! – сказал Укобах.

– В начале было невозможно и в Гел попасть, – ответил Румо. – А теперь у нас есть даже собственный проводник.

Укобах зло посмотрел на Рибезеля:

– Это ты во всём виноват! – прошипел он. – Вражки! Только этого нам сейчас не хватало!

Над ними в тумане завизжали обезьяны, и голова Рибезеля спряталась глубоко в его бочонке.

Кровяные тельца

Рала и Талон изменили свой облик. Теперь они выглядели как два красных зёрнышка чечевицы, слегка вдавленных посередине.

– Что с нами произошло? – спросила Рала Талона, парившего около неё посреди огромного помещения. – Почему мы так странно выглядим? Где мы? Под водой?

– Мы превратились в кровяные тельца, моё сокровище, – ответил Талон. – И мы находимся в твоей кровеносной системе. Я подумал, что здесь легче всего оставаться незамеченными. Если тебе не нравится цвет, то мы можем превратиться в белые кровяные тельца. Наш дух свободен.

– Нет-нет, – сказала Рала. – Цвет меня устраивает. Смешной сон.

Множество других телец, похожих на Ралу двигались под ними, над ними и со всех сторон в разных направлениях.

– Ты всё ещё считаешь, что это сон? Это начинает меня понемногу обижать. Я стараюсь изо всех сил, возвращаюсь из мёртвых, удерживаю тебя от смерти, освобождаю твой дух, превращаю нас в кровяные тельца, а в благодарность ты уверена, что всё это тебе только кажется.

– Извини. Это так ... невозможно.

– Мы превратились в красные тельца, так как они могут везде передвигаться. Мы можем потом изменить наш внешний вид, если ты захочешь. Может быть, ты захочешь стать электрическим импульсом, тогда мы можем даже передвигаться по твоей нервной системе.

– Откуда ты всё это знаешь? Ты же обычный медведь.

– Я – мёртвый медведь, золотце! Я знаю всё.

– Ах, да?

– Спрашивай, что хочешь!

– Что мы сейчас будем делать?

– Это легко: мы будем удирать! Нам нужно исчезнуть из этой местности. Мы находимся всё ещё слишком близко у мозга. Я предлагаю двинуться через сонную артерию в сторону сердца. Тебе стоило бы лучше спросить про тайны вселенной или что-то подобное.

– В данный момент нам это не особо поможет.

– Следующий вопрос!

– Если то, в чём мы плывём, – кровь, то почему она не красная?

– Потому что это вообще-то вода. Кровь состоит в основном из воды. Ты же умеешь плавать или?

– Да, – сказала Рала. – Я умею плавать.

– Ну, тогда за мной!

Талон присоединился к тельцам, скользившим мимо них в пульсирующем потоке крови, и Рала последовала за ним. Они неслись вниз по вене и к ним присоединялось всё больше красных телец и бело-жёлтых, похожих на клубочки шерсти.

– Это – белые кровяные тельца, – объяснял Талон. – Они наши самые главные союзники. Это твои солдаты, Рала. Они сражаются против всего, что делает твое тело больным.

Белые тельца построились по-военному в строй и, обгоняя красные тельца, скрылись за поворотом.

– Сколько здесь дорог! – думала Рала. – Сколько здесь места!

– Да, – сказал Талон. – Лучшего места, чтобы прятаться ты не найдёшь!

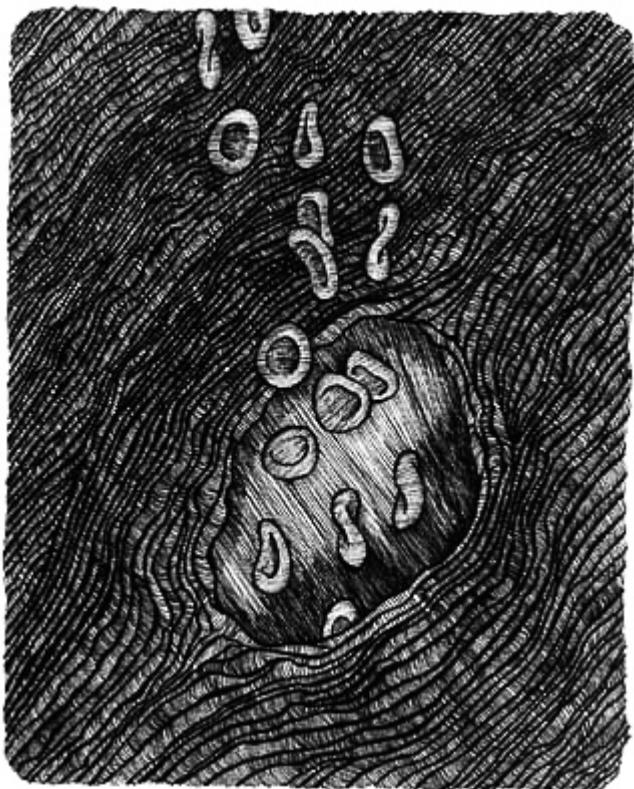
Под ними внизу открылось тёмное отверстие. Некоторые красные тельца поплыли в его сторону.

– Это вход в сонную артерию, – сказал Талон. – Чувствуешь тягу?

– Да, – воскликнула Рала. Её трясло в такт биения её собственного сердца.

– Тогда пошли! – сказал Талон. – Это самый короткий путь к аорте. Сейчас полетим вниз!

Талон и Рала понеслись в тёмное отверстие за стайкой других кровяных телец.

Охотник

Генерал Тиктак был в ярости, но никаких сомнений не было: Рала сбежала.

Конечно, её тело всё ещё находилось здесь, запертое, как и раньше в медной деве, приколотое, как бабочка, сотнями игл. И она жила, о чём говорили всё возрастающие показатели на термометре смерти. Но её дух исчез. Её мозг был пустым. Тиктак мог бы затопить его любимыми ядами, но всё было напрасно. Он швырнул бутылочку с наркотиком безумия в стену, и она разбилась на тысячи кусочков.

Тиктак рассмеялся, впервые за всю свою жизнь в качестве медного парня. Он был удивлён, поскольку даже и не знал, что способен на это. Его жестяной смех звучал так омерзительно, что генерал на мгновение

испугался, но затем сразу же продолжил дальше. И что тут такого смешного? – спрашивал он себя.

Его обхитрила маленькая девочка – это было смешно. Просто испарилась из самой надёжной тюрьмы, которую можно представить. В тот момент, когда генерал Тиктак показывал ей её границы, она взяла и показала ему его!

Тиктак шагал туда-сюда, но уже не в ярости, а в радостном возбуждении. Эта девочка – гений, но сражение за её тело только сейчас началось. Она хотела, чтобы на неё начали охотиться, хорошо, он будет охотиться. Она навязывает ему свои желания и он подчинится. Электрический ливень пронёсся по его мыслям. Он будет на неё охотится и выследит её. Выследит и ... да, а что потом? Вернёт назад? Генерал Тиктак не знал, эта девчонка совершенно сбила его с толку. Какая захватывающая игра!

Он подошёл к шкафу с ядами и внимательно осмотрел свои запасы. С чего он хотел начать? Наркотиками её больше не удивишь. Что же ещё?

В глубине шкафа стояла тёмная бутылочка с вручную подписанной этикеткой. Он вынул её и прочёл надпись:

Подкожный эскадрон смерти

– стояло на ней. Он взвесил бутылочку в своей руке. Нет, слишком рано это использовать. Слишком сильное средство для теперешних обстоятельств. Он поставил бутылочку назад и продолжил осмотр остальных запасов. Так много возможностей! Но с чего начать?

Проверка

Рольф сидел в темноте в своей камере и грыз сталь, сковывающую его запястья, – привычка, рефлекс, выработанный в те времена, когда он жил у Нидхуга-кровомясника. Он закрыл глаза и сконцентрировался, пытаясь ощутить вибрации Ралы. Он знал, что она находится где-то поблизости.

Больше, чем неволя в последнее время Рольфа беспокоили только две вещи. Одна – звук, который он услышал на арене. Несколько дней подряд он не мог думать ни о чём другом, эхо гремело в ушах Рольфа и каждый раз перед его внутренним глазом появлялось перекошенное от страха лицо Ралы. Но затем это воспоминание сменилось другим неопределённым чувством, возникшим совершенно неожиданно в тот момент, когда он в очередной раз пытался почуять Ралу. Это было чувство свободы

и с тех пор он видел лицо своей сестры весёлым и расслабленным, а не замученным. Иногда она даже улыбалась. Рала жила, в этом он был уверен, она всё ещё находилась в ужасной опасности, в этом он был тоже уверен. Но сейчас что-то изменилось в её ситуации, изменилось в лучшую сторону. И Рала, казалось, наслаждалась опасностью, в которой она находилась.

Рольф опустил цепь и ухмыльнулся. Он знал эту черту Ралы. Тогда, в лесах, она иногда пугала его до смерти своей безрассудной отвагой. Иногда она пропадала на некоторое время, а Рольф оставался на одном месте и ловил вибрации, похожие на те, что он ощущал сейчас в своей камере. Это не имело никакого отношения к его обонянию. Это были ощущения, связывающие брата и сестру.

Но тогда она всегда возвращалась, часто растрёпанная и поцарапанная, иногда облитая кровью, но всегда с трофеем для брата: с рогом, с когтем или оторванным шупальцем. Рольф ни в коем случае не был трусом, но каждый раз он испытывал облегчение, когда такая рискованная ситуация подходила к концу. Рале же всегда было мало.

Он растянулся на твёрдом полу и попытался уснуть. Если он хочет осуществить свой план, то должен быть хорошо отдохнувшим. Он решил сменить стратегию. Не было никакого смысла подчиняться ритуалам театра и надеяться, что появится возможность для побега – охранники слишком хорошо выполняли свою работу.

План Рольфа выглядел так: захватить короля в заложники. Это было не просто, но и не совершенно невозможно. Хотя стены арены и были высокими, но они не были построены в расчёте на защиту от вольпертингеров. Если кому и под силу преодолеть их в два-три мощных прыжка, то только Рольфу. Он хотел запрыгнуть прямо в королевскую ложу, сначала разобраться с тем тощим парнем, а затем захватить в заложники маленькую обезьяну, которая, судя по всему, была королём. Карлик взамен на Ралу.

У дверей его камеры что-то загремело, и она почти бесшумно открылась. В проёме стоял кровомясник, выглядевший необычно тупым. В руке он держал факел. Рядом с ним стоял советник короля. Фрифтар оценивающе разглядывал Рольфа.

– Он в хорошей форме, – сказал Фрифтар. – Пока он больше не будет сражаться. Можешь закрыть дверь. Теперь ты лично отвечаешь за то, что выбранные мною вольпертингеры до моего приказа остаются в своих камерах. Как тебя зовут?

– Кромек Тума! – проскрипел кровомясник. – Вес сто шестьдесят килограмм, рост два метра двадцать семь сантиметров, сорок семь наград за смелость в бою, артиллерист.

– Да-да, – отмахнулся Фрифтар. – Теперь отведи меня к пленникам по имени Ушан де Люкка и Урс Снежный. Я хочу и их увидеть.

Когда дверь закрылась, Рольф тихо зарычал.

Летающая вода

– А что с солнцем? – спросил Укобах. – Можно на самом деле согреть в его лучах?

– Конечно, – соврал Румо.

– А воздух? Он ядовитый?

– Конечно! – сказал Румо. – Только те, у кого больше трёх лёгких, как у нас, могут там выжить.

– Значит всё-таки так! – вздохнул Укобах.

– Чушь! – сказал Рибезел. – Он просто над тобой издевается.

Румо ухмыльнулся. Укобах и Рибезел вели себя как дети.

– А деревья, на которых растёт еда, тоже существуют? – спросил Укобах.

– Куча, – сказал Румо. – Там есть свежий воздух и чистая вода. Есть облака.

– А что такое облака? – спросил Рибезел.

– Облака, – сказал Румо, – облака... это такие... такие...

Он запнулся. А чем на самом деле были облака?

– Это вода, которая может летать! – сказал он.

Чем глубже они спускались вниз, тем сильнее и невыносимее становился запах, который уже несколько часов лез в нос Румо. Это был запах моря, гниющей рыбы, мёртвых ракушек и тухлых водорослей, разлагающихся на влажных камнях. Это был отвратительный аромат Чёртовых скал, усиленный во много раз. Но к нему примешивался и другой отвратительный запах: кислый угар, который висел над Вольпертингом.

– Почему здесь внизу пахнет морем? – спросил Румо.

– Почему у вас летает вода? – спросил в ответ Укобах. – Это запах врахоков.

Они уже давно прошли Мёртвый бор и шагали теперь по огромным пещерам. Единственными живыми существами здесь, судя по всему, были летучие мыши, которые так низко летали, что Румо и его пленники должны были постоянно отгонять их руками.

– Врахоки находятся здесь?

– В следующей большой пещере, – сказал Рибезел. – Ты же сам этого хотел. Зайди туда, посмотри на них и тогда ты поймёшь, что мы имеем в виду. В конце концов, мы всё равно пойдём вокруг. Какая растрата времени!

Вольпертингер пошёл вперёд, а Укобах с Рибезелем вздыхая и сокрушаясь, шли за ним. С каждым шагом желание Румо повернуть назад и не смотреть на то, что издаёт такой запах, возрастало.

Они долго спускались по чёрной частично созданной природой, частично высеченной кем-то каменной лестнице, пока не вышли на плато, упирающееся в каменные ворота. На дверях были высечены незнакомые символы.

– Пещеры врахоков, – сказал Укобах.

Когда они остановились у каменного входа, вонь было практически невыносимой. Румо услышал странные звуки.

– Их охраняют? – спросил он.

– Их не нужно охранять. Хватает их запаха, что бы всех и вся удерживать от них на расстоянии многих километров. Их необходимо только время от времени кормить и усыплять. Это происходит примерно раз в месяц. Остальное время они тут находятся одни, – объяснил Укобах.

– Ну, давай, входи, – сказал Рибезел.

– Когда ты это увидишь, – сказал Укобах, – ты поймёшь, что видел всё в своей жизни.

Румо прошёл через ворота и оказался в гигантской пещере. Было похоже, что пещера эта долгое время омывалась водой: все камни были гладкие, круглые и блестели, как отполированный янтарь. Каменная платформа, на которой стоял Румо, находилась примерно посередине между полом и потолком пещеры, которая была примерно двести метров высотой и около двух километров длиной. Но самым любопытным была не пещера, а то, что в ней находилось.

Врахоки

Если из-за множества приключений в последнее время Румо было сложно чем-то удивить, но то, что он увидел сейчас, чрезвычайно его поразило. Это были самые изумительные и самые огромные существа, которых он когда-либо встречал. Некоторые из них достигали ста метров в высоту. Большинство же было не такими огромными – некоторые двадцать, некоторые пятьдесят, некоторые всего десять метров – но все они казались гигантами, хотя Румо и смотрел на них сверху. Когда он их в первый момент увидел, они напомнили ему сразу же многих зверей: больших морских пауков в панцирях, живших в колодцах на Чёртовых скалах, светящихся медуз из тех же колодцев и безглазых насекомых, населявших стены подземного мира. Отдалённо они напоминали нурний, хотя у врахоков было больше ног – дюжина. Если бы Румо пришлось делать точное описание врахоков, то у него бы не хватило слов.

– Двенадцать ног, как у морских пауков, покрытых жёлтым панцирем, растут из светло-голубого тела краба, – проворчал Укобах. – Ни глаз, ни ушей, ни крыльев, но зато примерно четыреста длинных белых щупалец, достающих до пола. Спина покрыта крайне твёрдым панцирем, в отличие от них животы представляют собой надутую, прозрачную мембрану, внутри которой пульсируют голубоватые органы, включая двенадцать сердец. Посередине живота расположен длинный прозрачный хобот, который в развёрнутом виде достаёт до земли. С помощью него врахоки дышат, питаются и ощущают запахи. За это описание на уроке биологии я получил пятёрку!

Укобах слегка поклонился.

– Они спят, – добавил Рибезел. – Но одновременно они движутся. Врахоки ходят во сне. Это совершенно неестественное поведение возникло у них из-за гипнотических жидкостей, используемых алхимиками. Они топчутся во сне и если они в это время касаются чего-то, что не принадлежит их отвратительному миру, то они просыпаются. А затем они засасывают тебя своим хоботом прямо в прозрачные органы. Всё, что движется и не является врахоком или паразитом, обитающим на них, будет съедено. Когда они что-то съели, то можно долго наблюдать, как жертва переваривается в их голубом кишечнике.

– Именно так, – подтвердил Укобах. – Мы ездили однажды с классом на экскурсию к врахокам, где мы видели, как их кормили живыми пещерными медведями. А ты знаешь, что врахоки нарисованы на гербе города Гела?

Румо поднял меч вверх, чтобы Гринцольд и Львиный зев могли всё это тоже увидеть.

– *Боже мой!* – сказал Львиный зев. – *Что это?*

– Я же говорил, что мы не пойдём по этой дороге, – сказал Укобах. – Можем мы уже повернуть и пойти по другой дороге в Гел?

Румо посмотрел вниз на неповоротливых топчущихся гигантов.

– Они очень медленные, – сказал он.

– Это только издалека так кажется, – ответил Рибезел.

– И почему они могут быть опасны, если они спят? – спросил Румо.

– Мы пойдём под ними. Нужно быть просто очень осторожными.

– Убей меня! – воскликнул Укобах и упал на колени перед Румо. – Убей меня прямо сейчас и мне не придётся больше мучиться.

– Он прав, – сказал Рибезел. – То, что ты хочешь сделать – самоубийство.

– Пути назад нет, – решил Румо.

Лес ног

Прямо под врахоками вонь была просто адской.

Спуск в пещеру был лёгким, но только когда они оказались внизу Румо понял размеры опасности. Он увидел, как по ногам гигантов стекал вниз густой секрет, иногда он падал сверху в виде крупных капель, разбивающихся внизу о жёлтые камни. Пол был практически полностью покрыт этим секретом, из-за чего был очень скользким, а в некоторых местах над ним висел туман. Позади Румо в вонючем тумане Укобаха вытошнило.

– Тс-с-с! – прошипел Румо.

– Не важно, тут можно шуметь, – сказал Рибезел. – Врахоки глухие и слепые. Лучше следи за их щупальцами.

Щупальца врахоков двигались вокруг них по воздуху. Некоторые из них были такими толстыми и тяжёлыми, что одним движением могли бы снести Румо голову.

Врахоки постоянно двигались. Они слепо топтались вокруг, запутывались ногами и спотыкались друг о друга, но ни один из них не просыпался и не падал. Они обладали необъяснимым чувством самосохранения, свойственным сомнамбулам. Когда они ударялись друг о друга своими панцирями, в пещере раздавался гром, как во время грозы, и вниз срывались целые каскады слизи. Чем больше врахоки были, тем более громкие звуки они издавали: будто огромные стволы деревьев падали с высоты

на каменный пол. Суставы их ног ужасно скрипели и хрустели, врахоки издавали свистящие носовые звуки, а их щупальца в такт разрезали воздух. Чёрные крылатые существа летали между ног врахоков или гроздьями висели на их телах. Метровые улитки ползали по их конечностям.

Румо мог только догадываться, сколько врахоков было в этой пещере. Вероятно не меньше сотни. Десять настоящих гигантов, достигавших до половины высоты пещеры и исчезающих там в тумане. Примерно двадцать пять экземпляров в два раза меньше первых, более бледной окраски. Все остальные – мелкие экземпляры ростом от десяти до двадцати метров. Значит примерно тысяча двести ног находящихся в непрерывном сомнамбулическом танце. Пол трясся как во время землетрясения.

Румо подал сигнал к началу движения и подгонял Укобаха и Рибезела мечом впереди себя. Больше всего его беспокоили мелкие экземпляры. Их движения были самыми непредсказуемыми и быстрыми. Их щупальца хлестали резче, чем у остальных врахоков, а ноги они ставили в самые неожиданные места. Огромные капли падали около Румо, Укобаха и Рибезела и заливали пол слизью. Укобах поскользнулся и упал на спину в вязкую массу. Рибезел же наоборот скользил по слизи, как стоящий конькобежец.

– У нас ничего не получится, – воскликнул Укобах. Он был готов расплакаться.

Румо корил себя за то, что втянул этого ребёнка в такую опасную для жизни ситуацию и решил уделить ему всё своё внимание.

Двое из самых крупных чудовищ столкнулись во сне, и раздался грохот, будто столкнулись два огромных деревянных корабля. Водопад слизи полетел вниз, накрыл с головой Укобаха и придавил его к полу – Рибезел и Румо успели вовремя отскочить. Они вдвоём освободили задыхающегося Укобаха, подняли его и продолжили свой путь. Гелец был в шоке, но это оказало на него странное влияние, поскольку теперь он передвигался вперёд чисто механически, не оглядываясь постоянно по сторонам, из-за чего раньше он всё время спотыкался.

Два мелких врахока, примерно в десять раз больше Румо, встали у них на пути. Это выглядело так, будто они решили вместе потанцевать – они кружились друг вокруг друга, делая элегантные шаги. Слева и справа от них топтались толкающиеся гиганты с ногами в десять раз длиннее, чем у этих мелких экземпляров, поэтому там обойти их было невозможно.

Пока Румо или Рибезел успели что-то предпринять, Укобах уже шёл прямо между танцующих ног маленьких врахоков и нашим героям не оставалось ничего другого, как последовать за ним, что бы либо защи-

тить его от опасности, либо быть вместе с ним растоптанным. Они двигались как можно осторожнее, пригнувшись и втянув головы. Укобах же шёл вперёд, выпрямившись в полный рост, совершенно не обращая внимания на летающие вокруг щупальца. Ноги врахоков опускались вниз почти каждую секунду. Одна из них встала так близко от Румо, что почти дотронулась до него, но тут же опять взлетела вверх. При этом один из суставов заскрипел, как падающее дерево, и вольпертингер поспешил дальше.

Укобах уже вышел из опасной зоны. Он просто шагал вперёд и остановился только тогда, когда заметил, что танцующие врахоки остались позади него. Улыбаясь, помахал он Румо и Рибезелу. Теперь Рибезел поскользнулся на слизи и упал. Румо хотел ему помочь, но к ним приближалась целая куча щупалец. Они оба бросились в слизь и крепко прижались к полу. Щупальца пролетели рядом с ними и исчезли в вышине. Румо и Рибезел поднялись и побежали вперёд. Вместе и тяжело дыша они добрались до Рибезела, который глупо смотрел на них.

– Где вы застряли? – спросил он.

Румо обернулся. Врахоки продолжали танцевать, но теперь уже на безопасном расстоянии. Отвратительно пахнущее облако тумана накрыло Румо, Укобаха и Рибезела, но они уже вынесли такую чудовищную вонь, что на эту они практически не обратили внимания.

– Там должен быть выход, – кашляя, сказал Рибезел и показал куда-то в туман. Укобах как по приказу повернулся, пошёл вперёд и исчез в тумане.

Румо и Рибезел поспешили за ним. Вдруг раздался глухой звук и из тумана до них донёсся голос Укобаха:

– Ой! – сказал он.

– Что случилось? – спросил Рибезел, когда они приблизились к нему.

Укобах почёсывал голову:

– Я обо что-то ударился, – сказал он.

Туман отлетел в сторону, как занавес, и открыл гигантскую ногу врахока. Это была нога одного из стометровых монстров, чьё остальное тело было скрыто туманом. Румо заметил, что проволокоподобные волосы на ноге врахока начали подниматься вверх.

– Врахок просыпается, – прошептал Рибезел.

Врахок просыпается

Он был прав и вражок делал это с таким звуком, который может издавать только глухое существо подобных размеров. Этот оглушающий звук заставил вибрировать воздух в пещере и щупальца всех вражков. Сотни летучих мышей взлетели вверх с тел монстров. Это был сигнал к побудке у вражков.

В пещере началась невероятная суматоха, топот, скрип и свист превратились в оглушительный шум, возбуждённые вражки сталкивались друг с другом. Но гигантская нога оставалась на месте, как вкопанная, только дрожали вздыбившиеся на ней волосы. Вдруг из тумана прямо на Укобах опустился огромный хобот. Румо не раздумывая, прыгнул к нему, хобот опустился на них двоих и с хлопающим звуком закрылся под ними. Затем вражок стал медленно поднимать свою добычу вверх.

– Укобах! – закричал Рибезел и беспомощно смотрел, как исчез в тумане хобот с жертвами.

На Румо и Укобах полился тёплый секрет, а затем они почувствовали лёгкую тягу – вражок медленно засасывал их.

Укобах не произносил ни звука, из-за страха он, казалось, был совершенно оглушён. Румо нагнул голову гелца вниз и приказал:

– Не шевелись!

Затем он вынул из-за пояса меч, взял его в обе руки, воткнул во внутреннюю поверхность хобота и нанёс *Злой удар* – удар по кругу, разрубивший мягкую ткань, как мокрую бумагу. Румо и Укобах полетели вниз вместе с отрубленным куском хобота. Вездесущая слизь смягчила их удар при падении, а Рибезел уже был тут и помогал им освободиться от слизистой кожи.

Звуки, издаваемые вражком с ампутированным хоботом, могли бы легко разрушить горы. Румо вскочил, ухватил Укобах за руку и побежал так быстро, как только мог. Рибезел бежал за ними, как можно дальше от многоголосого свиста и топота тысяч ног вражков.

Война

В теле Ралы шла война. Она и Талон были двумя солдатами оборонительной армии, перебирающимися по своему осаждённому городу из убежища в убежище, в то время как нападающие войска посылают в атаку эшелон за эшелон.

Колючие бактерии носились в плазме и выстреливали своими стрелами во всё, что там двигалось. Яды текли по кровеносным сосудам и убивали каждое живое существо, которое не успевало быстро скрыться. Нервная система Ралы содрогалась под градом электрических ударов, а её лёгкие были накачаны алхимическими газами.

Только единственное место в её теле не было затронуто – мозг, поскольку это было стратегией противника – загнать туда Ралу, сделать это единственным доступным для неё убежищем, чтобы снова словить её дух и навсегда сломить её сопротивление.

Но Рала и Талон не пошли в эту ловушку. Они предпочли бегство, спрятавшись в массе красных кровяных телец.

Рала поняла, что единственным разумным способом передвижения в крови было полностью подчиниться постоянному пульсирующему течению. Не было смысла сопротивляться и плыть против мощного течения крови, так как у них, как у красных кровяных телец, отсутствовала такая возможность. Но когда она это поняла, то всё сразу же стало очень просто.

Множество вен стали непроходимыми: были заблокированы сгустками крови, охранялись бактериями или были залиты ядами. Но Рала с Талоном каждый раз находили лазейку, обходную или более короткую дорогу, всё ещё неизвестную врагу. Рала узнала кое-что новое о генеральной конструкции своего организма и то, как она может это использовать, чтобы сбежать от мощного врага. Везде она видела, как защитные силы её организма организуются, чтобы выступить против вторжения. Всё вокруг бурлило, клокотало, бродило и кипело, всё было в движении. Рала видела, как работает жизнь и перед этой деятельностью, полностью отвечающей за её существование, ей стало стыдно, что она так быстро потеряла своё мужество.

Это была война между кровеносной системой Ралы и искусственной машиной смерти генерала Тиктака, война между двумя наисложнейшими системами трубок – одной из плоти и крови, другой из металла. Солдатами Тиктака были микробы, бактерии, вирусы и яды, солдатами Ралы – белые и красные кровяные тельца. Это была битва между болезнью и здоровьем, так часто возникающая во многих организмах, но не такая беспощадная, драматическая и изобретательная, как в теле Ралы.

Грот водяных камней

Румо, Укобах и Рибезел покинули пещеры врахоков и пошли дальше по длинной дороге, слегка ведущей вниз, через гигантский тоннель, по которому спокойно могли передвигаться самые крупные экземпляры двенадцатиногих чудовищ. Румо постоянно оглядывался: не преследуют ли они их. Через некоторое время они дошли до голубого грота, с потолка которого постоянно капало. В середине грота находилось озеро с кристально чистой водой.

– Грот водяных камней, – сказал Укобах. – Вода течёт из родников там, дальше, и пригодна для питья. Здесь мы можем отдохнуть. Но не слишком долго, так как это – любимое место отдыха всех на пути из Туманного города в Гел и обратно.

При упоминании Туманного города Румо насторожился, но не стал задавать вопросов. Он хотел пить и помыться, всё остальное в данный момент его не интересовало. Они подошли к озеру и тщательно смыли слизь врахоков. Рибезел снял бочонок и воронку и начал купаться.

– Всё ещё не могу поверить, – воскликнул он, плавая в прохладной воде, – что мы выжили в пещерах врахоков.

– Меня один из них чуть не сожрал! – укоризненно сказал Укобах.

– Но Румо спас тебе жизнь! – ответил Рибезел, лёжа на спине в воде.

– Без него я бы никогда не попал в этот хобот! – отмахнулся Укобах.

– А теперь они точно у нас на хвосте. Когда алхимики увидят, что мы натворили в пещерах врахоков, они натравят на нас солдат. Теперь мы не только государственные изменники, теперь мы даже напали на врахоков. Мы уже давно мертвецы, просто нас ещё не похоронили. Благодаря нашему новому другу! – и он бросил возмущённый взгляд на Румо.

Румо опустил голову:

– Нам нельзя здесь долго оставаться, – сказал он. – Мы должны идти дальше.

– А вообще, куда мы дальше идём? – спросил Укобах. – Что там с твоим чудесным планом, Рибезел?

Рибезел вышел на берег и залез в бочонок.

– Мы должны обойти Гел вокруг, – сказал он. – Что бы нас не словили какие-нибудь палачи. Тут бродят патрули врахоков, чёрные следопыты, группы наёмников, всевозможный сброд, ошивающийся вокруг Гела. А затем мы спустимся в угольные шахты.

– Ты хочешь спуститься в Угольные шахты? – пропыхтел Укобах. – Ты сошёл с ума?

– Угольные шахты? – спросил Румо.

– Да, это шахты, по которым течёт чёрная угольная вода. Они находятся под Гелом. Через них можно пробраться в канализацию города. Так сказать, мы войдём в Гел через подвал. Это займёт время, но это единственный способ попасть незамеченными в город.

– Это абсолютное безумие! – сказал Укобах. – Только те, кому надоело жить, рискуют приближаться к Угольным шахтам.

– Хорошо, – сказал Румо. – Мы идём.

Пузырёк

Генерал Тиктак был растерян. Всё происходило не так, как он представлял себе это во снах. Это уже не было виртуозным концертом, а если и было, то очень халтурным и с постоянными перерывами.

Несколько дней он проторчал у своей медной девы, крутил краники и вентили, впрыскивал эссенции, яды и вирусы, пытаясь загнать волю Ралы обратно в мозг. Он хотел наконец-то начать задавать свои волнующие вопросы о смерти, но Рала упорно избегала допроса. Он забил кровеносные сосуды и сделал их непроходимыми с помощью ядов, он охотился за своей добычей с помощью новых видов бактерий, он работал с высококонцентрированными газами и даже с электрошокером. Но у него ничего не получалось.

Генерал отпустил вентили и вскинул руки вверх. Снова прогремел его бешеный крик из окон его башни, заставивший жителей Гела вздрогнуть. В последнее время этот крик раздавался слишком часто.

Генерал Тиктак подошёл к шкафу с ядами и распахнул дверь. Одно мгновение он колебался, трясаясь от возбуждения, затем он протянул руку вовнутрь. Он вынул пузырёк, который уже несколько дней назад держал в руках. Ещё раз он прочёл надпись:

Подкожный эскадрон смерти

Теперь пора. Необычные ситуации требуют использования необычных средств. Рала сама этого захотел.

Тиктак повернул пузырёк. На его обратной стороне была приклеена ещё одна этикетка, на которой мелким шрифтом было написано: *Разработано Тихоном Цифосом, придворным алхимиком.*

Генерал Тиктак вздохнул. Тихон Цифос был великолепным учёным! Этот алхимик был настоящим гением.

История Тихона Цифоса

Первым заданием, выполненным Тихоном Цифосом, придворным алхимиком Гела, и полностью удовлетворившим запросы генерала Тиктака, было создание того наркотика безумия, который почти свёл Ралу с ума. Но Тихон не мог назвать это профессиональным успехом, поскольку за этим заданием от генерала последовало следующее, сравнимое только со смертным приговором. После того, как генерал Тиктак объяснил ему своё следующее желание и добавил, что в случае неудачи он сам лично оторвёт алхимику голову, Тихон тут же направился в свою лабораторию.

Алхимик налил себе в пробирку спирта, слегка разбавил его дистиллированной водой и выпил одним залпом. Он пропал, в этом он был совершенно уверен.

Вот что заказал ему генерал Тиктак, выразив это совершенно ненаучными терминами и неясно описав: Тихон должен был создать жидкость для инъекций, представляющую собой медных парней в микроскопическом размере. Генерал желал такую живую форму, которая обладала бы боевой способностью, неуязвимостью, жестокостью и кровожадностью медных парней, но с одним отличием – эти парни должны быть такими маленькими, чтобы их можно было втянуть в шприц и впрыснуть в кровеносный сосуд.

Как только Тихон это услышал, он чуть не потерял сознание. С таким же успехом генерал Тиктак мог приказать ему задержать время или превратить воду в кровь.

Судя по всему, командир медных парней, как и многие жители Гела, был уверен во всемогуществе алхимии. Но и у этой науки есть границы! Тихон прекрасно знал, что это вина самих алхимиков, что их возможности так переоцениваются непрофессионалами. Вечная загадочность, несколько обычных профессиональных трюков и необоснованное бахвальство, с помощью которых они, как представители науки алхимии, обращали на себя незаслуженное внимание, всё это создало над ними ауру непогрешимости.

Алкоголь подействовал успокаивающе. Тихон разобрался со своими мыслями. Страхи были запрятаны поглубже, дух открытий вызван наружу. Но почему вообще-то это задание должно быть невыполнимым? Просто алхимия сейчас столкнулась с чем-то, что кажется невыполнимым. Ещё колбочка спирта. Дело мастера боится, ведь так говорят? Если у него получится, то он станет одним из самых влиятельных алхимиков Гела! Итак, за работу!

Следующие дни и ночи алхимик бешено записывал бесчисленные идеи в свой блокнот. Вирусы, кислоты, бактерии, красные глисты, пожиратели клеток, красная чума, чёрная оспа, зелёная чесотка, гразундский грипп, все смертельные яды, опаснейшие живые существа и болезни, воздействующие на кровь, были внесены в список. Какое влияние оказывают на организм определённые болезни в комбинации с определёнными ядами? Эти комбинации были бесконечны и с каждым разом образовывали всё более агрессивные и опасные для жизни сочетания. Тихон Цифос создал логарифмическую таблицу смерти.

После окончания теоретической части он приступил к практической. В следующие дни и недели его лаборатория стала центром загадочных феноменов. В радиусе километра исчезли все мелкие животные – кошки, собаки, крысы и мыши. При этом над близлежащей местностью в воздухе повис новый таинственный сладковатый запах, исходивший из лаборатории Тихона, в которой были свалены в кучу трупы бедных животных, использованных алхимиком в качестве подопытных существ.

Тихон комбинировал возбудителей болезней, как художник комбинирует цвета и тоны, и делал это очень изобретательно. Никто до него не догадался запустить одновременно в один организм возбудителей гразундского гриппа и чёрной чумы, а затем инфицировать его серой холерой. Никто не комбинировал зебровую оспу со жгучей крапивницей для того, чтобы затем объединить их с парализующей проказой. И если уже всё так далеко зашло, почему бы ни сделать ещё один шаг и не соединить вместе невероятные результаты этих всех попыток? Они были настолько ужасными, что белоснежные волосы Тихона за неделю стали абсолютно чёрными и он исхудал до костей. Иногда, когда он видел своё отражение в зеркале, он пугался самого себя. Изо дня в день он становился всё более похожим на то, что он должен был создать: на движущуюся смерть.

Подкожный эскадрон смерти

Прошло пару месяцев и срок, в который генерал Тиктак желал получить результаты, угрожающе приближался. Тихону Цифосу удалось создать болезнь, которая, как ему казалось, удовлетворяла желаниям генерала. Эта болезнь была не только смертельной, она даже взяла на себя работу смерти. После того, как инфицированный умирал в ужасных муках, вирусы начинали безжалостную работу: они разрушали каждую клетку трупа, пока она полностью не разлагалась, и до тех пор, пока сам труп не исчезал. Цифос в изумлении наблюдал этот процесс на трёх кошках, которые в течение одного дня исчезли прямо на его глазах. От них не осталось ничего, даже волоска.

"Эта болезнь придётся генералу Тиктаку по вкусу", – думал Тихон Цифос. – "Я назову её Подкожный эскадрон смерти".

Оставалась только одна проблема – болезнь невозможно было изолировать. Она распространялась неконтролируемым образом и для этого не нужно было даже прикасаться к больному. Она уходила из уничтоженного тела и сама искала себе новую жертву. Она была похожа на разбойничью армию, перебирающуюся из города в город. И она была настолько же непредсказуемой, как толпа диких воинов, поскольку иногда она прерывала свою разрушительную работу и осознано перескакивала на другое тело – Тихон заметил это во время экспериментов в лаборатории. Сам он во время экспериментов с болезнью был одет в воздухонепроницаемый защитный костюм с искусственным обеспечением кислородом. И вскоре, по его мнению, болезнь будет укрощена. Алхимик даже добавил кое-что

этому чудовищному вирусу – одну коварную черту, чрезвычайно новаторскую в современном мире болезней. Этот дополнительный сюрприз он хотел преподнести генералу Тиктаку в качестве подарка, тайно надеясь на повышение по иерархической лестнице придворных алхимиков. Он хотел сделать так, чтобы Подкожный эскадрон смерти погибал вместе с разрушенным телом.

Но как только он начал работу над этим последним пунктом, в дверь лаборатории Тихона постучали. Это были два солдата генерала Тиктака, которые приказали ему сейчас же предоставить отчёт.

Тихон знал, что протестовать не было смысла. Поэтому он взял свои записи и шприц со смертельной болезнью и пошёл к генералу Тиктаку.

Представление

– Ну, как *«тик»* обстоят дела с заданием? – спросил генерал Тиктак Тифона Цифоса, стоящего перед ним с трясущимися коленями.

– Я создал такую смертельную болезнь, какой ещё никогда не существовало, – сказал Тихон. – Но...

Генерал Тиктак поднял вверх руку.

– Никаких "но" в *«так»* моём присутствии! Никаких "но", никаких "нет" и никаких "невозможно" *«тик»*. Каждое такое слово карается *«так»* смертью.

Тихон опустил голову.

– Покажи мне болезнь! *«тик»* Она у тебя с собой?

Алхимик подошёл ближе и вынул шприц.

– Одной капли из этого шприца достаточно для инфицирования любого существа. Целого шприца хватит на сто. Но...

Тихон укусил себя за губу, но было слишком поздно.

– Я тебя *«так»* предупреждал, – сказал генерал Тиктак и взял шприц. – Слишком много *«тик»* "но".

Он ухватил Тихона за руку.

– Ты сказал *«так»* одной капли достаточно?

И когда Тихон понял, что произошло, игла уже уколола его. Генерал Тиктак осторожно вколол каплю жидкости в вену алхимика и снова отпустил его.

– Прошу прощения *«тик»* за мою нетерпеливость, – сказал генерал Тиктак. – А теперь покажи, что *«так»* может твоя болезнь.

Тихон неожиданно стал очень спокойным. Он слегка удивился тому, как быстро он смирился со своим смертным приговором.

– И как называется «тик» твоя болезнь? – спросил генерал Тиктак. – Или ты пока ещё «так» не придумал названия?

– Я назвал её подкожный эскадрон смерти, – ответил Цифос.

– Хорошее «тик» имя. Научное и военное «так» одновременно.

– Спасибо, – ответил алхимик.

– Но это какая-то «тик» медленная болезнь, – нетерпеливо сказал Тиктак.

Цифосу стало плохо, его ноги стали ватными – первый признак того, что эскадрон начал свою работу.

– Она как раз начинается, – сказал он. – Одного она убивает за день, другого за неделю. У меня это, кажется, происходит очень быстро... Возможно мне сесть?

– Нет, – сказал генерал Тиктак. – Извини, ничего «так» личного. Я «тик» просто хочу точно «так» изучить все симптомы. Начинается с ног?

Даже такая мелочь – умирать сидя – не была ему дозволена. И это был именно тот момент, когда Тихон Цифос решил не рассказывать генералу, что болезнь заразна. Он также не расскажет ему о своём сюрпризе, о маленькой коварной особенности, которую он добавил вирусу. Нет, Тихон Цифос хотел забрать свои последние тайны с собой в могилу, поскольку это было его единственной возможностью отомстить. Самому генералу Подкожный эскадрон смерти ничего не мог сделать. Когда Тихон умрёт, вирус погибнет, вероятно, где-то через час, так как генерал – машина и не может быть инфицирован, а поблизости кроме него нет ни одного живого организма, на который могла бы перепрыгнуть болезнь. Все остальные возбудители – в шприце. Может быть, один из них когда-нибудь получит возможность разрушить планы генерала Тиктака. Необходимое для этого оружие он им выдал. Тихон Цифос оставлял после себя армию, слишком маленькую, чтобы её заметить, но достаточно сильную, чтобы победить сильнейших противников.

Алхимик улыбнулся последний раз в жизни и сказал последнее предложение:

– Да, – сказал он. – Это начинается с ног.

Остаток дня генерал Тиктак занимался тем, что наблюдал, как Тихон Цифос умирает. Точно, алхимик создал что-то, что побеждает и искореняет каждую форму жизни, без особых усилий, без звука и без жалости. Это выглядело так, будто тело пожиралось изнутри, в то время как снаружи с него исчезал слой за слоем. Тиктак наблюдал, как Тихон с ужасным

криком и судорогами корчился перед ним на полу, как из него исчезли все краски и как вскоре от него осталась только каменно-серая кожа, как эта кожа потрескалась, как пергамент и рассыпалась в хлопья пепельного цвета. Он смотрел, как у него выпали зубы и волосы, язык и глаза, как высохло его мясо, как впали его щёки и обнажили костяную личину смерти.

"Пусть Гел со всеми его жителями будет сожран изнутри, как я сейчас", – это была последняя мысль Тихона Цифоса.

"Невероятно!" – сказал сам себе генерал Тиктак. – "Что сотворил этот алхимик!"

Качая головой, он обернулся и посмотрел на шприц с подкожным эскадроном смерти. Какая потеря! И какое приобретение! Он потерял геня. Но он получил беспощадную, невидимую армию.

Гел

Каждая область подземного мира имела свой собственный запах, считал Румо. Пещера со сталактитами и сталагмитами, где он познакомился со Шторром-жнецом, ужасно воняла нефтью. Холодные пещеры пахли снегом и древней водой. Нурненвальдский лабиринт – перегнившей листвой и кровью. Мёртвый бор – ядом чёрных грибов. Пещеры вражков, конечно, воняли вражками, а грот водяных камней распространял приятный аромат мелкой гальки, по которой течёт родниковая вода. Но эта огромная пещера, в которую он только что зашёл с Укобахом и Рибезелем, не имела никакого конкретного запаха. Румо чувял множество ароматов, больше, чем он когда-либо чувял за один раз, больше, чем при его прибытии в Вольпертинг, больше, чем тогда, на ярмарке. Румо чувял Гел.

Пещера, в центре которой находился Гел, была, после Холодных пещер, самой крупной из всех, которые видел Румо. Потолок, находящийся на километровой высоте, отражал неровный, рассеянный свет города и из-за этого походил на желтоватый купол.

Область вокруг Гела представляла собой неразбериху из узких каньонов и длинных долин, из вулканических выбросов и высохших речных русел. Все камни в округе были за сотни лет окрашены дымом Гела в чёрный цвет.

– И каков твой план? – спросил Рибезел.

– Да, Румо, какой у тебя план? – спросил Укобах.

– *Мне тоже интересно*, – сказал Львиный зев.

– *У тебя же есть план?* – добавил Гринцольд.

Румо почувствовал, что от него требуют слишком много. План? Проще всего было бы пойти в город с факелом через главные ворота, сжечь его дотла и освободить своих товарищей. Как было бы хорошо, если бы Смайк был с ним рядом! Если кто-то и знал, как освободить сотни пленников из хорошо охраняемого вражеского города, то только бывший военный министр.

– Сначала мы пойдём через канализацию в центр, – сказал Румо. – А там – посмотрим.

– Ну, это нам известно, – сказал Укобах. – Я имею ввиду: что ты будешь делать потом? Когда попадёшь в город. Среди тысяч врагов. Единственный свободно передвигающийся вольпертингер. Что ты будешь делать?

– Да, – сказал Рибезел. – Что?

– *Я считаю, что это справедливый вопрос,* – сказал Львиный зев.

– *У тебя вообще нет никакого плана, правда?* – спросил Гринцольд.

Румо не отвечал.

– Мне кажется, у него нет вообще никакого плана, – прошептал Укобах Рибезелу.

Патруль

Путь до угольных шахт прошёл без особых приключений, если не считать, что Румо, Укобах и Рибезел наткнулись в одном тёмном ущелье на патруль вражеских. Пять солдат армии подземного мира, все – гелцы, сидели на маленьком, около десяти метров ростом, врахоке, который под их весом с трудом ковылял по дороге.

Румо уже давно учуял и услышал монстра. Он и его сопровождающие спрятались в небольшой пещере и солдаты их не заметили. Астматически хрипя, прошёл вражок мимо них и Румо увидел, что один солдат держит в руке факел, а другой – длинную палку, на которой висела бутылка, которую он раскачивал туда-сюда перед чудовищем. Длинное щупальце летало по воздуху и ощупывало всё в непосредственной близости, хобот врахока был свёрнут и находился прямо под его призрачно светящимся голубым животом. Суставы врахока трещали и скрипели при каждом шаге.

– Для чего им палка и бутылка? – спросил Румо, когда патруль исчез вдали. – Они так управляют чудовищем?

– Врахоки – слепые и глухие. Для них существует лишь то, что они могут почуять или пощупать, – сказал Рибезел. – Алхимикам удалось создать хитроумные ароматы, с помощью которых можно приманивать или усыплять врахоков. Смотря, что тебе нужно. В той бутылке, вероятно, был запах мёртвой свиньи, за которым и шёл врашок. Они, собственно говоря, очень тупые звери. Как и большинство живых существ, ориентирующихся в основном по запахам.

Румо сурово посмотрел на Рибезела:

– Давай! Вперёд! – приказал он.

Над угольными шахтами

Прошло несколько часов, пока они добрались до обрыва, откуда начинался спуск к угольным шахтам.

– Тут ничего не видно! – ныл Укобах. – Один неверный шаг и мы погибли!

Даже у Румо закружилась голова, когда он ступил на узкую каменную лестницу без перил, ведущую вдоль каменной стены в чёрную пустоту. Было слишком темно, чтобы видеть водопады угольной воды, но их грохот был хорошо слышен. Снизу поднимался свинцово-серый туман, накрывая всё вокруг подвижным покрывалом.

– Ощупывайте стену, – воскликнула Рибезел. – И будьте внимательны, кое-где нет ступенек. Уже недалеко до канализации.

– Сколько? – спросил Укобах.

– Около одного километра, – ответил Рибезел.

Троица спускалась вниз с огромной осторожностью, прижавшись к стене. Рибезел шёл впереди. Ступени были не только неровными, узкими и небезопасными, они были к тому же влажными и заросшими скользким мхом. Чем глубже они спускались, тем громче шумели водопады угольной воды, и тем плотнее становилась водяная пыль.

Они увидели водопады только когда находились от них не дальше десяти метров: три чернильно-чёрных потока, бьющих из скалы под ними и улетающих вниз, где их проглатывал тёмно-серый туман. Румо ещё плотнее прижался к стене.

– А где входы? – заревел Укобах. – Где эта проклятая канализация?

– Там, впереди! – закричал в ответ Рибезел. – Совсем рядом.

Им пришлось спуститься ещё на несколько ступеней вниз, и они оказались перед воротами, встроенными прямо в скале.

– Канализация! – гордо крикнул Рибезел, как будто он привёл их в свои владения. Из ворот исходил запах, который по отвратительности мог бы спокойно соперничать с запахом вражеских.

Внутренности Гела

Румо, Укобах и Рибезел стояли в мелком ручье с угольно-чёрной водой, слегка освещаемые красным светом светящейся медузы, находящейся в стеклянном сосуде, прикреплённом к стене тоннеля.

– Медузный факел, – объяснил Рибезел. – Они везде висят. Их засовывают в питательную жидкость, и потом они светятся, пока не умрут. Вот это я называю прогресс. В моё время тут было абсолютно темно. И мы должны были прикреплять свечи на шлемы. А если на неё попадала хоть капля воды, то опять становилось темно.

Он осмотрелся.

– Нам нужно в ту сторону, – сказал он и показал налево. – Оттуда мы выйдем в центральную канализацию.

Рибезел пошёл вперёд, Румо и Укобах последовали за ним.

– Что тут так воняет? – спросил Укобах.

Рибезел указал на тёмную воду.

– Здесь внизу копать окрашивает воду, но в верхней канализации это...ну, вы понимаете...

Укобах невольно вынул ногу из воды.

Рибезел серьёзно кивнул:

– Мы должны быть очень осторожны. Большинство живых существ здесь, внизу, находятся на уровне, соответствующем их окружению, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Какие живые существа? – спросил Укобах.

– Калоеды, например. Сажевые змеи. Октоподы. Гигантские уховёртки. Четырёхрукие...

– Кто такой калоед? – закричал Укобах.

– Это большое волосатое животное с шестью ногами.

Укобах передёрнулся:

– И ты имеешь в виду, он пожирает....

– Именно. И не только это, – ответил Рибезел. – Можно себе представить, что существо, вынужденное питаться калом, всё остальное считает деликатесом.

– Отвратительно! – возмутился Укобах.

– Но это не так плохо, – сказал Рибезел. – Вода там всегда тёплая и иногда в ней можно найти чудесные вещи. Невероятно, что некоторые иногда выбрасывают вон.

Он указал на ответвление:

– Это дорога в центр.

Солдат

Существо было намного отвратительнее всего, что Рала до сих пор видела. Оно постоянно менялось, некоторые части его тела выворачивались наружу, некоторые втягивались внутрь, появлялись то щупальца, то иглы. То оно разевало пасти, то закрывало их и они опять исчезали в теле. Кожа его покрывалась морщинами и шевелилась, меняла беспрерывно цвет, выпускала тёмные лужи слизи, становилась прозрачной, а затем опять совершенно чёрной, а из внутренностей существа при этом раздавался однотонный треск. Но самым удивительным в этом существе было то, что оно могло двигаться против течения крови. Такого Рала не видела ни у одного организма в своей кровеносной системе.

– Что это? – спросила она Талона.

Они оба прятались в тоненькой артерии в левом лёгком, откуда они увидели это злое существо, проплывающее в отдалённой вене. Только что оно выглядело как кусок сырого мяса, а теперь оно было почти совершенно прозрачное.

– Не знаю, – сказал Талон. – Выглядит угрожающе.

Команда из шести белых кровяных телец выплыла из плазмы и встала напротив нового оккупанта. Он остановился около них, принял форму веретена и с каждым потрескивающим звуком начал менять цвет: зелёный, серый, розовый и назад – серый, розовый, зелёный.

Существо издало гортанный звук и из его тела появились четыре щупальца с ножицеподобными когтями. Оно схватило два кровяных тельца, разорвало их, как лист бумаги, и отбросило останки в стороны. Оставшиеся четыре были разведены чёрным чернильным облаком. На всё это понадобилось несколько мгновений.

После этого внутри существа опять раздался треск, но в этот раз в виде нескольких коротких звуков, и оно превратилось в пятиконечную серую звезду, разделившуюся затем на две идентичные серые звезды, которые, меняя цвета, колыхались друг около друга в плазме.

– Оно может размножаться, – сказал Талон.

Ещё полдюжины таких же потрескивающих существ подплыли по вене к близнецам, приняли их звездобразную форму, разделились каждое на два новых существа, построились в один отряд и все вместе поплыли дальше, против течения, разрушая всё на своём пути.

– Нужно отсюда исчезнуть, – сказал Талон.

Подкожный эскадрон смерти попал в тело Ралы и без промедления начал свою беспощадную работу.

Термометр смерти

Генерал Тиктак был в замешательстве. Впервые в жизни он сделал что-то, что было продиктовано не его волей, а его чувствами.

Он впрыснул подкожный эскадрон смерти Тихона Цифуса через систему трубок медной девы в тело Ралы. Всего одну каплю, но из собственного опыта он знал, что может сотворить одна капля. Как он мог потерять контроль над собой? Пути назад не было – это был смертный приговор, без обжалования.

Вся его работа, его честолюбивые планы, его широко задуманная инсценировка смерти были разрушены одной маленькой несдержанностью. Без Ралы медная дева была лишь кучей мусора! Никогда больше он не найдёт такой наполнитель для своего инструмента, как эта презирующая смерть вольпертингерка!

В отчаянии крутил генерал Тиктак все рычажки и краники, он кричал и проклинал. Больше этого, больше того! Он заливал организм Ралы эссенциями, поддерживающими жизнь, электризовал его, согревал его, пытался усилить его всеми имеющимися у него алхимическими средствами. Затем он посмотрел на термометр смерти. Он опустился уже ниже шестидесяти.

Генерал Тиктак бессмысленно ругался на медную деву, он приказывал подкожному эскадрону смерти немедленно вернуться, он молотил своими стальными кулаками по машине, оставляя на ней глубокие вмятины. Он вырывал вентили и трубки, алхимические эссенции, кислоты, яды и газы брызгали и шипели в воздухе, наполняя комнату едким запахом. Он хватал пучки медных проводов, разрывал их на куски и швырял в стену. Генерал Тиктак собственными руками разрушал медную деву.

Вдруг он замер.

Он посмотрел ещё раз на термометр смерти. Показатели снизились и продолжали дальше падать: пятьдесят один, пятьдесят, сорок девять...

– Кто? – спросил генерал Тиктак и оглянулся, будто ища виновного.
– Кто «тик» это сделал?

Он выпрямился и простонал, как раненый зверь. Он не мог смотреть, как Рала умирает, её страдания передавались ему и становились его собственными. Что так его изменило и сделало таким ранимым? В последний раз он посмотрел на термометр: сорок пять, сорок четыре, сорок три...

Нет, это невозможно вынести! Тиктак вскочил, накинул свою накидку и сбежал. Он со скоростью ветра выбежал из башни и исчез в тёмных переулках Гела.

Присосконогие науки и разрывы труб

Канализация Гела, благодаря высокой влажности и теплу, давала приют многочисленным видам флоры и фауны не только подземного мира, но и всей Замонии. Ни одни джунгли, ни один биотоп наземного мира не мог похвалиться таким разнообразием, даже на уровне микроскопически малых существ. Здесь были жирные улитки-присоски, тысячами покрывавшие стены тоннелей; дышащие мхи; фосфоризирующие грибы; каловые пиявки, с хлюпаньем передвигающиеся в гнилой воде; ядовитый плющ, который рос так быстро, что это было видно невооружённым глазом; светящиеся муравьи; ведьмошляпочные грибы; капельные клещи, падающие с потолка, как дождь. Светящиеся медузы, сбжавшие из своих стеклянных темниц, расплозились повсюду и светились разными цветами. Румо был постоянно занят тем, что пытался убрать из своей шерсти какого-нибудь сосущего и кусающего зверя.

– Без моего шлема я бы не выжил тут и трёх дней, – сказал Рибзел и постучал по воронке на голове. – Я видел тут работников, которые после укуса присоскононого паука начинали растворяться в собственном гное.

Укобах натянул свою накидку на голову.

– Может быть, об этом стоило упомянуть до того, как мы сюда спустились? Может быть, я бы тогда предпочёл прыгнуть в угольный водопад!

– И ничего хорошего в такой смерти нет, – сказал Рибзел. – Вода падает прямо в кипящую лаву и испаряется. Сначала ты обваришься, потом обожжёшься, а потом задохнёшься в ядовитых газах.

– Сколько ещё осталось до театра? – спросил Румо.

– Не очень много, два-три километра.

– Где содержат пленников?

– Воинов Театра красивых смертей содержат в одиночных камерах, – сказал Укобах. – Это самые сильные и молодые. А рядом с театром есть ещё одно строение, в котором содержатся пленники, не представляющие опасности. В основном старые. Это огромная общая темница. Так что всего две тюрьмы, которые нужно взломать, если хочешь спасти всех вольпертингеров.

В шахте что-то прогремело. Взлетела стайка светящихся мотыльков.

– Что это было? – спросил Укобах.

– Прорыв трубы, – ответил Рибезел. – Если нам повезёт, то вода не польётся в наш тоннель.

– А если не повезёт? – спросил Укобах.

Рибезел пожал плечами.

– Как охраняется Театр красивых смертей? – спросил Румо.

– О! – ответил Укобах. – Всего парой сотен наёмников вооружённых до зубов. И медными парнями. Ничего сложного для тебя.

И он истерически засмеялся.

– Но можно на это посмотреть по-другому, – сказал Рибезел. – Хотя охранников очень много, но они в большинстве своём занимаются охраной пленных вольпертингеров и короля. Никто не рассчитывает на нападение снаружи. В основном, с тех пор, как медные парни занялись охраной театра.

– Только ты не начинай! – воскликнул Укобах. – Это абсолютное безумие! Один против целого города! Незнакомого ему города.

– Он прав, – сказал Рибезел и посмотрел на Румо. – У тебя нет никаких шансов. Ты всё ещё можешь повернуть назад.

– Пути назад нет, – тихо ответил Румо. – Я должен вручить шкатулку.

– Я знаю, – вздохнул Рибезел. – Ты уже говорил.

Умиравший мир

Сражение за тело Ралы не было настоящим сражением, а было захватнической войной, которую завоеватели выиграли в тот самый момент, когда попали в её тело. Это было убийством, организованной массовой казнью без шанса на самозащиту. Подкожный эскадрон смерти пришёл не сражаться, а побеждать.

Куда только не бежали Талон с Ралой в каждом кровеносном сосуде они видели умирающие или мёртвые организмы. Треск вражеского войска был невыносимым, он заглушал даже звук биения сердца. Всюду патрулировали подразделения бесформенного вируса, и практически невозможно было найти хоть один сосуд, где их не было.

В конце концов, Рала и Талон решили прикинуться мёртвыми среди гор мёртвых и умирающих кровавых тельц. Беспомощно наблюдали они оттуда за ужасной работой не знающих покоя захватчиков.

– Где мы можем ещё спрятаться? – спросила Рала. Её голос был очень слабым.

– Я не знаю, – сказал Талон. – Они везде. И их становится всё больше и больше.

Уже давно никто не становился на пути могущественных оккупантов. Они постепенно размножались. Из одного вируса появлялось два, из двух – четыре, из четырёх – восемь и так далее, бесконечно растущая армия идеальных смертельных машин, которые никто не мог остановить.

Если в какой-то момент подкожный эскадрон смерти не охотился и не убивал, тогда он отравлял кровь, выпуская кислотные облака, разрывал своими шипами и клещами нервные окончания или прожирал дыры в венах. Кровавые тельца погибали в огромном количестве, и Рала чувствовала, как с каждым из них, безжизненно падающим на стенки сосудов, бесследно исчезал кусочек её сил и воли.

– Это конец, – сказала она. – И неважно насколько сильно я сопротивляюсь или куда мы сбегает. Битва проиграна. Как только они убьют последний кусочек моего тела, я тоже умру.

– Ты знаешь, что я убеждённый оптимист, – ответил Талон. – Но боюсь, что на этот раз я с тобой соглашусь. Такой разрушительной силы я ещё не встречал.

– А что будет потом? – спросила Рала.

– Эй! – ответил Талон. – Ты же не хочешь сама себе испортить сюрприз?

– Мы будем вместе?

– Да, будем. Но теперь одним сюрпризом меньше.

– Я бы ещё хотела сказать Румо, что я его люблю.

– Жаль, малышка, но для этого у нас в последнее время возникло слишком много препятствий.

– Я больше не могу терпеть, – выдохнула Рала.

– Тогда давай, – сказал Талон. – Пошли. Место, куда ты пойдёшь, не может быть худшим, чем это.

На них падали мёртвые кровавые тельца, медленно, как сухие листья. По телу Ралы пробежала последняя лёгкая дрожь, за ней раздался лёгкий вздох, и наступила тишина.

– Рала? – спросил Талон. Ни движений, ни ответа не последовало.

Рала умерла.

Талон должен уходить. Здесь ему больше нечего делать. Скоро, очень скоро этот мир исчезнет. Это уже началось. Он будет распадаться клетка за клеткой, пока тело Ралы не превратится в пыль. А затем её дух станет свободным.

Талон сделал всё, чтобы подальше отодвинуть этот момент, но тут внутри действовала такая сила, которую он не мог понять. Это было одна из форм смерти, которой раньше не существовало. Может быть, она была создана специально для Ралы? Он был уверен, что до сих пор никто не подвергался нападению более мощного и безжалостного противника. И никто не защищался смелее Ралы.

Талон покинул этот умирающий мир. Он исчез таким способом, против которого бессильны двери, стены и медные девы, таким способом, который известен только духам. И он радовался, что скоро они вместе с Ралой будут охотиться за кометами.

Шпион

Когда в Геле начинался день, то не всходило никакого солнца, не бледнела луна и не было никакого птичьего щебета. Всё было мрачным, как и всегда, так как в подземном мире не было разницы между днём и ночью. Лишь колокол бил двенадцать раз, и звук его ударов разлетался над городом, распутивая летучих мышей. День в Геле был в два раза длиннее, чем в наземном мире, и тот день, который только что начался, должен был стать особенным днём. Это знал Фрифтар, поскольку к этому дню он готовился уже давно.

Не было никаким совпадением, что королевский советник, направляясь в Театр красивых смертей, прошёл мимо башни генерала Тиктака. Фрифтар волновался. В пещерах врахоков кто-то напал на одно из самых крупных животных и ранил его. Кто был на такое способен, спрашивал он себя, кто смог отрубить такому монстру кусок хобота? Фрифтар уже принял меры. Теперь врахоки охранялись круглосуточно, а контроль у городских ворот был усилен. Но в данный момент генерал Тиктак волновал Фрифтара больше всего.

Он должен наконец-то набраться храбрости и встретиться с генералом Тиктаком, как того пожелал король, и заставить его выполнять свои обязанности и регулярно появляться в театре. Фрифтар передаст это не в виде приказа или пожелания, он преподнесёт это, как дорогой подарок. Он хотел, чтобы это прозвучало так, будто сегодняшнее сенсационное сражение, призванное стать лучшим сражением вольпертингеров, было организовано специально для предводителя медных парней.

Но всё-таки сердце Фрифтара билось гораздо быстрее, чем обычно, как и каждый раз, когда он был вынужден встречаться с генералом. Даже Гаунаб был более предсказуем, чем эта безумная ходячая машина. При каждом разговоре с ним Фрифтар чувствовал себя улиткой, ползущей по лезвию бритвы.

Фрифтар уже хотел постучать в медную дверь башни, как вдруг заметил, что она приоткрыта. Это было необычно. Никто в Геле не оставлял двери открытыми. Фрифтар несколько раз громко и чётко выкрикнул имя генерала. Ответа не последовало. Он что, спит? Нет, это исключено. Машинам не нужен сон. Значит генерала не было дома.

Фрифтар нервно захихикал. Какой прекрасный случай для шпионажа! Шанс, которым нельзя было не воспользоваться. Может быть, он найдёт что-то, с помощью чего он сможет дискредитировать своего врага в глазах короля.

Он открыл дверь и вошёл в башню. Обычно такие вещи выполняли для него другие. Какое щекочущее чувство! Как же выглядит жильё машины?

В башне Тиктака царил сумеречный свет, маленькие окна были занавешены плотными шторами, чадила пара свечей, в воздухе висел запах машинного масла и политуры для металла. И, конечно, везде оружие – на полу, на столах, на стенах: шпаги и сабли всех видов, клинки всех размеров без рукояток, топоры, копьё, кинжалы, косы, алебарды, сюрикены. Ничего, кроме оружия, инструментов и мелких запчастей. Зубчатые колёса и шурупы, гайки, поршни, ключи и клещи. Никакой мебели, никакой спальни, никакой кухни. Вместо этого огромное количество зеркал всех размеров. Конечно, именно так живёт машина, которой не нужно есть, спать и сидеть. Когда она была одна, то она или прикручивала к себе что-то или рассматривала себя в зеркало. Фрифтар подавил улыбку.

Он поднялся на второй этаж по широкой чёрной мраморной лестнице.

– Генерал Тиктак? – крикнул он ещё раз на всякий случай. – Эй!

И опять перед ним большая медная дверь, и опять она не заперта. Фрифтар вежливо постучался.

– Эй? Генерал Тиктак?

Ответа не последовало. Значит можно входить!

Фрифтар стоял в комнате медной девы. Он заткнул нос – таким невыносимым был тут запах. Что именем Гаунаба тут находится? Лаборатория? Камера пыток? То, что интересы и предпочтения машины смерти касались в основном убийств, Фрифтар хорошо себе представлял. Но то, что генерал прятал в своём жилище такой антикварный инструмент для пыток, это его очень удивило. Эта любовь к старине была ему даже немного симпатична! Судя по всему, генерал Тиктак отреставрировал и доработал медную деву по последнему слову техники. Все эти трубки и вентили! Всё бурлило, свистело, шипело и стучало. Этой машиной пользовались совсем недавно. Но почему разрушены трубки? Откуда эти вмятины на дверях машины? Кто-то тут ужасно побуянил. Что находилось внутри медной девы? На следы какой страшной тайны вышел Фрифтар?

Не оставалось ничего иного – Фрифтар должен был открыть две последние двери. Он глубоко вдохнул и распахнул обе дверцы медной девы, медленно и очень осторожно, содрогаясь от того, что могло быть скрыто за ними.

Завоеватели

Беспрекословно подчиняясь приказам, отданным Тихоном Цифосом, солдаты подкожного эскадрона смерти, успешно закончив разрушение кровеносной системы Ралы, принялись за уничтожение её тела. Они хотели уничтожить его полностью, до последней клеточки, а затем подняться в воздух и направиться на поиски новой крепости из мяса, которую они могли бы завоевать. То, что они были заперты внутри металлической оболочки медной девы, они не знали.

Но судьба пожелала того, чтобы эти свинцовые ворота распахнулись настежь. Там снаружи стояло новое тело, свежий, здоровый организм. А поскольку основная работа в теле Ралы была закончена, то подкожный эскадрон смерти жаждал начать новую осаду.

Итак, микроскопические воины Тихона начали покидать сосуды Ралы, пролезали через стенки артерий, мышцы и эпидермис и уходили из тела Ралы, направляясь на завоевание Фрифтара.

Холодный дух

Королевский советник был готов к самому ужасному, открывая медную деву, поэтому он был так ошарашен, увидев там вольпертингерку. Она спит? Она мертва? Если бы не все эти тончайшие иглы – это он вынул их из её тела, открыв дверь? – то вольпертингерка выглядела бы совершенно мирно и спокойно. Какое красивое существо!

Почему Фрифтар не видел эту вольпертингерку? Судя по всему, она могла бы отлично выступать в Театре красивых смертей. Почему генерал Тиктак утаил её от него и короля?

Фрифтар послушал пульс. Да, она мертва.

– Ох! – неожиданно простонал он.

Его накрыло чувство, от которого волосы встали дыбом – ледяное дыхание исходило от вольпертингерки. Казалось, что холод пробивался сквозь все его поры, пытаясь попасть в его тело и заморозить кровь. Ему становилось то жарко, то холодно, у него начинала кружиться голова и подступала тошнота, его ноги стали ватными и на лбу выступил пот. Фрифтар хватал воздух, его сердце бешено стучало и он был вынужден схватиться за одну из дверей медной девы, чтобы не упасть на пол. Под кожей у него зудело, будто по его венам бежали сотни муравьёв.

– О-о-о-ох! – простонал Фрифтар ещё раз.

Вдруг недомогание прошло, силы вернулись. Фрифтар отпустил дверь, вдохнул глубоко и вытер пот. Растерянно он смотрел на вольпертингерку. Что произошло? Может быть, это создание обладало какой-то силой даже после смерти?

Он выбежал из камеры пыток, спустился по лестнице, вышел из башни и понёсся по улицам Гела, пытаясь стряхнуть с себя что-то, не зная даже что это. Остановился он только перед Театром красивых смертей. Фрифтар посмотрел на вал из замурованных чёрных черепов. Театр! Сегодня здесь произойдёт самое удивительное сражение из всех, которые тут когда-либо были проведены.

Эта мысль успокоила его. Фрифтар всё ещё чувствовал себя не совсем хорошо, но предстоящая сенсационная битва наверняка развеет последние следы недомогания. Наступило самое подходящее время уничтожить этих непредсказуемых вольпертингеров.

Историческое место

Румо и его сопровождающие шагали по грязи в канализации Гела, но старую её часть с органическими структурами, назойливым зверьём и чудными растениями они уже покинули. Здесь каналы были проложены искусственным путём, Румо видел кирпичи и оштукатуренные стены и было ясно, что тут много сил и времени уделялось очистке тоннелей от сорняков и паразитов.

– Сейчас мы находимся, так сказать, в цивилизованной части канализации, прямо под центром, – сообщил Рибезел.

– Сколько ещё осталось до театра? – спросил Румо.

– Немного, – сказал Рибезел. Его голос зазвучал вдруг торжественно.
– Мы находимся вблизи одного исторического места.

– Исторического места? – спросил Укобах.

– Ты удивишься, Уко, – ответил Рибезел – Просто следуй за мной.

И Рибезел быстро пошёл вперёд. Он вёл их по каналам, полностью обшитым красным мрамором, в которых было приятно прохладно и даже текла прозрачная вода. Они воспользовались этой возможностью и вымылись, затем пошли дальше. Вдруг Рибезел остановился.

– Вот это место, – воскликнул он дрожащим голосом. Он указал место на полу, над которым находилась шахта с идущей вверх железной лестницей.

– И что это значит? – спросил Укобах. – Я ничего не вижу.

– Это вентиляционная шахта, в которую ты упал, когда был ребёнком, Уко. Здесь внизу я тебя нашёл, полумёртвого, под стаей чумных крыс, хотевших сожрать тебя заживо.

– Нет! – воскликнул Укобах. – Правда?

И он всхлипнул.

– Да! Здесь решилась наша судьба. И она же привела нас сюда опять. Шахта ведёт наружу во дворец твоей семьи.

Рибезел повернулся к Румо.

– Здесь ты можешь подняться вверх. Ты выйдешь к водохранилищу дворца. Там есть большая чёрная дверь, ведущая на улицу. По улице ты должен пойти налево вниз до ближайшей развилки. Там ты пойдёшь направо и дойдёшь прямо до Театра красивых смертей. Его ты узнаешь по чёрным черепам, из которых он построен. А напротив него находится тюрьма со старыми пленниками.

– Спасибо, – сказал Румо. – Вы мне очень помогли.

Румо пошёл к лестнице.

– А почему ты, собственно говоря, считаешь, – спросил Рибезел, – что там, наверху, ты, вольпертингер, сможешь сделать хотя бы несколько шагов, не вызвав суматохи?

– Это я узнаю, когда буду на месте.

– У тебя всё ещё нет никакого плана, правда? – спросил Укобах.

Румо пожал плечами и начал взбираться по лестнице вверх.

– Он ушёл, – через некоторое время сказал Укобах.

– Да, – ответил Рибезел.

– Наконец-то. Сумасшедший.

– Он спас тебе жизнь! – сказал Рибезел. – И он сдержал своё слово.

Он мог бы потащить нас за собой.

– Он взял нас в плен!

– Наш народ взял в плен его народ и убивает его сейчас!

– Он умрёт, – сказал Укобах.

– Они все умрут.

Оба долго и молча смотрели друг на друга.

– Скорее всего, он не перейдёт живым даже через улицу, – сказал

Рибезел. – Свободно передвигающегося вольпертингера заметят сразу же.

– Что-то у него там со шкатулкой.

– Точно. Романтическая чушь.

– Ну, мы сделали всё, что было в наших силах.

– Да, мы сделали.

– Где-то же должна быть грань.

– Да, и именно здесь.

– В этом романтическом месте. Где началась одна большая дружба, – сказал Рибезел. – И закончилась другая.

Оба всхлипнули.

– Если бы мы пошли с ним наверх, то могли бы притвориться, что он наш пленник, – сказал Рибезел. – И мы могли бы его легко довести до театра.

– С нами было бы проще простого дойти до тюрьмы.

– Да, элементарно!

Оба снова замолчали.

– Он уже наверху? – спросил Укобах.

– Несомненно, – ответил Рибезел.

– Тогда быстрее!

И оба начали взбираться вверх по шахте.

– Румо! – хором крикнули Рибезел и Укобах. – Подожди нас! Мы идём с тобой!

V. Театр красивых смертей.

Гел, город без неба, без облаков и без звёзд. Город полный неприятных запахов, без красок, без солнечного света. Даже его архитектура вызывала у Румо отвращение. Всё вокруг было низким, прижатым, горбатым, рогатым, чешуйчатым, опасной формы. Фасады домов были похожи на рожи, двери - на разинутые пасти, глаза - на пустые глазницы, всё серое и чёрное. Между домами были натянуты верёвки, на которых болтались грязные обноски, похожие на трупы повешенных. Пустые панцири вражков, призрачно светящиеся изнутри, служили жилищем. Тут и там в земле зияли дыры, из которых выходил вулканический дым.

– Какой отвратительный город, – прошептал Румо. – И здесь вы живёте?

– Мы здесь жили, – ответил Укобах. – Нам даже уже удалось сбежать из этого ада, но затем мы, к сожалению, встретили некоего Румо и теперь находимся на грани гибели, потеряв последний рассудок в канализации.

– Я вас не заставлял идти со мной.

– М-да, немного благодарности было бы кстати.

Укобах и Рибезел делали вид, что они ведут заключённого. Вольпертингер шёл впереди, Укобах нёс его меч и подталкивал им пленника, гомункел по-военному маршировал за ними. Сначала они хотели дойти до тюрьмы около Театра красивых смертей, поскольку по информации Укобаха она охранялась не так сильно.

– Странно, что на улице никого нет, – заметил Рибезел. – Наверно в театре сегодня какое-то особое представление.

Они проходили мимо одного дома, скупо освещённого изнутри чёрными свечами. В многочисленных окнах его были выставлены разнообразные челюсти. Когда им попался кто-нибудь навстречу, Укобах и Рибезел пытались придать своим лицам особое угрожающее выражение, а Укобах тыкал мечом Румо в рёбра.

– Вперёд, пленник! – громко кричал он тогда. – Никаких неверных движений!

– Не переигрывай! – прошипел Румо. – Меч очень острый.

– Молчать, пленник! – командовал Укобах. – Убогий вольпертингер!

– Тс-с-с! – прошипел Рибезел. – Мы пришли. Это тюрьма.

Румо держал руки за спиной, как будто он был связан, и рассматривал строение. Огромный чёрный дом, мрачный, без украшений, без окон. Только один вход. Великолепная тюрьма.

– Сколько охранников?

– Когда как, – прошептал Рибезел. – Иногда только два, иногда дюжина. Они же должны охранять только одну дверь. Всё зависит от того сколько охранников требуется в театре. На пленников тут они практически не обращают внимания, так как они старые и слабые. Постучать?

Румо кивнул.

Рибезел постучал в дверь.

– Кто там? – прогремел изнутри низкий голос.

Хьюго и Йогг

– Э-э-э, Рибезел и Укобах из тайной полиции Фрифтар! – крикнул Рибезел. – Мы схватили бродячего вольпертингера, вероятно он сбежал отсюда.

– Отсюда никто не сбежал, – сказал другой низкий голос. – От нас никто не сбегает.

– Вы даже не хотите на него посмотреть?

– Нет.

Рибезел задумался.

– Ваши имена?

– Хьюго и Йогг из тюремной службы. А зачем вам?

Укобах поднял вверх два пальца. Только два охранника.

Румо снова кивнул.

– Чтобы я мог передать их Фрифтару, – сказал Рибезел. – Вы будете обвинены в отказе от исполнения приказов тайной полиции.

Дверь немного приоткрылась. За ней стояли двое до зубов вооружённых кровомясников.

– Да это же совсем молодой вольпертингер, – сказал один из них.

– Он наверняка сбежал из театра, – сказал второй. – У нас только старики.

– Можно войти? – спросил Укобах. – Нам нужны цепи. Он не так сильно связан. Это очень опасный парень.

Кровомясники со вздохом открыли дверь и Укобах с Рибезелем толкнули Румо внутрь. Когда они сами зашли в слабоосвещённое помещение, Хьюго и Йогт уже лежали без сознания на полу.

– Быстро ты! – сказал Укобах.

– Нет, это кровомясники очень медленные, – ответил Румо.

Он огляделся: деревянный стол, три стула, шкаф с оружием, запертая массивная дверь.

– Там пленники, – сказал Укобах. – Твои друзья.

Когда Румо открыл замок и распахнул дверь, он впервые с того момента, как попал в подземный мир, почувствовал приятный и знакомый запах. Это был запах вольпертингеров, множества вольпертингеров.

Эскорт

Уже несколько дней дверь Урса открывалась только для того, чтобы бросить вовнутрь хлеб или поставить кувшин со свежей водой. Но сегодня было по-другому. За охранниками стоял целый отряд медных парней готовых отвести Урса на арену.

Как и перед всеми предыдущими сражениями его привели в комнату, где он мог выбрать любое оружие. Урс выбрал удобный широкий меч с обоюдоострым клинком и подготовился к тому, что когда откроется дверь на арену, перед ним будут стоять, вероятно, полдюжины до зубов вооружённых наёмников или голодный пещерный медведь.

После сражения с Эвиллом-многоруким Урс воспринимал свой боевой дар как обязанность. Каждый противник, против которого сражался Урс, больше не убьёт ни одного вольпертингера – ужасная логика, но не он выдумал законы этого большого мира.

Но в отличие от предыдущих сражений, когда Урса, сразу же после выбора оружия, выталкивали на арену, в этот раз ему пришлось ждать. Он ждал долго – несколько часов, как ему показалось, – в то время как с арены и из зрительного зала до него доносились звуки: звон мечей, рёв диких зверей, аплодисменты публики. Судя по всему, в предварительном сражении участвовало гораздо больше воинов, чем обычно. И каждый раз он слышал гнусавый голос Фрифтарга, произносившего между сражениями длинные речи. Урс становился всё беспокойнее. Он догадывался, что в Театре красивых смертей в этот раз для него приготовлено что-то особое.

Много друзей

Когда Румо увидел всех пленников в тюрьме, у него возникло странное чувство, будто он уже однажды пережил этот момент. Это напомнило ему Чёртовые скалы, когда он вошёл весь залитый кровью в грот, чтобы освободить фернхахинцев. Сейчас тоже все смотрели на него, как на призрака, и никто не произносил ни слова.

Помещение было огромным и освещалось лишь несколькими медузными лампами. Большинство пленников сидело на полу, некоторые стояли небольшими группами. Везде лежали одеяла и соломенные матрасы. В неясном свете Румо заметил множество знакомых, учителей из школы, мастеровых – в большинстве своём пожилых вольпертингеров. Но тут было также и несколько других замонийцев. На одном из матрасов сидела Ога Железнодорожная и недоверчиво смотрела на него:

– Румо? – спросила она. На её лице не осталось ни следа суровости.

Румо увидел бургомистра Йодлера-с-Гор. Он сидел, прислонившись к стене, и точно так же, как и все остальные, с удивлением смотрел на Румо.

– Румо? – спросил он тоже. – Почему они прислали тебя к нам? Ты болен? Или ранен?

Румо присел перед ним.

– Меня никто не послал. Я сам пришёл, чтобы вас освободить.

Бургомистр насторожился.

– Тебя не было среди пленников?

– Я был в Нурненвальдском лесу, когда на Вольпертинг напали. Когда я вернулся, город был пуст. В земле зияла огромная дыра, там, где раньше был Чёрный купол. Я пошёл за вами. И вот я здесь.

– Ты знаешь, что это за место? – спросил бургомистр. – Где мы?

– Это – Гел, столица подземного мира, – ответил Румо. – Вас усыпили и привезли сюда. Ты знаешь где Рала?

– Здесь её нет. Что ты собираешься делать, Румо?

Я думаю, что лучше всего сначала освободить остальных вольпертингеров. Они содержатся в плену, в месте под названием Театр красивых смертей. С ними я вернусь сюда и мы все вместе будем выбираться из города.

– Мне нравится твой план, – сказал бургомистр. – Наверное, это то, что ты можешь лучше всего делать: строить планы.

– Нет, – сказал Румо. – Абсолютно, нет. Послушай! У меня есть два союзника, которые выросли в этом городе. Одного из них я возьму с собой в театр, второй останется перед вашей дверью и будет делать вид, что он вас охраняет. Ведите себя спокойно, пока мы не вернёмся.

– Я прослежу за этим, – сказал бургомистр.

– Хорошо! Расскажи всё остальным! – Румо встал, а бургомистр начал рассказывать пленникам многообещающие новости.

Румо хотел уже уходить, как его кто-то тихо позвал.

– Румо? Это ты? – спросил голос из темноты.

Ему пришлось старательно присмотреться, чтобы увидеть два существа, стоящих у стены. Одно из них было необычно большим и массивным, другое – маленьким и хилым.

– Румо здесь? – спросило хилое существо и открыло глаза. Они были круглыми, большими и светились в темноте как две луны.

Не веря своим глазам Румо шагнул вперёд. Там стояли Волцотан Смайк и доктор Оцтафан Колибрил.

Три пояса

По тому, как вели себя солдаты, ведущие его из камеры, Рольф понял, что его ждёт что-то необычное. С ним обходились с огромной осторожностью, да, даже с уважением, причиной чему, конечно, были его достижения в театре. Рольф был безумным мастером смерти, который может быть одновременно в нескольких местах.

Он не поменял свою стратегию. Он попытается захватить маленького сумасшедшего короля в заложники, чтобы использовать его для переговоров по освобождению Ралы и остальных вольпертингеров. Он просто должен быть быстрее стрел медных парней.

Когда Рольфа подвели к столу с оружием, он взял не один пояс, а три. Один он пристегнул на бёдра, два других перекинул через плечи. Затем он выбрал два меча, шесть ножей, четыре сюрикена и заложил их за пояса. В руки он взял маленький топорик. Это был день, которого он так ждал и которого он так боялся. Поэтому он хотел быть отлично вооружён.

История Смайка и Колибрила

После того, как Смайк прочитал тумангородский маяковый дневник доктора Оцтафана Колибрила, жители Туманного города взяли его в плен очень удивительным способом. Сначала они все собрались молча вокруг маяка и стояли так без движения, в то время как Смайк находился внутри. Но затем неожиданно тумангородский духовой оркестр начал играть странную мелодию. Она заставила туман, висевший вокруг маяка, бешено двигаться. А после этого туман сдулся и так плотно прижался к панорамному окну, что оно угрожающе прогнулось вовнутрь, нервы Смайка не выдержали, он вышел на улицу и сдался.

Затем тумангородцы, всё также молча, привели его к одному зданию, где он просидел в плену в одном помещении много дней подряд вместе с доктором Оцтафаном Колибрилом, всё ещё находившемся в душевном потрясении, и семью другими пленниками – мидгардскими гномами.

Гномы тоже находились в состоянии временного помутнения рассудка, вызванного многонедельным медленным отравлением туманом. Они считали, что их гораздо больше в темнице, чем на самом деле. Это привело к тому, что Смайку вскоре стало казаться, что он заперт в одном помещении не с семью гномами, а с несколькими дюжинами.

Но однажды дверь камеры открылась. Всех их вместе эскорт, состоящий из двенадцати брутально выглядящих кровомясников, среди которых, к удивлению Смайка, находились Кромек Тума, Цордас и Цорила из таверны у Стеклянного человека, отвёл через плотный туман к гроту у моря. Оттуда они спустились через лабиринт пещер глубоко под землю и после длинного изматывающего пути попали в Гел. Трижды они подвергались нападению гигантских хищных насекомых, выглядевших как смесь паука и мотылька. Три кровомясника при этом погибли. В Геле их отсортировали как пленников второго класса и отвели в тюрьму около театра. Душевное состояние Колибрила снова нормализовалось и у Смайка с доктором снова появилась возможность вести глубокомысленные беседы, хотя и в таких обстоятельствах, о которых они не особо мечтали. А затем, в скором времени, тюрьма заполнилась вольпертингерами. Смайк спросил их о Румо, но никто не мог ему ничего ответить. Все его знали, но никто не знал, где он сейчас находится.

И вот Румо опять появился в жизни Смайка, точно так, как тогда, когда он щенком-вольпертингером попал на Чёртовы скалы.

Много вопросов и загадка

– Смайк? – ошарашено спросил Румо.

– Точно, – сказал Смайк и, ухмыльнувшись, обнажил свою акулюю челюсть. – Ты – Румо, я – Смайк.

– Привет, Румо, – сказал Колибрил.

– Привет, доктор, – ответил Румо. – Я вижу, вы опять нашли друг друга.

– Да, очень туманная история, – сказал Смайк. – Я расскажу тебе позже. Как ты попал в подземный мир, мальчик? Что ты тут делаешь?

– Я тут, чтобы освободить своих товарищей.

– Ты не пленник? – спросил Колибрил и его глаза загорелись.

– Ты прошёл через весь подземный мир до Гела? – спросил Смайк ухмыляясь. – Твоё присутствие наполняет надеждой сердце твоего старого друга.

– Но теперь это не так, как тогда с циклопами, – ответил Румо. – Тогда это был просто остров, полный дьяволов. В этот раз это целый город.

– Дело мастера боится, – сказал Смайк, подняв одновременно вверх несколько указательных пальцев.

– У тебя уже есть план? – спросил Колибрил.

– Не совсем, – ответил Румо.

– Значит ты встретил нас в нужное время, – сказал Смайк. – У нас на двоих пять мозгов.

– Мне нужно в одно место, которое называется Театр красивых смертей, – сказал Румо. – Там содержатся в плену остальные вольпертингеры. Пойдёте со мной?

– Я, да, – сказал Смайк. – Доктор?

– Немного движения мне не помешают.

– Тогда, пошли! – сказал Румо.

– Ещё кое-что! – Смайк крепко ухватил Румо одной из своих ручек. – Ты нашёл ответ на мой вопрос? Чем длиннее это будет, тем короче это становится.

– О! – ответил Румо. – Это было легко. Ответ, конечно, жизнь.

– Конечно, – ухмыльнулся Смайк.

Силы Ушана

Ушан де Люкка находился в наилучшей форме. Когда солдаты вели его вниз по лестнице, он понял, что в этот раз на арене он может продемонстрировать такие вещи, на которые он до сих пор не был способен.

Дурманящее чувство, вызванное в нём отсутствием погоды в подземном мире, усиливалось с каждым днём. Здесь, внизу, исчезло всё, что делало его наверху неповоротливым, усталым, слабым и печальным. Здесь он почувствовал прилив сил, который он чувствовал последний раз в молодости.

Они привели его в комнату перед ареной, и он подошёл к столу с оружием. Снаружи неистовствовала толпа. Ушан слышал рёв диких зверей и растерянные крики пленников. Он почуял свежую кровь и пот, вызванный страхом. Но там снаружи не было ничего, что могло бы его напугать. Он был Ушаном де Люккой и он пребывал в наилучшем расположении духа.

Ушан посмотрел на стол. Что тут можно выбрать? Конечно, он выберет шпагу, лучшую, отлично отшлифованную. Он взял одну из шпаг в руку и разрезал клинком воздух:

– Вжик, вжик, вжик! – говорил Ушан при этом. – Вжик, вжик, вжик!

Алмазные клещи

Генерал Тиктак блуждал по Гелу. Камни мостовой разбивались вдребезги под его тяжёлыми шагами, и каждый, кого он встречал на пути, в ужасе убегал в переулок.

Что это за боль внутри него? Чушь, он был неспособен чувствовать боль, у него не было нервной системы, он был машиной. Но что же тогда так его мучило? Эти мысли? Мысли о смерти Ралы? Он знал, что внутри него что-то спрятано, глубоко в его набитом оружием теле, что-то, что могло сожалесть. Но никогда ранее он не чувствовал это так остро, как сейчас.

Наконец он остановился. Это та улица. Это тот дом.

Дом оружейника, в котором он нашёл медную деву, ставшую снова бесполезным куском старого металла. Без души, которую ей одолжила Рала, она были ничем.

Тиктак вошёл в дверь, которую он ранее приказал запереть. Мастерская выглядела точно так же, как в тот день, когда он её покинул. Скелет оружейника всё ещё лежал на полу.

Генерал Тиктак что-то искал.

Он искал огромные стальные клещи с алмазными лезвиями, которые так устрашающе выглядели, что казалось с помощью их можно разобрать на куски даже медного парня. Где же эти проклятые клещи? Тиктак переворачивал верстаки, отбрасывал металлический мусор в сторону. Железные детали и гайки летали по комнате.

Вот! Вот они, клещи!

Он взвесил их в руке. Да, это были мощные клещи, с хитроумным гидравлическим механизмом и опасно сверкающими лезвиями из чистейших алмазов.

Генерал Тиктак поднёс клещи к своей груди. Маловероятно, что он не сможет найти эту проклятую вещь, которая глубоко внутри него вызывает такую боль.

Серебряная нить

Румо, Смайк и доктор Колибрил единогласно решили, что Рибезел должен остаться со старыми вольпертингерами, притворяться охранником и держать наружную дверь запертой. Хьюго и Йогг были связаны, рты их были заткнуты кляпами, их занесли в камеру и спрятали под соломой. Смайк, Колибрил и Укобах хотели вместе с Румо пойти в Театр красивых смертей, чтобы освободить остальных вольперингеров. Укобах отлично ориентировался в здании театра, что давало им возможность незаметно в него пробраться.

Но их планы были перечёркнуты, как только они вышли из тюрьмы. Только они направились в сторону театра, как Румо принялся ещё раз и перед его внутреннем глазом возник мир, такой же мрачный и неприятный, как и в действительности, полный тёмных и грязных красок. Но кроме этого тут был и запах других вольпертингеров, ведущий в сторону театра.

Серебряная нить снова появилась.

Сердце Румо подпрыгнуло. Да, она была тут на самом деле, в центре мрачного Гела, тонкая, но светящаяся вилась она над всеми отвратительными запахами. Рала была здесь, и она была совсем рядом.

- Мы должны пойти в ту сторону! – сказал Румо.
- Но театр находится совсем в другой стороне, – ответил Укобах.
- Я знаю. Но я почуял Ралу, – сказал Румо.
- Правда?
- Рала? – спросил Смайк. – Кто это Рала?

Башня

Пока они шли по следу Ралы, Румо пытался объяснить Смайку, кто она такая. Он рассказал о Вольпертинге, о Нурненвальдском лесе и шка-тулке, и, конечно, опять он рассказал всё задом наперёд.

– Ты втюрился! – подвёл итог Смайк, выслушав запинаящегося Румо.

– Это интересно! – сказал Колибрил. – Серебряная нить. Видимые запахи. Это напоминает мне о моих экспериментах с Оцтаскопом. Обоняние вольпертингеров слишком мало изучено.

Всё это время Укобах старался, чтобы их пёстрая компания выглядела, как пленники под конвоем, и надеялся избежать встречи с солдатами. Но всё равно эта странная группа, состоящая из вольпертингера, червяку-ла, эйдета и гелца вызвала у всех прохожих огромный интерес.

– Вперёд! – кричал Укобах, размахивая мечом. – Вперёд, жалкие рабы!

Наконец Румо остановился перед тёмной башней.

– Рала там внутри, – сказал он.

Укобах скорчился:

– Там, внутри? Великолепно! Это башня генерала Тиктака.

– Генерал Тиктак находится тут, в Геле? – спросил Смайк.

– Да. Он предводитель медных парней. Они охраняют заключённых в театре.

– Медные парни охраняют театр? – сказал Смайк. – Ну, тогда гаси свет!

– Я иду вовнутрь, – сказал Румо. – Там Рала.

– А что, если генерал Тиктак дома? – спросил Укобах.

– Тогда я убью его. Дай мне мой меч!

– Ясно! – вздохнул Укобах и отдал меч Румо. – Ты убьёшь генерала Тиктака. Ну, конечно, ты это сделаешь.

Тройное сражение

И хотя то, чего ожидал Урс, было далеко не самым приятным, у него возникло чувство облегчения, когда ему позволили выйти на арену театра.

На трибунах все места были заняты. Фрифтар стоял в королевской ложе и кричал:

– Театр красивых смертей представляет – Урс Снежный!

Раздались громкие аплодисменты.

– Что ожидает нас в этот раз? Наёмники? Дикие звери? Всё вместе?

Или что-то более опасное?

Открылась ещё одна дверь и на арену неспеша вышел Ушан де Люкка, размахивая в воздухе шпагой.

– Вжик, вжик, вжик! – говорил Ушан.

– Театр красивых смертей представляет – Ушан де Люкка! – крикнул Фрифтар.

Загремели аплодисменты.

Урс был удивлён. Ещё один вольпертингер. На это он не рассчитывал.

Открылась третья дверь. На арену вышел Рольф.

– Театр красивых смертей представляет – Рольф Лесной!

Зрители вскакивали со своих мест, восхищённо крича и топая ногами.

– Ушан? – спросил сам себя Урс. – Рольф?

Они что, должны сражаться втроём?

– Тройное сражение! – ревели зрители. – Тройное сражение! Тройное сражение!

Три вольпертингера стояли посреди арены. На них летели цветы и венки. Фрифтар поднял руку и аплодисменты стихли.

– Если вы ещё не знакомы с правилами тройного сражения, – крикнул он, обращаясь к пленникам, – то я вам сейчас всё объясню.

Ушан, Рольф и Урс раздражённо смотрели друг на друга.

– Самое главное в этом сражении то, – воскликнул Фрифтар, – что в нём умирает не один воин, а два. Самый глупый всегда умирает первым. Это тот, которому не хватает ума объединиться с одним из противников, чтобы вместе убить третьего. Когда он будет убит, то оставшиеся двое сражаются друг с другом.

– Мы не будем сражаться друг с другом, – выкрикнул Урс.

Около Фрифтара появился Гаунаб.

– Жиска им! – прошипел он. – Жиска им, что с мини дётзойипро, лиес нио сажуткаот!

– Ах, да! – крикнул Фрифтар. – Чуть не забыл. Если вы откажетесь сражаться друг с другом, тогда мы начнём выводить ваших старых сородичей на арену и выставлять их в качестве живых мишеней для медных парней до тех пор, пока вы не начнёте сражение. Пусть тройное сражение начнётся!

– Тройное сражение! – снова заревели зрители. – Тройное сражение! Тройное сражение!

Ушан начал размахивать своей шпагой:

– Вжик, вжик, вжик, – говорил он. – Сказать вам, что мне здесь внизу больше всего нравится?

Рольф и Урс посмотрели на него.

– Я скажу вам! Погода!

– Здесь внизу нет никакой погоды, – ответил Урс.

– Именно, – улыбнулся Ушан. – Я знаю, что вам это безразлично, но вы не имеете никакого понятия, что это значит для меня! Тут, внизу, у меня будто бы появились сверхъестественные силы. Вжик, вжик, вжик!

– И к чему ты нам это рассказываешь? – спросил Урс

– Он хочет, чтобы мы с тобой объединились против него, – сказал Рольф. – Он хочет прикинуться героем.

– Я не буду сражаться против вольпертингеров, – сказал Урс.

– Мы вынуждены сражаться, – сказал Рольф. – Или они начнут убивать наших сородичей.

– Тогда убейте меня первым, – сказал Урс. – А затем разбирайтесь между собой.

– Ещё один герой, – вздохнул Рольф.

– Вжик, вжик, вжик! – делал Ушан. – Для особо тупых повторяю ещё раз: я вам уже раньше показывал, на что я способен. Но здесь, внизу, мои способности удвоились. Сражаться вдвоём против меня – это ваша единственная возможность. И к тому же это единственная возможность выиграть время.

– Для чего нам выигрывать время? – спросил Урс.

– Без понятия, – ответил Ушан. – Может быть, произойдёт какое-нибудь чудо.

– Согласен, – сказал Рольф. – Немного времени мне бы не помешало. Я хочу захватить в заложники короля.

– Значит, – улыбнулся Ушан, – почему бы не объединить приятное с полезным?

Рок

Дверь, обитая медью и ведущая в чёрную башню, была открыта и Румо незамедлительно вошёл внутрь.

Это было, без сомнения, жилищем воина. Всюду лежало оружие – мечи, топоры, клинки всех видов. Между ними стояли большие зеркала. Румо это напомнило фехтовальный сад Ушана де Люкки.

– О, боже! – прошептал Укобах. – Просто не могу поверить, что мы находимся в частных покоях генерала Тиктака. Это же смертельно опасно!

– Здесь никого нет, – сказал Смайк.

Румо поднялся несколькими прыжками вверх по лестнице и остановился у полуоткрытой двери. Он взял в руки меч и ногой открыл дверь.

– Что там наверху? – крикнул снизу Смайк.

Как только Румо вошёл в комнату медной девы, все воспоминания вернулись. За несколько мгновений прошлое, настоящее, будущее, предсказания и судьба объединились в одно целое: ярмарка – тёмная палатка со звёздами – профессор с несколькими мозгами – комодный предсказатель. Это было то, что Румо увидел в комодке, картина, бывшая однажды будущим и ставшая сейчас ужасной действительностью. Он увидел безжизненное тело Ралы в гробу.

Рала была мертва.

Румо стало плохо. Он уронил меч и упал на пол. Затем он потерял сознание.

Мятежник

Рибезел стоял у оружейного шкафа, когда он услышал шаги. Различные мечи, топоры и копья находились в шкафу. В канализации он использовал копьё в качестве оружия, но он уже давно не держал его в руках. Быстро вынул он одно из шкафа.

Во входную дверь кто-то постучал.

– Кто там? – крикнул Рибезел как можно смелее.

– Проверка поста! – отчеканил голос снаружи. – Открывайте!

– Нельзя! – ответил Рибезел.

– Почему?

– Карантин. У вольпертингеров началась эпидемия.

– Мне не нужны вольпертингеры. Я проверяю охрану. Это проверка персонала.

– Чёрт, – пробурчал Рибезел.

– Что?

– Э-э-э, ничего.

– Ну так что? Мне что, пойти за подкреплением?

Рибезел открыл дверь.

Это был кровомясник высшего звания. Он вошёл внутрь, скептически огляделся и остановился перед Рибезелом. Он был выше гомункела в несколько раз.

– Где Хьюго и Йоуг, охранники, которые обязаны быть сейчас на посту? – насмешливо спросил он.

– Они больны! – отчеканил Рибезел.

– Больны? Оба? – спросил солдат. – Я же видел их сегодня утром.

Они выглядели очень бодрыми.

– Заразились, – сказал Рибезел. – Эпидемия.

Солдат отступил на шаг назад.

– Это заразно?

– Очень.

Солдат недоверчиво рассматривал Рибезела.

– А вообще что ты делаешь в охране? Здесь я не видел ещё ни одного гомункела.

– Я – первый. Первый гомункел в охране. Идея Фрифтарра, – и Рибезел отдал честь.

– А почему ты не в форме? Что на тебе такое одето?

– Срочный приказ. Я должен был отдать форму для дезинфекции.

Из-за эпидемии.

– А почему ты тут один? Положено быть двум охранникам.

– Мой коллега вышел.

– Выходить во время службы запрещено.

– Слушаюсь! Это положение мне известно.

– Ах, да? Значит тебе известно и положение о том, что во время несения службы охранники обязаны иметь при себе арбалеты. Копья запрещены.

– Да, известно. Но арбалеты сегодня запрещены из-за представления в театре.

– Ага! Говоришь, ты знаешь инструкцию. Но такого положения в ней нет! Скажи-ка, кто ты? – и кровомясник схватил свой меч.

Гомункел сделал быстрое движение копьём и уколол им кровомясника в горло. С хрипом упал кровомясник на колени, потом на пол и остался неподвижно лежать у ног Рибезела.

Рибезел задумался. М-да, кто же он? Прислуга? Гражданин Гела? Нет, это в прошлом. И тут он придумал. Он наступил на мёртвого солдата:

– Ты спрашивал, кто я? – сказал он. – Я – мятежник.

Исполнение предсказания

Когда Румо пришёл в себя, над ним склонились Смайк, доктор и Укобах. Он лежал на столе на первом этаже башни. Он хотел встать, но был слишком слаб.

– Полежи ещё немного, Румо, – сказал доктор. – Сейчас тебе станет лучше.

– Где Рала?

– Она всё ещё наверху.

– Это Рала, о которой ты говорил? – спросил Смайк.

– Да, – сказал Румо. – Что с ней?

– Кто-то убил её, – сказал Укобах. – Но не просто убил, её до этого пытали. Это мог быть только генерал Тиктак. Никому больше не разрешено входить в эту башню.

– Она не может умереть, – сказал Румо. – Я вижу серебряную нить. Я чувствую Ралу. Всё ещё.

– Это может прозвучать грубо, – сказал тихо Колибрил. – Но даже у мёртвых есть свой запах. Он исчезает, когда труп разложится.

– Я хочу к ней, – сказал Румо.

Он с усилием встал и пошёл к лестнице.

– Не делай этого, мальчик, – сказал Смайк.

Румо поднялся вверх по ступеням, подошёл к свинцовому гробу Ралы и заплакал. И только сейчас предсказание оракула исполнилось полностью. Он долго оставался в таком положении, как он видел себя в палатке Соловейчика. Когда он снова встал, у него был только одна мысль: всё, что он теперь будет делать, он будет делать во имя Ралы.

Один на всех

Урс понял, что Ушан на самом деле здесь внизу сражался за двоих, и даже, наверное, за троих или четверых. Он двигался с ним и Рольфом по арене, как танцоры на уроке танцев, и чётко было видно, что он – учитель фехтования, что он ведёт. Урс ещё никогда не видел Ушана во время фехтования таким расслабленным, лёгким, в таком отличном настроении. Как жаль, что он растрчивает свой талант, сражаясь со своими соплеменниками.

– Вжик, вжик, вжик! – говорил Ушан. – Я лёгкий, как пёрышко! Я ядовитый, как скорпион! Я быстрый, как колибри! Вжик, вжик, вжик!

Сначала они проводили безобидные финты и атаки, чтобы у публики создалось впечатление настоящего сражения. Но публика была достаточно искушённая и вскоре со всех сторон начал раздаваться свист.

– Это всё, на что вы способны, парни? – спросил де Люкка. – Пара сухих приёмов с урока фехтования тут не пройдёт! Так что, пожалуйста, напрягитесь немного, если не хотите, чтобы сейчас тут начали расстреливать вольпертингеров. Нападайте на меня! Нападайте на меня по-настоящему! Попытайтесь меня убить!

– Я не могу! – крикнул в ответ Урс.

– Ты не настолько хорош! – сказал Рольф. – Я могу тебя поранить.

– Нет, не можешь, Рольф! – сказал Ушан. – Никто не может. Ты можешь изо всех сил пытаться меня убить, но ты даже не поцарапаешь меня! Попробуй! Давайте! Нападайте!

Ушан кружился вокруг них двоих.

– Здесь, здесь и вот здесь! – кричал он, нанося им удары.

Рольф и Урс почувствовали лёгкие уколы по всему телу, будто они попали в рой пчёл.

– Я мог бы уже пять раз вас убить! Каждого из вас! Давайте уже! Мы должны сражаться! Не за нашу жизнь, а за жизнь других. Заканчиваем перебранку! Попытайтесь, наконец, меня убить! Вы, любители, всё равно не сможете!

– Когда я пытаюсь кого-нибудь убить, то я его и убиваю, – сказал Рольф.

Ушан остановился и опустил шпагу:

– Вы всё ещё не поняли, хм? Я – непобедим! Я – неуязвим! Или я должен вам это на примере доказать? А?

Рольф и Урс незаметно окружали де Люкка, продолжающего без движения стоять на своём месте.

– Ты здесь, а не в своём фехтовальном саду, Ушан, – прошептал Урс.
– И я не из списка твоих двоечников.

– Да, – сказал Рольф. – Не задавайся, старик!

– Вжик, вжик! – только и ответил Ушан, а Рольф и Урс скрючились от боли.

Они ухватились за носы, так как Ушан кольнул шпагой в их чувствительные органы обоняния. Рольф и Урс всхлипывали, а публика разразилась смехом.

– Ну, – сказал Ушан. – Теперь вы готовы на меня напасть? Готовы меня убить?

Стратегия

Башня генерала Тиктака стала временно штаб-квартирой беженцев. Румо пришёл в себя и спокойно, с самообладанием обсуждал с другими план. Все быстро согласились, что чахлый эйдет и толстый червякул не смогут сильно помочь в сражении. Колибрил и Смайк должны будут охранять тело Ралы, поскольку Румо настоял на том, что после освобождения своих соплеменников они заберут его в Вольпертинг. Укобах пойдёт с ним в Театр красивых смертей.

– Просто делай то, что ты делал на Чёртовых скалах, – сказал Смайк.

– Я попытаюсь, – ответил Румо.

Театр красивых смертей

Театр красивых смертей был чёрным сердцем Гела – октагон с огромными стенами, построенными из черепов, которые из-за вечного дыма окрасились в чёрный цвет.

– Черепа принадлежат всем врагам семьи Гаунабов, – объяснил Укобах, боязливо оглядываясь, пока они шли вдоль стены. – В театре много входов. Как члену высшего общества, мне было позволено заходить за кулисы. Я знаю, как функционирует этот механизм. Лучше всего, если мы зайдём со стороны подвала, там, куда доставляют мясо для диких животных. Эти входы не охраняются, так как все боятся хищников, но оттуда можно пройти в любое место. Даже к задней лестнице, ведущей к каме-

рам пленников. В одном я лишь только уверен: до сих пор ни у кого не возникало безумной идеи пробраться незаконно сюда. До сих пор все хотели только выбраться отсюда!

Укобах нервно засмеялся.

Из театра доносились смех, аплодисменты и дикий визг – вероятно сражение было очень увлекательным.

– Скажи-ка, – спросил Укобах. – Что ты такого сделал на, э-э-э, Чёртовых скалах?

– Я убил так много врагов, сколько смог, – ответил Румо.

– Понимаю, – сказал Укобах. – Значит, у тебя всё-таки есть план!

Они вошли в подвал театра через не зарешеченное окно. Это оказалось очень просто. Пол подвального помещения, в котором они оказались, был усеян обглоданными костями, а в вонючем воздухе гудели толстые мухи. Из соседнего помещения доносился заглушённый рёв дикого животного. Укобах открыл следующую дверь. Она вела в тёмный коридор, в котором была ещё дюжина дверей.

Укобах открыл одну из них, и они увидели огромного, в рост человека, паука с кроваво-красной шерстью, восемью жёлтыми глазами размером с тарелку и серыми с мраморным рисунком крыльями мотылька. Он как раз занимался тем, что заворачивал в кокон свинью. Паук заметил новых гостей и его крылья затрепетали. Укобах быстро захлопнул дверь.

– Неверная дверь! – сказал он.

Следующую дверь он сперва лишь немного приоткрыл и сразу же захлопнул, поскольку из щели раздался ужасный рёв, чудовищная вонь и появилось щупальца. Затем он нашёл правильную дверь.

– Лестница, – прошептал он. – Отсюда можно дойти до тюрьмы.

Они пошли по лестнице вверх, сопровождаемые аплодисментами и рёвом зрителей театра. Румо чуял множество неприятных запахов: кровь, пот, страх, бешенство – противоестественный запах постановочной смерти.

Дойдя до конца лестницы, они увидели проход, скудно освещённый несколькими факелами. То, что увидел Румо, поразило его до глубины души. В конце коридора находилась деревянная дверь, перед ней стоял тяжёлый стол, за которым сидели три охранника с пустыми винными бутылками. Это были кровомясники и они тихо похрапывали. Но удивительным было не то, что солдаты пренебрегали своими обязанностями, а то, что все трое были Румо знакомы. Это были Цордас, Цорилла и Кромек Тума – кровомясники из таверны У стеклянного человека.

История Кромека, Цордаса и Цориллы

С Кромекком Тума с тех пор, как Румо и Смайк оставили его воююще-го в таверне У стеклянного человека, произошли удивительные изменения. Он сменил профессию, обзавёлся друзьями и у него появилась настоящая родина. Но самое главное: с тех пор Кромек Тума больше ни разу не выл.

Тогда он пришёл в себя после припадка в верный момент: он застал Цордаса и Цориллу за кражей собственного добра. За этим последовала ужасная драка, в которой победил Кромек, поскольку Цордас и Цорилла всё ещё не отошли от стычки с Румо и Смайком.

Пока Кромек ждал, когда это двое снова придут в себя, он обдумывал на самом ли деле ресторанный бизнес – его призвание. Он ненавидел обслуживать людей, этим он не заработал пока ни гроша, а когда он отошёл от припадка, то увидел, что какие-то парни пытаются его обокрасть. Что-то он делал неправильно в своей жизни.

– Послушай, Кромек Тума, – сказал вдруг у него в голове знакомый голос. – Не думаю я, что трактирщик – это твоя профессия.

Это был стеклянный человек, тот голос, который приказал ему построить трактир.

– Но тогда ты...

– Я знаю. Согласен, ошибся. Но я же душевная болезнь, ты не можешь возлагать на меня никакой ответственности.

– Нет?

– Я был невменяем. Но в этот раз я вижу всё чётко. Совершенно чётко. Как сквозь бриллиант, созданный чистейшими мыслями. Ты знаешь какой он прозрачный?

– Нет, – сказал Кромек.

– Он безумно прозрачный! Послушай, ты должен вернуться к своей старой работе. Я считаю, что солдат – это единственная правильная профессия для тебя.

– Я не знаю. Мне будет не так просто получить работу в армии наёмников. Я же насадил голову князя Йенадепура на копьё. А слухи об этом разошлись быстро. Военачальники такое не очень любят.

– Я знаю. Я же не говорю про армию здесь, наверху. Ты уже слышал о подземном мире?

– Конечно. На всех привалах у костра рассказываются такие бредовые истории. У этих рассказчиков же не все дома...

– А что ты скажешь, если я буду утверждать, что подземный мир на самом деле существует?

– Я скажу, что ты сошёл с ума.

– Проклятье, и ты будешь опять прав! Так как я – душевная болезнь. Но я получил информацию о существовании подземного мира из совершенно надёжного источника. И этот источник такой надёжный, что...

– Какой такой источник?

– Другая душевная болезнь.

– Вы, душевные болезни, общаетесь друг с другом?

– Конечно. Мы все связаны друг с другом. Телепатически. Голоса, понимаешь? Мы и есть все те голоса, которые...

– Хорошо, – сказал Кромек и ухватился за голову. – Можешь не вдаваться в подробность, а то у меня начинает болеть голова.

– Болезнь, передавшую мне информацию о подземном мире, зовут Гаунаб, – сказал стеклянный человек.

– У вас есть имена?

– Ну конечно. Меня зовут Стеклянный человек. Ту зовут Гаунаб. А ещё есть Тысячелетний пёс, Мефисто пронзительный, Змея с двенадцатью языками, ...

– Хорошо, хорошо! И там внизу, в подземном мире, есть армия?

– И какая! Они собирают самый последний сброд. А кому из них не хватает квалификации, те становятся генералами.

– И как туда попасть?

– В подземный мир ведут много дорог, но я рекомендую дорогу через Туманный город.

– Почему?

– Потому что она самая сумасшедшая! – демонически рассмеялся стеклянный человек.

Дорога в подземный мир

Когда Цордас и Цорила пришли в себя, Кромек объяснил им, что если они ещё раз попытаются его обокрасть, то он порежет их на мелкие кусочки, засолит и будет носить везде с собой, как паёк на чёрный день. Оба почувствовали серьёзность этой угрозы и поклялись всеми святыми изменить своё поведение. Но, в конце концов, они стали друзьями, поскольку хоть кровоясники тупы, жестоки и коварны, но обиду таить они не умеют. Кромек поделился с ними своим планом – пойти в подземный

мир. И Цордас с Цориллой решили к нему присоединиться, так как это место, судя по всему, соответствовало их вкусам. Они сожгли таверну "У стеклянного человека" и отправились в путь, ведомые внутренним голосом Кромека.

Так они пришли в Туманный город, где злоешие местные жители приняли их в "Тайное общество друзей Гела". Они посвятили новопривывших в тайны Гела и рассказали им про города-ловушки. В качестве первого задания новые члены общества вместе с парой других кровомясников, знавших дорогу в подземный мир, должны были отвести новых рабов в Гел. Среди этих пленников, к огромному удовольствию Кромека, Цордаса и Цориллы, находился жирный червякуд, который вместе с вольпертингером тогда так жестоко с ними обошёлся. Кромек воспринял это как знак судьбы и понял, что он находится на верном пути.

Они спускались в подземный мир по пещерам. Этот мир сразу же пришёлся кровомясникам по душе. Хотя тут и жили гигантские пауки с крыльями мотыльков и прочие неприятные существа, которые могли быть слишком назойливыми и сожрали их троих товарищей, но мрачная аура Гела пришлась им по вкусу. Итак, они доставили рабов и вступили в армию Гаунаба девяносто девятого. Здесь никто не напоминал ему, что он насадил голову своего полководца на копьё – вероятно на этот раз голос в его голове оказался прав. Кромек, Цордас и Цорилла прослужили вместе в разных подразделениях подземной армии, пока не попали в Театр красивых смертей. Они приняли участие в паре сражений, в которых срубали головы беззащитным гномам, а затем они случайно получили спокойное местечко в качестве охранников входа в тюрьму.

Когда в Гел привели пленных вольпертингеров, Кромек впервые за долгое время немного занервничал. Его немного успокоило то, что вольпертингера из таверны "У стеклянного человека" тут не было. Но близкое присутствие этих существ действовало ему на нервы. Сражения, которые он смотрел в театре, вызвали плохие воспоминания и даже привели к тому, что во сне он стал видеть оскалившегося вольпертингера, который так долго травил его, пока Кромек не просыпался от собственного крика. Кромек снова запил. В тот день, когда в театре давали тройное сражение, он выпил три бутылки самого крепкого вина подземного мира и уснул крепком сном, в котором его преследовал большой белый пёс, ужасно похожий на того пса из таверны "У стеклянного человека"

Румо тихо обошёл стол с тремя храпящими охранниками. Укобах осторожно шёл за ним. Румо вынул меч.

– *Битва?* – спросил Гринцольд.

– Совсем чуть-чуть, – ответил Румо.

Гринцольд разочарованно простонал.

– *Что ты хочешь сделать?* – спросил Львиный зев.

Румо наклонился вперёд и три раза громко стукнул по столу. Кромек Тума, Цордас и Цорилла проснулись и глупо уставились на него мутными глазами.

– Привет, Кромек! – сказал Румо. – Давно не виделись!

Цориллу Румо вырубил ударом в лоб, Цордаса он не тронул, поскольку тот должен был помочь ему освобождать пленников, а Кромек Тума снова завыл.

Игра

Смайк печально рассматривал тело Ралы в гробу. Какое благородное, красивое существо, думал он. Какой идеальной парой была бы она для Румо!

– Что вы скажете, если я предложу вам разрушить планы смерти? – вскользь спросил доктор Колибрил, как будто он предлагал Волцатану Смайку сыграть партию в шахматы.

– Что? – мрачно спросил Смайк.

– Я спросил, нет ли у вас желания принять участие в небольшом научном приключении? Победить смерть и одновременно поработать над собственным бессмертием?

Доктор улыбнулся.

– Если вы хотите разрядить ситуацию дурацкими шутками, то знаете – эйдетский юмор я не понимаю. Тут вы должны смеяться в одиночку.

– Я не шучу. Я делаю вам серьёзное предложение. Как тогда. В лесу.

– Я должен опять направиться к вам в мозг?

– Это было бы первым пунктом назначения. Конечная остановка – сердце Ралы.

– И как это будет происходить?

– Уверен, что не совсем просто. Над этим организмом кто-то очень серьёзно потрудились. И это, я боюсь, будет небезопасно. Но все первооткрыватели сталкиваются с подобным. Шансы у нас пятьдесят на пятьдесят.

– Игра?

– Да, игра. И для меня – единственный шанс проверить мои расчёты.

– Тогда, доктор, объясните мне правила игры.

– Первый пункт назначения вам уже знаком. Вы посетите мой мозг. Вы направитесь в комнату с микромашинами несуществующих крошек, сядете в подкровную лодку и поплывёте на ней через мою кровеносную систему в кровеносную систему Ралы. Когда вы окажетесь в теле Ралы, то заставите снова биться её сердце с помощью инструментов несуществующих крошек. Всё.

– Всё? – рассмеялся Смайк. – И больше ничего? И как я должен попасть из вашего тела в тело Ралы?

– Это проще простого. Я проложу дорогу между нашими кровеносными системами. Здесь прекрасная лаборатория, здесь есть всё, что мне нужно. А мне нужна всего парочка стерильных трубочек.

Смайк долго смотрел на доктора. Он, кажется, серьёзно к этому относится.

– У меня тысяча вопросов: на сколько это опасно? Есть ли у нас хоть минимальный шанс на успех? Как я буду ориентироваться в кровеносной системе Ралы?

– Это всего три вопроса и на них есть всего один ответ: всё в итоге получится. Да, мои расчёты говорят, что всё когда-нибудь получится.

– Когда-нибудь? И вы называете себя учёным?

– Может быть, это звучит не совсем точно, но однажды вы уже видели насколько надёжны мои расчёты.

– А что, если кто-то придёт пока мы... я имею в виду, а что если генерал Тиктак придёт домой?

– Тогда мы в любом случае погибли.

– Вы, правда, верите, что у нас получится?

– Это было бы прекрасным сюрпризом для Румо, не правда ли? Я с удовольствием отблагодарил бы его. Он уже и без того один раз спас мою жизнь. А сколько жизней должны вы ему, Смайк? Одну? Две?

Смайк долго смотрел на медную деву.

– На теперешний момент – три, – пробурчал он. – Позвольте засунуть вам палец в ухо?

– Я настаиваю на этом, – улыбнулся Колибрил.

Великолепная идея

Гаунаб возбуждённо прыгал на своём троне и боксировал подушки.

– Перьте нио сяютжасра мущейтонас-по! – пыхтел он. – Киека нио етрыбыс!

– Да, – автоматически перевёл Фрифтар. – Теперь они сражаются по-настоящему. Не на жизнь, а на смерть.

Сначала вольпертингеры обменивались лёгкими несерьёзными ударами, но теперь сражение набирало силу и темп. Очевидно, двое молодых объединились против пожилого вольпертингера, но тот отбивал все их атаки с такой уверенностью, которой, судя по его внешнему виду, от него никто не ожидал. Вид сражающихся друг с другом вольпертингеров был настолько необычным и новым, что все зрители сидели будто зачарованные – как и рассчитывал Фрифтар. Впервые на этой арене происходило сражение такого высокого уровня. Здесь сражались не варвары и грубые солдаты, здесь работали настоящие артисты.

– Но я думаю, что всё это можно ещё улучшить, – добавил вдруг Фрифтар. – Можно лишь подбросить в огонь ещё пару поленьев. Я уже послал отряд солдат за парой старых вольпертингеров, с помощью которых медные парни устроят небольшое соревнование по стрельбе. Я думаю, это заставит тех троих на арене ещё быстрее двигаться.

Гаунаб ухмыльнулся.

– Да! – крикнул он. – Мы дембу ватьбиу ровгетинперволь, бычто рьгетинперволь ливабиу бясе!

– Да, ваше величество! – кивнул Фрифтар. – Ваши идеи всегда великолепны. Мы убьём пару вольпертингеров, чтобы другие вольпертингеры убили друг друга.

Охрана театра

По ритмичному позвякиванию доспехов Рибезел понял, что к тюрьме приближалась группа из нескольких солдат.

В дверь постучали.

– Кто там? – резко спросил Рибезел.

– Охрана театра! – отчеканили в ответ. – Мы пришли за вольпертингерами для Театра красивых смертей.

– Секундочку, – ответил Рибезел.

Он открыл дверь. Снаружи стояла дюжина хорошо вооружённых солдат. Из-за доспехов сложно было определить их происхождение.

– Входите, – сказал Рибезел.

Солдаты вошли в тюрьму.

– Что это за кровавое пятно на полу? – спросил главный из них.

– Наглый вольпертингер. Пришлось его убить.

– Хорошо, – сказал солдат. – Почему ты не в форме?

– Кровь, – сказал мрачно Рибезел. – Всё было в крови вольпертингера. Мерзость. Сколько пленников вам нужно?

– Поддюжины. Мишени для медных парней.

– Отлично! – засмеялся Рибезел. – Тогда выбирайте.

Он открыл дверь в камеру. Предводитель и Рибезел отошли в сторону, пропуская солдат внутрь.

– Стоять! – закричал предводитель. – Не двигаться!

Солдаты замерли. Их глаза медленно привыкали к сумраку. Предводителю тоже понадобилось время, пока он понял, что ожидало их за дверью. Там полукругом стояло не меньше дюжины вольпертингеров, выглядевших очень решительно. Это были пожилые вольпертингеры, но большинство из них было вооружено. Один крупный вольпертингер, с вмятиной на голове, вышел вперёд и сказал:

– Будет лучше, если вы сдадитесь.

Рибезел приставил к горлу предводителя копьё.

Цордас был идиотом, но он знал, что против Румо у него нет ни одного шанса. Цорилла был без сознания, а когда Кромек прекратит выть не знал никто.

Румо сидел перед ним за столом, прижав клинок к его горлу.

– Послушай, – сказал Румо. – Сейчас ты мне быстро и ясно объяснишь, как содержат пленных вольпертингеров. При этом ты не будешь врать и утаивать важные подробности. Ни сейчас, ни позже ты не сделаешь ни одного неверного движения. Если ты всё это выполнишь, то, может быть, ты останешься в живых. Начинай!

– В каждой камере две двери, – сказал Цордас. – Одна ведёт на балкон театра, другая на тайную лестницу. Цепи в каждой камере надо открывать отдельно.

– Хорошо. Ты будешь мне помогать открывать двери, ведущие к потайной лестнице, и снимать цепи с пленников.

– У вас ничего не получится! Театр охраняется медными парнями.

– Хочешь мне помогать или умереть?

– Сложно сказать, – сказал Цордас. – Результат, судя по всему, будет одним и тем же.

Царство смерти

Это было серым, холодным царством смерти. Это был потерянный, вычеркнутый из жизни мир. Почему он, Смайк, согласился на это безумие?

– Доктор Колибрил? – крикнул он. – Эй?

Конечно, никакого ответа. Колибрил уже давно не отвечал.

Всё до этого было очень просто, так как доктор помогал ему: полёт через мозг Колибрила в комнату с микромашиной несуществующих крошек; активизация подкровной лодки с помощью Уютного управления; транспортировка лодки с помощью духов исследования по кровеносной системе Колибрила; переход из мозга Колибрила в тело Ралы под телепатическим сопровождением доктора, поскольку он лучше, чем любой анатом, знал своё тело. Лодка, приведённая в действие по инструкции Колибрила, бесшумно и шустро, как форель, поплыла по артериям и венам, пока не доплыла до того места, где доктор соединил стерильной трубкой своё тело с телом Ралы.

Но как только Смайк проплыл по этой трубке и оказался в теле Ралы, связь с Колибрилом мгновенно оборвалась. Яркое свечение внутренней поверхности лодки стало матовым, электрическое жужжание стихло. Он всё ещё мог смотреть наружу через прозрачную мембрану, но всё, что он видел, был чужой, безжизненный мир. Смайк мог положиться только на себя.

Мотор лодки молчал. Лодка парила в постепенно охлаждающейся и густеющей плазме в одной из вен, стенки которой были усеяны мёртвыми кровяными тельцами и прочими микроорганизмами. Это было похоже на поле битвы после проигранной войны.

Мёртвое тело Ралы – это было чем-то совершенно иным, чем посещение мозга Колибрила. Это не было научным помещением с парящими хранилищами, здесь не было кубов, пирамид, светящихся трапецеэдров и шаров, никаких улиц и городского плана. Здесь было всё связано и скручено, всё росло вперемешку, как в диком древнем лесу. Как он должен здесь ориентироваться? Колибрил наполнил его мозг знаниями, но именно анатомии среди них не было. Смайк не отличил бы мочеиспускательного канала от вены, нервного ствола от жировой клетки. Везде были улы,

желваки, завороты, наросты. Это уже сердце Ралы или это её печень? Находится он в ступне или в мозгу?

Единственной причиной, почему Смайк не впадал в истерику, было то, что и это тоже не помогло бы. Или помогло бы?

– Помогите! – закричал Смайк. – Пожалуйста, помогите!

– Помогите! – ответил тонкий, глухой, гнусавый голосок. – Пожалуйста, помогите!

– Пожалуйста, помогите!

– Пожалуйста, помогите!

Смайк испугался, поскольку он на самом деле не рассчитывал на какой-либо ответ. Шёл этот голос снаружи? Или был он здесь, в лодке?

– Эй? – крикнул он. – Доктор Колибрил? Это вы?

– Тебя зовут Колибрил?

– Как тебя зовут?

– Колибрил?

– Нет, э-э-э, меня зовут Смайк, я...

– Смайкя?

– Тебя зовут Смайкя?

– Привет, Смайкя!

– Смайк. Меня зовут Смайк.

– Его зовут Смайк.

– Смайк.

– Смайк. Смайк. Смайк.

Странно: голоса звучали одинаково, но казалось, что они принадлежат трём разным личностям.

– Что ты делаешь в нашей подкровной лодке, Смайк?

– Да, Смайк, оправдывайся!

– Выкладывай, Смайк!

– Это ...это ваша подкровная лодка? – спросил вместо ответа Смайк.

– Конечно.

– Вы – несуществующие крошки?

– Кто?

– Что?

– Как?

– Э-э-э, несуществующие крошки... Так вас называют... точнее... это Колибрил, который вас открыл... и...

– Вы зовёте нас несуществующими крошками?

– Э-э-э, да.

– Вот это да!

- Бесстыдство!
  - Почему бы не назвать нас сразу: Нестоящие упоминания отсутствующие?
  - Извините, но это не я придумал название.
  - Ты вообще мало думаешь.
  - Ты вообще не думаешь, что...
  - ...обижаешь нас.
  - Тогда скажите, как вас правильно зовут?
  - Мы не можем.
  - Невозможно.
  - Слишком рискованно.
  - Ах да! И почему же?
  - У нас есть имя, но это не имя с точки зрения твоих ограниченных понятий об имени.
  - Ты не поймёшь наше имя. Слишком сложно для твоего мозга.
  - Просто попытка произнести наше имя сведёт тебя с ума. Вообще-то это число. Для тебя – невозможное число.
  - Вы имеете в виду невозможно большое число?
  - Нет. Невозможно малое.
  - Безумно малое.
  - Такое малое, что время бежит назад, когда ты его произносишь.
  - А что если я не буду называть вас по именам и мы продолжим наш разговор просто так?
  - Это было бы невежливо.
  - Плохие манеры.
  - Ты всегда ищешь лёгкие пути, а? Смайк?
  - Чёрт! Тогда придумайте себе имя!
  - Я хочу, чтобы меня звали Смайк.
  - Я хочу, чтобы меня звали Смайксмайк.
  - А меня – Смайксмайксмайк.
  - Вы хотите быть Смайком, Смайксмайком и Смайксмайксмайком?
- Мы же тогда запутаемся... Скажите-ка, а ничего лучшего вам в голову не приходит?
- Нет, у нас нет фантазии.
  - Нет?
  - Нет. Мы преодолели фантазию в невозможно себе представить какое время.
  - В невозможно себе представить короткое или долгое время?
  - Скажи-ка, ты хочешь над нами поиздеваться, Смайк?

- Э-э-э, у вас что, нет чувства юмора?
- Нет. Мы преодолели юмор в невозможно себе представить какое время.
- Вы, в общем, много чего преодолели.
- Именно. Мы преодолели пространство и время. Боль и смерть.
- Войну и налоги.
- И самое главное – размер. Любой размер размера.
- Ага! А что тогда осталось?
- Числа. Только числа вечны.
- Тогда называйте себя числами. Например, один, два, три?
- Это не цифры, это слова.
- Чёрт! Тогда называйте себя, как хотите! Какие же вы зануды!
- Ты так и не ответил на наш вопрос.
- Что ты делаешь в нашей лодке?
- А?
- Я хочу заставить мёртвое сердце снова биться.
- Ой-ой-ой...
- Не много ли ты хочешь?
- Ну ты и замахнулся!
- Доктор Колибрил сказал...
- Итак, этот Колибрил достал уже меня, хотя я с ним даже не знаком.
- Сначала он называет нас крошками...
- Несуществующими крошками!
- Затем он крадёт нашу лодку...
- А теперь он хочет совершить с помощью неё чудо.
- Колибрил сказал, что чудес не существует. Только научные успехи, достигающие своим размером размеров чуда. Я думаю, что его расчёты сказали ему, что несущ... что вы мне поможете.
- Этот Колибрил! Он утверждает, что мы поможем совершить чудо кому-то, кто крадёт нашу лодку, хотя чудес не существует.
- Скажи нам хоть одну причину, почему мы должны тебе помочь.
- Только одну.
- Можно сказать, что это – сердечные дела.
- Ну, этому я поверю – кардиологическое вмешательство!
- Нет, я имею в виду любовь.
- О, боже мой!
- Любовь мы тоже преодолели.

- А ты знаешь, что любовь представляет собой такую цепочку чисел, что если из неё отнять ту же цепочку, то в результате получится ноль?
- Это верно для всех числовых цепочек.
- Да, и это тебя не пугает? Если ты долго над этим будешь думать, то...
- Ну, оставь его в покое! Что это за любовная история?
- Ой, только не надо становиться сентиментальным! Мы это уже проходили! Сентиментальность мы преодолели.
- Я просто спрашиваю! Я собираю факты. Голые, холодные факты.
- Это история о любви, которая выше смерти.
- Что, правда? Как роман... э-э-э, я имею в виду: расскажи ещё! Больше холодных, голых фактов.
- Речь идёт о любви, такой чистой и большой, что оба влюблённых много раз вступали в противостояние со смертью, чтобы найти друг друга. Но теперь, кажется, смерть всё же победила.
- Ужасно... э-э-э, я хотел сказать: интересно. Больше фактов!
- Да, больше!
- Больше, больше, больше!

Радость Гаунаба и страдание Фрифтара

Ворота арены открылись и Гаунаб крикнул от наслаждения. Он схватил подушку, прижал её к груди и с предвкушением ожидал момента, когда во время предстоящей резни он порвёт её в клочки и будет разбрасывать вокруг себя перья.

– Косколь ровгетинперволь детбу тобиу минымед миняпар? – спросил он Фрифтара.

– К расстрелу приведут полдюжины вольпертингеров, – ответил Фрифтар.

– Котоль шесть? – Гаунаб был разочарован. – Товакомел! Мучепо не цаънаддве?

– Я передал медным парням, что они должны убивать их медленно и должны использовать как можно больше стрел. Тогда это будет выглядеть, будто умирает целая дюжина.

Гаунаб ухмыльнулся и продолжил следить за представлением.

Фрифтар снова контролировал ситуацию в Театре красивых смертей. С сегодняшнего дня вольпертингеры займутся истреблением самих себя, вместо того, чтобы убивать ценных воинов театра. Тройное сражение

должно быть началом конца этой гордой расы. Вольпертингеры приходят и уходят, но только Театр красивых смертей вечен. Но хотя всё так отлично протекало, Фрифтар чувствовал себя нехорошо. Несмотря на всё происходящее в театре ему не удалось избавиться от того неприятного чувства, охватившего его сегодня утром, когда он увидел мёртвую вольпертингерку. Тревожное чувство было таким настойчивым, что Фрифтар постоянно вздрагивал, пытаясь от него избавиться. Может это грипп? Он не знал, как чувствуешь себя при гриппе. Он ещё никогда не болел.

Безобразия! Как может первый советник короля, на которого возложены обязанности охраны здоровья жителей Гела, быть больным? Фрифтар ещё раз вздрогнул и сконцентрировал своё внимание на сражении.

Крупное сражение

– Не плохо, – сказал Ушан. – Но мы должны ещё немного поднапрячься.

Они трое стояли, тяжело дыша, в центре арены.

– Ещё немного? – с трудом переводя дыхание, сказал Урс. – Чёрт побери, я приложил все усилия, чтобы убить тебя, Ушан! Ты не можешь упрекать меня!

– Нет, могу, – сказал Ушан. – Но теперь всё будет серьёзно. Я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали.

– Что же? – кашлянул Рольф. – Ещё больше сражения?

– Нет, вы должны меня убить.

– Что?

– Вы должны убить меня. Они в любой момент могут привести на арену вольпертингеров. И тогда уже будет слишком поздно, тогда умрёт слишком много наших сородичей. Вы должны убить меня, сейчас же! Это единственный шанс для наших друзей!

– Они их всё равно убьют, – сказал Рольф. – Мы должны действовать. Втроём мы можем взобраться в королевскую ложу.

– Медные парни нащипгуют нас стрелами до того, как мы в ней окажемся, – сказал Ушан. – Убейте меня! – умоляюще сказал он. – Я прошу вас. Сделайте это быстрее, пока ещё не поздно!

– Уже поздно, – сказал Урс и указал мечом на ворота.

На арену выходили вольпертингеры – но они были не старыми и дряхлыми, и их было далеко не шесть. Это были молодые, сильные, до зубов вооружённые вольпертингеры и они выходили десятками из всех

ворот на арену. Рольф увидел своих друзей – Биалу, Таско и Олега. Урс увидел своих соседей-тройняшек. Ушан увидел множество учеников из своей фехтовальной школы.

Самым последним на арену вышел Румо.

По трибунам зрителей пронёсся рокот. Гелцы и гомункелы вскакивали со своих мест. Фрифтар ошалело уставился на толпу, Гаунаб визжал, медные парни схватились за оружие. Румо выбежал в середину арены, где всё ещё стояли Рольф, Урс и Ушан и с удивлением смотрели на выход вольпертингеров.

– Привет, Румо, – сказал Урс. – Где ты всё это время пропадал?

– У меня были кое-какие дела.

– Ты всех освободил? – спросил Ушан.

– У меня были помощники, – ответил Румо.

– Где Рала? – спросил Рольф. – Почему её нет со всеми?

– Рала мертва, – ответил Румо.

– Это правда?

– Её пытал и убил некто по имени генерал Тиктак. Я надеялся найти его здесь. Кому-нибудь знакомо это имя?

Рольф заплакал. Остальные, молча, качали головами.

– Где она? – спросил Рольф.

– Двое моих друзей охраняют её тело. Мы заберём её после того, как разберёмся тут. А теперь мы должны сражаться.

– Да, – сказал Ушан де Люкка. – Теперь мы должны сражаться.

Румо поднял вверх свой меч, чтобы Гринцольд и Львиный зев смогли рассмотреть театр. Солдаты с трибун бежали к выходам на арену.

– *Боже мой!* – сказал Львиный зев.

– *О, чёрт!* – простонал Гринцольд. – *Да здесь же больше работы, чем я когда-либо мечтал!*

Акустическое уютное управление

– Это самая трогательная история, которую я только слышал.

– Да. Хотя мы давно уже преодолели трогательность.

Третий голос всхлипывал.

– Ну, так что? – спросил Смайк. – Вы мне поможете? Покажете дорогу к сердцу Ралы?

– Хорошо, Смайк.

– Мы поможем тебе.

- Но только с одним условием.
- Я сделаю всё, что в моих силах. Что вы хотите?
- Мы скажем об этом, когда наступит время.
- Но это же может быть всё, что угодно!
- Ты торгуешься?
- Он хочет торговаться!
- Пойдём отсюда! Хотелось бы посмотреть, как он...
- Хорошо, хорошо! – воскликнул Смайк. – Я сделаю всё, что вы захотите.
- Хорошо. Торговлю мы тоже, в общем, преодолели.
- Мы привыкли, что все делают то, что мы им скажем.
- Самокритику мы тоже преодолели. Мы непогрешимы.
- Смайк вздохнул.
- Хорошо. Значит, можем начинать. Вы придумали себе имена?
- Да. Мы хотим называться несуществующими крошками.
- Всё-таки?
- Мы всё обдумали. Это вообще-то отличное имя. Очень точно нас характеризует.
- Мы такие маленькие, что нас почти нет.
- Несуществующие крошки – идеальное имя.
- Я хочу зваться несуществующая крошка номер один.
- Я хочу зваться несуществующая крошка номер два.
- Я хочу зваться несуществующая крошка номер три.
- Будет весело, – сказал Смайк. – Что я должен делать?
- Ты должен активизировать акустическое Уютное управление, – сказала несуществующая крошка номер один.
- Ты должен мурлыкать, – сказала несуществующая крошка номер два.
- И твоё мурлыканье должно соответствовать нашим высочайшим требованиям, – сказала несуществующая крошка номер три.
- Ххххххххрррррр, – замурлыкал Смайк. – Ххххрррррр....
- Это не мурлыканье, – сказала несуществующая крошка номер один.
- Это жужжание, – сказала несуществующая крошка номер два.
- Ты кто? – сказала несуществующая крошка номер три. – Шмель?

Штурм

Румо опустил меч. Вольпертингеры восприняли это как сигнал к штурму стен арены. Они строили живые лестницы, становясь друг другу на плечи, используя своё оружие и скрещенные руки в качестве ступенек. Уже через несколько секунд десятки вольпертингеров преодолели ограждение. Зрители запаниковали, раздались крики и все бросились к выходам.

Рольф посмотрел вверх на медных парней. Пара парней выпустила медные стрелы в сторону арены, но большинство из них неожиданный выход вольпертингеров настолько ошеломил, что они всё ещё никак не могли зарядить свои арбалеты.

– Я захвачу короля, – сказал Рольф.

– Я остаюсь тут, внизу, – сказал Ушан. – Здесь хватает работы.

Из ворот на арену высыпали первые солдаты. Их было гораздо больше, чем вольпертингеров, и они были вооружены до зубов.

Рольф побежал к балкону сумасшедшего короля.

Лестница

Фрифтар реагировал мгновенно. Такую ситуацию он уже сотни раз прокручивал у себя в голове. Мятеж. Это то, что советник короля должен принимать во внимание. Сначала он должен успокоить эту орущую обезьяну. Он протянул руку, король схватил её и вцепился в неё зубами. Фрифтар даже не поморщившись, перенёс боль.

– Что мы дембу чассей латьде? Что мы дембу чассей латьде? – пищал Гаунаб. – Что мы ныдолж латьде?

– Не волнуйтесь, ваше величество! На такой случай у меня всё подготовлено. Мы же повторяли с вами это множество раз.

– Я всё былза! – плаксиво сказал Гаунаб.

– Сблизиться! – приказал Фрифтар солдатам, после чего они выстроились вокруг ложи в стену, за которой спрятались Фрифтар и Гаунаб.

"Я так и думал, что ты, сумасшедший тупица, опять всё забудешь!" – подумал Фрифтар, но сказал:

– Я знаю, что ваше величество слишком занято более важными делами, чтобы помнить о подобных банальностях. Сначала мы откроем трон.

– Мы емкроот трон?

Фрифтар отпустил руку Гаунаба и подошёл к трону. Он толкнул вперёд один из рычагов, и королевское кресло разделилось посередине на две части. Под ним оказалась каменная плита, которая тотчас же отъехала в сторону и открыла проход к лестнице, ведущей внутрь театра.

– Цанилест! Цанилест! – закричал Гаунаб и захлопал в ладоши.

– Ну вот, вы всё вспомнили! Теперь мне нужно ваше согласие, так как я не имею права сам принимать решения. – Фрифтар вынул маленький свиток. – Можно подать сигнал вражок-тревоги?

Гаунаб съёжился.

– Киховра? Тоэ нотельзабьяо?

– Боюсь, ваше величество, да. Вы видели, как сражаются вольпертингеры. Мы должны использовать все наши возможности. Я думаю, одного враока будет достаточно.

– Ну, нолад! Лиес тоэ нотельзабьяо. Вайдапо налсиг хоквра-гивотре!

– Премного благодарен, ваше величество! – Фрифтар нагнулся и вынул из-под трона маленькую свинцовую клетку. Он открыл дверцу, вынул трепыхающуюся летучую мышь и прикрепил к её лапке свиток. Чёрный зверёк расправил свои кожаные крылья и Фрифтар отпустил его. Летучая мышь поднялась в воздух и полетела, бешено размахивая крыльями.

– Тиле! – крикнул ей вслед Гаунаб. – Тиле к камховра!

Королевский советник взял Гаунаба за руку.

– Позвольте, ваше величество? – спросил он.

Они отвернулись от шумной арены и, держась за руки, спустились вниз по потайной лестнице. Каменная плита вернулась на место, и трон сдвинулся в прежнее положение. Фрифтар и Гаунаб исчезли, а солдаты, закрывавшие их всё это время, бросились к арене.

Идея Укобаха

Укобах прятался в тоннелях под театром. Он считал, что в последнее время он проявил достаточно героизма, но к сражению на арене всё ещё не был готов. В отличие от Рибезела, он никогда не учился пользоваться оружием.

Укобах размышлял. Его наибольшей ценностью были знания архитектуры театра. Как же он может использовать эти знания в пользу повстанцев?

Ой!

У него появилась идея, такая пугающая, что он её сразу же попытался забыть, спрятать обратно в мозгу, как чёртика, неожиданно выскакивающего из табакерки. Это же безумие! Идея под стать безумию Гаунаба! Нет-нет, быстро забыть!

Или? Это сумасшествие, но это создаст мощное впечатление. Нет! Слишком опасно! Вероятно, Укобах погибнет первым.

Но тут он подумал о Рибезеле. Он не сомневался ни секунды, когда получил опасное задание – защищать вольпертингеров. А Укобах сидит тут в темноте и скрывается от ответственности.

Он ещё раз обдумал свою идею: да, она совершенно сумасбродная, рискованная и непредсказуемая. Укобах глубоко вздохнул и пошёл вниз в подвал к опасным хищникам.

Белое пламя

Когда Рольф перепрыгнул через ограду королевской ложи, то короля он там не нашёл. Сумасшедший монарх и его советник исчезли. Вместо этого он увидел перед собой группу солдат, две дюжины лучших солдат Гела, горящих желанием вступить в сражение.

В последние дни Рольф тысячу раз мысленно проигрывал эту сцену: он взбирается в ложу, берёт короля в заложники и требует освобождения Ралы.

Но только сейчас до Рольфа дошло, что Ралы, которую нужно освободить, больше нет. И короля, которому можно было бы отомстить, тоже нет. Только две дюжины солдат в чёрной форме, вытаскивающих оружие и подходящих к нему. Перед Рольфом возникла стена белого огня. Вся ложа вдруг оказалась охвачена светлым пламенем, но что было странным – огонь не был горячим, он был холодным, он не обжигал Рольфа, он наполнял его ледяным холодом.

Все, кто мог видеть это с рядов зрителей, сразу же отворачивались, те, кто не мог отвернуться, стали свидетелями жестокой резни. Рольф был тут и там, быстрее, яростнее, безжалостнее, чем любой из его врагов. У него было достаточно оружия и он использовал его полностью, и даже свои зубы. Там, где он появлялся, раздавался грохот, летели щепки, что-то разрубалось на две части и раздавался ужасный вопль. Рольф двигался в белом пламени и на этот раз оно было особенно светлым и длительным.

Когда Урс взобрался на балкон, королевской охраны больше не было. Всё, что он мог сделать, это крепко схватить Рольфа.

– Ты можешь остановиться, – сказал он. – Они все мертвы.

Триумф Гринцольда

Румо сражался на арене плечом к плечу с Ушаном де Люккой.

– Вжик, вжик, вжик, – кричал каждый раз учитель фехтования, размахивая клинком между солдатами, которые падали при этом как подкошенные.

– Знаешь, Румо, что мне здесь внизу больше всего нравится? – крикнул он.

– Нет! – ответил Румо.

– То, что здесь нет никакой погоды!

Румо не ответил. Он был слишком занят, чтобы разговаривать о погоде.

– ***Сражение***, – не переставал стонать Гринцольд. – ***Наконец-то сражение!***

– ***Осторожно! Сзади!*** – крикнул Львиный зев и Румо успел увернуться от удара топором.

– ***Гневный жнец!*** – приказал Гринцольд и Румо нанёс солдату с топором указанный удар.

– Я бы хотел перед тобой извиниться, – крикнул Ушан.

– А? За что?

– Я тебя недооценил, парень!

– ***Осторожно!*** – крикнул Львиный зев. – ***Слева. Удар мечом. Пригнись!***

Румо пригнулся и клинок пролетел над ним.

– ***Ответный удар!*** – командовал Гринцольд. – ***Двойной удар!***

Румо нанёс удар сверху вниз, держа оружие обеими руками, и разрубил шлем солдата.

– ***Они отступают!*** – заметил Львиный зев.

– ***Уже?*** – Гринцольд был разочарован.

Охранники театра на самом деле отступали. Они поняли, что их количественное преимущество не производило должного впечатления на вольпертингеров – арена была усеяна телами мёртвых солдат, но почти все вольпертингеры продолжали сражаться. Охранники отступали в подвалы театра.

Румо посмотрел на ряды зрителей.

Публика находилась в панике, раздавались пронзительные крики, толпа затыкала выхода, зрители падали и топтались друг по другу. Вольпертингеры, как взбесившийся рой пчёл, двигались между ними, вездесущие и опасные. Они разошлись по рядам, нападали на солдат и одним своим присутствием приводили зрителей в панический ужас. Больше всех паниковали гелцы. Они толкались, пихались и затаптывали своих сородичей до смерти. Так близко сражение к ним ещё никогда не приближалось и теперь они в первый раз поняли, что значит опасаться за собственную жизнь.

Вольпертингеры двигались так быстро среди зрителей, что медные парни не знали куда стрелять. Время от времени они выстреливали в толпу, но при этом стрелы попадали в основном в их союзников, а не во врагов.

Румо вытер меч о плащ мёртвого солдата. Это ещё не было победой, это было лишь началом сражения. Театр красивых смертей шатался, но Румо решил, что будет сотрясать Гел, пока он не развалится на куски. Он будет делать это во имя Ралы.

В сердце

Смайк перестал мурлыкать. Электрическое жужжание прекратилось и лодка остановилась.

– Мы на месте?

– Нет, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Но мы уже в сердце, – сказала несуществующая крошка номер два.

– В мёртвом сердце, – сказала несуществующая крошка номер три.

– Почему мы остановились?

– Нам кажется, мы что-то услышали.

– Здесь, внутри? Но тут же всё мёртвое.

– Да, вероятно мы ошиблись.

– Я думал, что вы никогда не ошибаетесь.

– Да, и это нас тревожит. Если нам кажется, что мы что-то слышали, значит, мы это на самом деле слышали.

– Но сейчас мы ничего не слышим.

– Хорошо. Значит, мы можем ехать дальше, – сказал Смайк.

– Ещё минуточку, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Мы должны сообщить тебе важную вещь, – сказала несуществующая крошка номер два.

– Вопрос жизни и смерти.

– Я знаю, – сказал Смайк. – Речь идёт о жизни Ралы.

– Не только.

– Что вы имеете в виду?

– Сейчас речь идёт и о твоей жизни.

– Почему? Что-то не так?

– Мы заметили, что нашим приводным роторам всё сложнее крутиться.

– Кровь сворачивается.

– Чем больше она сворачивается, тем сложнее передвигаться.

– И что это значит?

– Это значит, что мы ещё сможем добраться до цели. А если операция пройдёт успешно, то и назад, так как плазма снова станет жидкой. Но если операция не удастся и кровь полностью свернётся, то мы не сможем даже сдвинуться с места. Тогда эта лодка станет твоим гробом, заключённым в мёртвой крови.

Смайк икнул.

– Но сейчас мы ещё можем вернуться.

– Это мы хотели тебе сказать.

– Ты должен принять решение. Мы ещё можем повернуть.

Смайк задумался.

– Каковы шансы, что операция пройдёт успешно?

– Как всегда в рискованном деле: пятьдесят на пятьдесят.

– Вы имеете в виду, что это – игра?

– Можно и так сказать.

– Тогда сыграем!

– Как пожелаешь, Смайк. Не можешь ли опять начать мурлыкать?

Девиз

Визг публики, грохот оружия и крики боли, раздающиеся из Театра красивых смертей, говорили Рибезелу и вольпертингерам, что попытка освободить пленников удалась. Они забрали себе оружие пленных солдат и теперь неуверенно топтались на месте.

– Они сражаются, – сказал Рибезел. – Слышите шум?

– И наверняка лучше, чем ты, – сказал Йодлер-с-гор. – Мы же вольпертингеры. Я слышу, какими мечами они пользуются. Мы старые, но не глухие.

– Что нам делать? – спросил Рибезел.

– Мы пойдём туда и присоединимся к ним, – сказал бургомистр.

– Но Румо сказал, что мы должны ждать.

– Это он сказал, когда у нас ещё не было оружия. Но сейчас ситуация изменилась.

Йодлер-с-гор повернулся к вольпертингерам.

– Что скажете, приятели? Мы слишком стары для сражения?

– Конечно, – сказала Ога Железнодорожная и подняла вверх дубинку. – Пойдём в бой, пока мы не умерли от старческой слабости.

– А что ты думаешь? – спросил бургомистр гомункела.

Рибезел поднял своё копьё.

– Мы уже давно умерли, – сказал он. – Просто нас ещё не похоронили.

– Отличный девиз! – сказал бургомистр. – Сам придумал?

– Нет, – ответил Рибезел. – Мой друг.

Чудовища

"Я уже давно умер!" – думал Укобах. – "Просто меня ещё не похоронили".

Разум или безумие продиктовали идею выпустить на волю диких животных Театра красивых смертей? Если отбросить в сторону этот вопрос, то всё ещё оставались два других, существенно более важных вопроса: сколько зверей нужно выпустить? и каких?

Укобах видел около дюжины хищников. Было слишком опасно выпускать их всех, в этом он был уверен. Укобах остановился на трёх. Три любых экзотических чудовища, этого должно быть достаточно, чтобы усилить хаос.

Но какие двери ему открыть? Он помнил, где находился рубиново-красный паук. Укобах боялся выпускать это чудище, но он должен. Остальные два он выберет наугад: просто откроет любые две двери и как можно быстрее убежит!

С дико бьющимся сердцем подошёл Укобах к двери, за которой находился гигантский паук. Он спит? Бодрствует? Подозревал ли он, что тот, кто совсем недавно стоял в дверях его камеры, настолько туп, что сделает это сейчас во второй раз?

Укобах глубоко вдохнул.

Он нажал на большую ржавую дверную ручку и распахнул дверь. Он даже не заглянул внутрь, а просто побежал дальше и открыл следующую дверь. Чудовищное шипение и ужасная вонь вырвались из-за двери, но Укобах уже был у следующей двери. Затем он добежал до лестницы, поднялся на пару ступенек и остановился, чтобы обернуться и посмотреть, что он натворил.

Паук с крыльями мотылька уже вышел из своей тюрьмы. Он кружился на месте и хлопал крыльями, пытаясь сориентироваться в новой обстановке.

Позади него из соседней камеры вышла крыса-альбинос, размером с крокодила, с белоснежным мехом, красными когтями и длинным красным хвостом. Там, где у обычных крыс расположены глаза, у этого слепого существа росли белые щупальца метровой длины. Крыса раздражённо зашипела, обнажив жёлтые острые зубы, и щёлкнула хвостом.

Из третьей двери вышел кристальный скорпион – существо из ледяного мира холодных пещер, гигант пяти-шести метров ростом. Он был совершенно прозрачный, его тело, казалось, состояло только из опасных острых углов и краёв. Укобах слышал на уроке биологии об этом существе. Одно прикосновение к его телу наносило тяжёлые ранения, которые парадоксальным образом походило на самые тяжёлые ожоги. Скорпион разрезал воздух своими клешнями и поднял стеклянное жало, из которого он мог разбрызгивать яд, превращающий жертв в доли секунды в лёд.

Три самых опасных существа подземного мира и Укобах выпустил их на волю! Он всё ещё как загипнотизированный стоял на лестнице. Гигантский паук закончил осмотр, подогнул лапы, взъерошил шерсть и, размахивая крыльями, поднялся в воздух.

Укобах очнулся. Ужасное насекомое, подёргивая лапами, летело в его сторону. Вероятно, оно решило, что из всех существ в подвале это маленькое двуногое будет легче всего завернуть в кокон.

Укобах огромными шагами побежал вверх по лестнице.

Камера

Гаунаб сидел в углу камеры и рассеянно смотрел на своего советника. Помещение под театром, куда Фрифтар привёл короля, официально не существовало. Дверь его выходила в коридор и была так замаскирована, что её невозможно было увидеть. Работники, построившие это помещение, были отравлены Фрифтаром собственноручно.

Гаунаб успокоился и испуганно отдался в руки Фрифтару. У него ни разу не возникло даже мысли о возможности мятежа или свержении короля. Но всё нагрянуло столь неожиданно, что король превратился в беспомощного, испуганного ребёнка.

– Здесь ваше величество находится в абсолютной безопасности, неважно, что происходит снаружи, – попытался успокоить Гаунаба Фрифтар. – Никто кроме вас и меня не знает о существовании этой комнаты. Здесь достаточно припасов и медикаментов на несколько недель. Всё сделано для вашего удобства.

Фрифтар указал на стол с фруктами, сыром, хлебом и напитками.

– Но мучеплодно так ютпатупо? – ныл Гаунаб. – Тоэ же ношчерезап!

– Да, это запрещено так вести себя в Театре красивых смертей. И поверьте мне, ваше величество, мы накажем каждого, кто решился поднять против вас оружие.

– Да, жикана их! – приказал Гаунаб. – Жикана их ношадпобес!

– Мы накажем их, ваше величество. Всех без исключения, самым жестоким образом. Но я должен снова подняться наверх, чтобы заняться правосудием. Я буду держать вас в курсе событий. Может быть, вы поспите немного, чтобы быть посвежее. Лекарства и вино стоят на столе.

– Да, спать, – сказал Гаунаб и пошёл к столу с наркотиками. – Тоэ мне жетмопо.

– Тогда желаю вам спокойного сна. Вероятно, когда вы проснётесь, всё будет снова по-прежнему.

Фрифтар, нажав на специальный камень, открыл тайную дверь. Он вышел наружу и снова закрыл дверь. Одно мгновение он думал о том, чтобы оставить этого маленького идиота гнить в камере, заперев снаружи дверь и похоронив его, таким образом, заживо. Это была приятная мысль, но, к сожалению, Фрифтар был последним, кого видели рядом с монархом, и поэтому подозрение сразу же упадёт на него.

Фрифтар глубоко вздохнул. Король был в безопасности. Теперь он должен заняться вольпертингерами. Как им удалось освободиться из камер? И где пропадает этот проклятый генерал Тиктак, когда в нём так нудаются?

Скорбь Тиктака

Скорбь генерала Тиктака становилась всё сильнее. Она пожирала его как стервятник, беспрестанно отрывая от него куски, – он даже не представлял себе, что способен ощущать подобное. Он не знал, сколько времени он провёл в оружейной кузнице, пытаясь алмазными клещами распотрошить свои внутренности, чтобы найти это загадочное нечто, сидящее глубоко внутри него и причиняющее эту боль. Он разрезал свой панцирь, сломал свои сияющие рёбра и испортил кое-какие смертельно опасные механизмы внутри себя. Но он ничего не нашёл, как будто это нечто было подвижным, таким умным и хитрым, как Рала когда-то. Оно пряталось, сбегало от него и смеялось над ним.

В конце концов, он сдался. Он с бешеным криком отбросил клещи в сторону. Бешенство, да, бешенство – это единственное, что у него осталось. Он хотел сражаться. Он хотел всё разрушать. Он хотел убивать. Генерал Тиктак направился к Театру красивых смертей. Это была чёрная полоса в его жизни и он сделает всё возможное, чтобы она стала ещё чернее.

Сердце сердца

Подкровная лодка снова остановилась.

– Где мы? – спросил Смайк.

– Мы на месте, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Мы приплыли в аорту. Мы находимся в сердце сердца, – сказала несуществующая крошка номер два.

– Здесь обычно протекает жизнь жизни, – сказала несуществующая крошка номер три. – Но сейчас здесь вообще ничего не протекает.

– Я ещё ни разу не видел мёртвого сердца.

– Здесь кто-то неплохо потрудился.

– Да. Тут кто-то хотел обыграть смерть.

– И ему удалось.

– И что нам делать? – спросил Смайк.

– Теперь начинается кропотливая работа.

– Мы ищем точки подключения. Шесть микроскопически маленьких точек.

– Амалориканский адапс.

- Галлюцигенский синант.
- Опабиниатскую мембрану.
- Йохоянский холмик.
- Айсхеианистский эпиксель!
- И одонтагрифский зев.
- Понимаю. К ним мы подключим инструменты, верно?
- Именно. Ауратишские инструменты несуществующих крошек.

Самые маленькие, но самые мощные хирургические инструменты из всех когда-либо существовавших.

– И что потом произойдёт? – спросил Смайк.

– Сначала мы должны найти точки подключения. Это уже достаточно сложно. Они ещё меньше, чем мы.

– Можешь себе представить?

– Нет, не можешь.

Смайк вздохнул.

– Если мы их найдём – а это ещё неизвестно, – тогда мы начнём использование ауратишских инструментов. И вот в этот момент ты можешь начинать за нас болеть.

– Но сейчас ты можешь опять немного помурлыкать.

– С удовольствием! А для чего? Чтобы усилить энергетическое поле лодки или что-то подобное?

– Нет.

– Чтобы ты заткнулся.

– Нам нужно сконцентрироваться.

Красное чудовище

Театр заметно опустел. На трибунах всё ещё были паникующие зрители, но очевидно кто-то позаботился о том, чтобы солдаты занялись эвакуацией зрителей.

На арене Рольф и Урс подошли к Румо и Ушану. Олег, Таско и Биала стояли там же. Они пытались вместе выработать стратегию.

– Скоро ряды опустеют, – заметил Ушан де Люкка. – А затем им достаточно просто закрыть выходы и эти металлические парни начнут в нас стрелять. Мы должны уходить отсюда.

Олег Дюнный был занят тем, что бросал камни из своей пращи в солдат в рядах зрителей.

– Мы должны идти на балкон к этим медным парням, – сказал он между двумя бросками. – Если мы с ними разберёмся, то исход сражения ясен.

– Их невозможно победить, – бросил Урс. – Они из металла. Это было бы самоубийством.

Вдруг по театру пронёсся крик, более отчаянный и испуганный, чем вопли зрителей.

Укобах выбежал из ворот на арену, дико вопя и размахивая руками.

– Помогите! – кричал он. – Румо! Помогите!

Вольпертингеры, медные парни, солдаты – все замерли, так как за Укобахом через ворота на арену выбежал рубиново-красный монстр на длинных лапах, мгновенно привлёкший всеобщее внимание.

Как только гигантский паук увидел вокруг себя всех этих существ, он остановился. Он поворачивался вокруг себя на своих восьми лапах, его крылья возбуждённо трепетали.

Укобах задыхаясь, подбежал к Румо и его товарищам.

– Это Укобах. Он мне помог вас освободить, – представил он его своим друзьям.

– Очень приятно, – сказал Ушан, вежливо поклонившись. – Но скажи-ка, Укобах, кого это ты с собой притащил?

Он указал шпагой на монстра, с чьих губ капала гнойная слюна.

– Это паук, – сказал Укобах, пытаясь спрятаться за спиной Румо. – Гигантский паук с крыльями. Без понятия какой идиот его выпустил.

Чёрные исполины

Рибезел маршировал к Театру красивых смертей со своим маленьким, но решительно настроенным отрядом пожилых вольпертингеров. Когда они вышли на перекрёсток, то путь им преградила вражеская армия.

Таких существ Рибезел ещё никогда не встречал в Геле. Они были огромными, с головы до ног завёрнуты в чёрные плащи, головы скрыты под большими капюшонами. И у всех воинов было абсурдно большое оружие – топоры, мечи и шипованные дубинки. Их было несколько сотен и от них исходил гнилостный запах, заставлявший думать об открытом гробе. Вольпертингеры и Рибезел приготовились к сражению.

Вожак вражеских солдат, огромный парень с ещё более огромной косой, поднял руку и воскликнул низким голосом:

– Эй! Псины! Вы – вольпертингеры? Тогда вы точно должны знать, где мы можем найти этого тупицу Румо.

– Вы ищете Румо? – спросил бургомистр. Он шагнул вперёд, держа наготове меч. – Что вам от него нужно?

– Мы хотим ему помочь, – пробурчал чёрный великан. – Могу себе представить, в какие неприятности он вляпался.

Рибезел подошёл к бургомистру:

– Мы идём на помощь к Румо. Кто вы?

– Мы – мёртвые йети, – снова пробурчал великан и отбросил свой капюшон назад, чтобы показать свой чёрный череп.

Рибезел и вольпертингеры отпрянули назад.

– Не бойтесь, – сказал чёрный. – Мы не так мертвы, как выглядим. Меня зовут Шторр. Шторр-жнец. Я тут, поскольку мне в голову пришла кое-какая идея.

– И что за идея пришла тебе в голову Шторр, э-э-э, Жнец? – спросил бургомистр.

– Это тебя не касается, – ответил Шторр. – Это я могу только Румо рассказать. Итак, вы знаете, где он?

– Вы можете сражаться? – спросил Рибезел.

Шторр повернулся к своим парням.

– Как думаете, парни, мы можем сражаться?

– Нет! – крикнул один йети из последних рядов.

Прощание Тиктака

Боль превратилась в бешенство, скорбь в жажду сражения – кажется, данный момент был очень удачным для генерала Тиктака, поскольку в Геле царил хаос. Чем ближе он подходил к театру, тем больше ему навстречу бежало кричащих и раненых граждан и солдат.

Тиктаку было безразлично, горел ли город ярким пламенем, сожрал ли Гаунаб Фрифтар или, может быть, весь подземный мир разваливался на части. Любое горе, отвлекающее его от собственного, радовало его.

Ему требовалось оружие. Больше, чем было спрятано в его теле. Ему нужно то огромное оружие, которое было специально изготовлено для его нужд. Генерал Тиктак повернул к своей башне.

Что может произойти за пару часов! Когда он направился в оружейную мастерскую, Гел дремал в безмятежном сне. Теперь же в городе царило безумие. Великолепно! Грохот сражения доносился со стороны Театра красивых смертей и это был не привычный звон дюжины мечей, сопровождаемый рёвом зрителей. Это был настоящий звук войны!

Генерал Тиктак вошёл в башню. Он взял огромный меч, скованный лично для него из руды подземного мира, и гигантский чёрный топор. Его любимое оружие. Никаких технических штучек, простой шлифованный металл. Ничего лучше для убийства не существует!

Тиктак замер на мгновение. Может быть, подняться к медной деве? Ещё раз увидеть Ралу? Последний раз? Он даже не попрощался с ней.

Трепещущий гость

– У нас новости, Смайк! – сказала несуществующая крошка номер один.

– Одна хорошая и одна плохая, – сказала несуществующая крошка номер два.

– Что? – спросил Смайк, который под собственное мурлыканье и электрическое жужжание подкровной лодки чуть не уснул. – Какие?

– Сначала хорошая: мы нашли точки подключения.

– Правда? Отлично! Тогда давайте начнём!

– Секундочку! А теперь плохая новость: они охраняются.

– Охраняются? – Смайк выпрямился.

– Посмотри через мембрану.

Смайк потёр глаза и посмотрел наружу через прозрачную мембрану. Он проснулся окончательно от того, что он там увидел.

– Что это такое?

– Да, мы тоже задали себе этот вопрос, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Но до того как мы нашли ответ на него, это снова изменилось, – сказала несуществующая крошка номер два.

– Оно постоянно меняет цвет и форму, – сказала несуществующая крошка номер три. – Это непостижимо.

"Непостижимо" было самым подходящим описанием существа, которое парило там снаружи в мёртвом мире Ралы. Создание постоянно меняло свой отвратительный внешний вид и цвет. При этом оно постоянно трепещало, как будто каждый раз кто-то вправлял вывихнутую кость.

– Что это? – спросил Смайк ещё раз.

– Мы всё ещё ищем ответ на этот вопрос, - сказала несуществующая крошка номер один.

Чужеродный организм снова сменил цвет, треснул и выпустил облачко слизи.

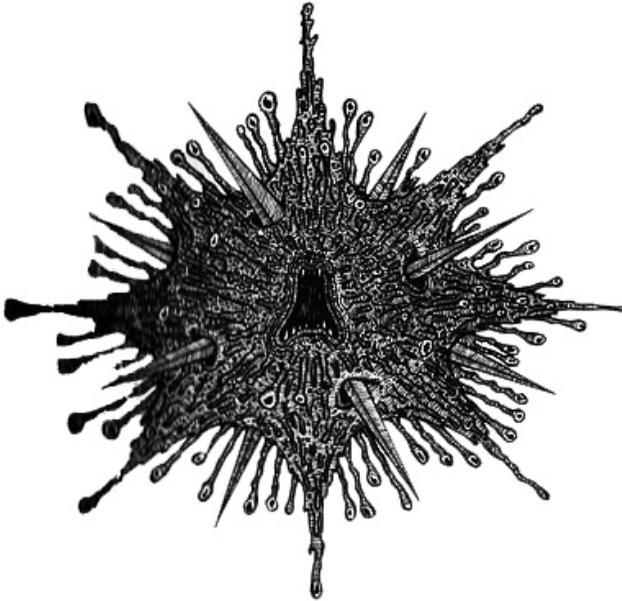
– Этот звук мы уже давно слышали. Мы действительно не ошибаемся. В этом мёртвом мире всё ещё существует жизнь.

– Мы подозреваем, что это какая-то болезнь. Болезнь, ставшая причиной всего этого.

– Болезнь? – спросил Смайк. – Что забыла болезнь в мёртвом теле?

Сюрприз Цифоса

Наводящее ужас, парящее в свернувшейся крови, существо, которое Смайк увидел сквозь мембрану, было сюрпризом, изначально предназначенным для генерала Тиктака. Речь шла о той маленькой коварной особенности, которую Тихон Цифос добавил своему Подкожному эскадрону смерти: он добавил часового смерти.

Когда алхимик уже достаточно далеко продвинулся в своей работе по созданию эскадрона смерти, у него возникла креативная идея. "Если я уже создаю", – подумал Тихон, – "абсолютно опасную болезнь, то почему бы не наделить её всеми возможными подвохами".

В болезни было собрано достаточно коварства, чтобы называться самой ужасной болезнью: она была мучительной и смертельной, она передавалась необычным путём и была неизлечима. Но одной вещи она не могла, такой, на которую была неспособна ни одна болезнь: действовать дальше, после того, как вирус покинул тело.

Тихон, который уже давно воспринимал своё создание, как военный отряд, представил себе последнего часового, который будет оставлен в теле на случай попытки вернуть мёртвое тело к жизни. С подкожным эскадроном смерти он создал единственную болезнь, которая после проделанной работы могла охранять свой разрушительный труд.

– Смайк! – воскликнула несуществующая крошка номер один.

– Всё в порядке, Смайк? – спросила несуществующая крошка номер два.

Смайк наблюдал за чужеродным потрескивающим существом как за злобным духом. На что оно способно? Может ли оно на самом деле помешать операции? Смайк должен согласиться, что оно выглядело так, будто могло делать в этом микроскопическом мире абсолютно всё, будто оно имело подходящий образ для любых потребностей. Оно выглядело непобедимым. Это был новый властелин тела Ралы.

– И что мы теперь будем делать? – спросил Смайк.

– Послушай-ка, Смайк! – сказала несуществующая крошка номер один. – Сейчас мы скажем тебе по-настоящему неприятную вещь.

– Что?

– Ты должен выйти из лодки и убить это существо.

– Что? Вы шутите?

– Нет, Смайк, мы не шутим. Ты же знаешь: юмор мы преодолели.

– Но я не могу.

– Помнишь о нашем договоре? – спросила несуществующая крошка номер два.

– Каком договоре?

– Уже забыл? – спросила несуществующая крошка номер три. – Что мы можем от тебя что-либо потребовать.

– Да, помню.

– И знаешь что, Смайк?

– Нет.

- Об этом одолжении мы даже не будем тебя просить.
- Нет?
- Нет. Это было бы лишним.
- Ты должен сделать это в любом случае.
- Ты должен высадиться и убить это существо. Это твоя единственная возможность выжить.

Камера пыток

Генерал Тиктак неуклюже подошёл к лестнице и положил своё оружие на нижнюю ступеньку. Медная дева. Там, наверху. С мёртвым телом Ралы внутри. Он поставил ногу на первую ступеньку. Дело всей его жизни. Его большая любовь. Да, он должен попроситься.

Он шагнул на вторую ступеньку. Его крупнейший триумф и его единственная любовь – всё разрушено его собственными руками. Боль внутри него снова дала о себе знать.

Рала, Рала, Рала, – стучало внутри.

Тиктак поднимался дальше. С каждой ступенькой боль росла, становилась невыносимее. Смерть, над которой он хотел одержать триумф вместе со своей медной девой, украла его победу и оказалась загадочнее и непредсказуемее, чем он думал. Это было его крупнейшим поражением.

Рала, Рала, Рала, – стучало внутри него.

Вот он стоит перед камерой пыток, нужно лишь распахнуть дверь и тогда он её увидит. Неизвестно в каком состоянии, в беспощадных лапах болезни Тихона Цифоса. Тиктак вспомнил, как отвратительно выглядел алхимик, как быстро разлагалось его тело.

Он взялся за дверную ручку и потянул дверь. Нет, вида Ралы он не вынесет. Никогда. Он вернётся позже и сожжёт башню. А сейчас он должен убивать.

Генерал Тиктак повернулся и спустился вниз. Он поднял своё оружие и направился к секретному проходу, ведущему под землёй в Театр красивых смертей. Он хотел показать Фрифтару и его сумасшедшему королю, как выглядит настоящая битва. Или ещё лучше, он хотел им показать, как выглядит война.

Паук

– Ты это сделал? – спросил Румо Укобаха тихо, чтобы другие их не услышали. – Ты выпустил это чудовище?

– Нет, – шёпотом ответил Укобах. – Я выпустил три чудовища.

Паук всё ещё вертелся вокруг своей оси на тонких лапах и помахивал крыльями. Он не мог решиться, какому из всех этих лакомых кусочков он должен сначала уделить внимание. Все вольпертингеры стоящие вокруг паука направили на него свои оружия, но никто не решался напасть. Даже Олег, не спеша размахивающий пращёй, медлил.

Медные парни на своём балконе тоже ожидали – почему они должны стрелять, если это чудовище, вероятно, выполнит их работу и сожрёт пару вольпертингеров? Сейчас паук стал главным героем Театра красивых смертей.

Неожиданно он замахал крыльями. Вокруг него поднялась пыль, раздался хруст и паук поднялся в воздух. Он полетел, подёргивая лапами, над ареной, над головами Румо, Укобаха и Ушана, подальше от Рольфа и его друзей в сторону рядов со зрителями. Он сделал ещё один круг и приземлился в небольшую группу гелцев, толкающихся у одного из выходов.

– Он, кажется, на нашей стороне, – сказал Укобах и закатил глаза. – По крайней мере, сейчас.

На арену вновь полетел град стрел, выпущенных из арбалетов медных парней, и вольпертингерам пришлось защищаться от них латами и щитами, которые они забрали у убитых. Солдаты Театра красивых смертей заблокировали выходы, но нападать пока не решались.

– Говорю вам, что лучше всего выбраться отсюда и продолжить сражение снаружи, – в очередной раз воскликнул Ушан.

– Проходы всё ещё забиты зрителями, – ответил Урс. – Ворота заблокированы. Мы не можем уйти с арены, мы в ловушке.

– Тогда нам не остаётся ничего иного, как ожидать чуда, – сказал Укобах.

Полетели новые стрелы и все спрятались под щитами.

Йети и вольпертингеры

Рибезел повёл вольпертингеров и йети в канализацию под Театром красивых смертей. Даже в тоннелях слышны были звуки сражения, а крики умирающих эхом разлетались по лабиринтам каналов. Вонь под театром была ужасающей, поскольку туда сбрасывался не только мусор со зрительских рядов и помёт диких зверей, но и часть трупов. Некоторые ручьи, через которые они переходили, были красными от крови и везде лежали обглоданные скелеты. Тысячи крыс, тараканов и других пожирателей падали кишки между ног марширующих воинов.

– Ты сказал, что отведёшь нас в театр, – пробурчал Шторр-жнец, возглавлявший вместе с Рибезелом и бургомистром вольпертингеров маленькую армию. – Вместо этого мы блуждаем по клоаке.

– Давайте, мы идём в Гел! – сказал нам Шторр, – крикнул позади них один из йети. – Опять одна из твоих гениальных идей!

Остальные йети грубо захохотали.

– Они не серьёзно, – пробурчал Шторр. – На самом деле они любят убивать.

– Уже недалеко, – сказал Рибезел. – В следующем тоннеле есть шахты, ведущие в театр. Мы можем подняться на любой этаж.

– Тогда мы пойдём на самый верхний, – сказал Шторр. – Оттуда нам будет всё видно.

– Но там медные парни.

– Кто это – медные парни?

– Самые ужасные воины Гела.

– У-у-у, – сказал Шторр. – Ты меня испугал.

– Они на самом деле опасны, – сказал Рибезел. – Они якобы бессмертны.

– Ну и? – сказал Шторр. – Мы тоже. Якобы.

Пара йети засмеялась.

– Вы хотите сражаться с медными парнями? – спросил Рибезел.

– Ты же слышал, малыш, – пробурчал Шторр. – Я же славлюсь своими гениальными идеями.

Кристалльный скорпион

Когда генерал Тиктак вышел из тайного прохода в коридор театра, держа в руках топор и меч, то увидел перед собой создание, которое выглядело, как минимум, также необычно, как он сам. Это был скорпион чудовищного размера, с мощными клешнями и поднятым ядовитым жалом. Но по-настоящему удивительным в нём был не размер, а то, что всё его тело было прозрачным, как отшлифованный кристалл.

– Что делает кристалльный скорпион «тик» в служебном коридоре? – спросил сам себя генерал Тиктак. – Их дела идут «так» не так хорошо, раз они позволяют опаснейшим хищникам тут бегать.

Он шагнул к чудовищу.

Скорпион не сомневался ни секунды и направил своё ледяное жало в Тиктака. Оно отскочило от металла медного парня, и стеклянное чудище удивлённо отпрянуло назад. Тиктак даже не покачнулся.

– Ты – опасный зверь «тик» невероятной красоты, – похвалил его генерал. – Но ты выбрал неверного «так» противника. Точнее говоря, во всём Геле ты не смог бы найти наиболее неподходящего противника. Иди и найди себе кого-нибудь «тик» другого, пока ты не разолил меня.

Он помахал мечом, как будто хотел отогнать зверя, как назойливое насекомое. Скорпион молниеносно схватил клешнями руку Тиктака. Раздался звон, когда кристалл ударился о металл.

Тиктак вздохнул и одним ударом отрубил клешню от тела скорпиона. Она со звоном разбилась о каменный пол. Не задумываясь ни на мгновение, он ударил мечом в середину скорпионьей головы. Со звуком бьющегося стекла чудовище разлетелось на тысячи маленьких кусочков и рассыпалось по полу. Тиктак, не обращая больше на скорпиона внимания, пошёл вперёд. Останки скорпиона скрипели как лёд под его ногами.

– Что со мной «тик» происходит? – сказал сам себе генерал. – Вывать к совести «так» существо из кристалла так же глупо, как искать сердце в моём металлическом теле.

Когда он поднялся на следующий уровень театра, то наткнулся на ещё одно докучливое животное, скользкое создание, зовущее себя Фрифтаром и стоящее между ним и королём. Тиктак едва сдержал желание раздавить его, как скорпиона.

Фрифтар глупо уставился на генерала, поражённый видом его разорванного торса и погнутыми рёбрами. Но он не стал ничего спрашивать, а вместо этого сообщил о восстании вольпертингеров. Тиктак так невозмутимо это выслушал, будто Фрифтар рассказал ему, что он ел на завтрак.

– Так, так! – сказал генерал. – Восстание. Я его «тик» подавлю. Ещё «так» что-то?

– О, нет, – улыбнулся Фрифтар. – Это всё. Только маленькое восстание.

– Иди! – приказал Тиктак Фрифтару. – Иди и «тик» спрячься вместе с королём, пока «так» всё не закончится!

– Слушаюсь! – ответил Фрифтар и поспешно удалился.

Итак, восстание вольпертингеров. Никаких оснований для волнения. Один Тиктак мог заменить целую армию, а с восстанием пары сотен взбесившихся рабов он разберётся даже без своих медных парней.

Задание – это хорошо! Задание, требующее убивать – ещё лучше! С тех пор, как он поселился в Геле, его тело постоянно росло, становилось сильнее, смертоноснее и неуязвимее. К этому добавилась скорбь и сомнения – неопределимо мощное оружие в сражении, если превратить их в бешенство и направить против врага. Гел увидит такую оргию битвы и насилия, какой ещё никогда не было в истории подземного мира.

Фрифтар в засаде

Фрифтар подумал, хотя он не понимал почему, что необычный внешний вид Тиктака и обстановка в его полной секретов башне каким-то образом связаны. Генерал был похож на ошипанную птицу, но, кажется, он не был испорчен. Наоборот, из-за этого он выглядел ещё более опасным, как дикий раненый зверь, становящийся из-за своих ран совершенно непредсказуемым.

Фрифтар подвёл итог: король находится в безопасности, вражок-тревога объявлена, вольпертингеры сидят в ловушке и генерал Тиктак снова тут и следит за порядком. Всё, кажется, снова налаживается. Мысленно он уже организовывал показательный судебный процесс под собственным руководством, который должен стать самым грандиозным представлением в Театре красивых смертей.

Только если бы не это неприятное чувство в его теле. Ему становилось то холодно, то жарко. Иногда к нему подступала тошнота, ранее ему незнакомая. А когда на доли секунды вокруг наступала тишина, то Фрифтар слышал в ушах лёгкое ритмичное потрескивание. Он потряхивал головой и снова возвращался к происходящим событиям. Он должен найти скрытую ложу, откуда он сможет посмотреть выступление генерала Тиктака на арене. Жаль только, что на крупнейшем сражении,

которое вскоре произойдёт в Театре красивых смертей, не будет почти ни одного зрителя.

Картина

Солдат подкожного эскадрона смерти крутился вокруг собственной оси и выпускал из тела маленькие чёрные пузырьки. Смайк с отвращением отвернулся и закричал на стены подкровной лодки:

– Почему я? – кричал он. – Почему именно я всегда попадаю в подобные ситуации? Чем я это заслужил?

– Ты же не ждёшь от нас ответа? – спросила несуществующая крошка номер один.

Смайк удивился странному тону, зазвучавшему в голосе крошки.

– Что вы хотите этим сказать?

– Мы знаем всё, Смайк.

– Что вы знаете?

– Ну... всё. Всё о тебе.

– Обо мне? Что такого важного может быть вам обо мне известно?

– Уверен, что хочешь пример?

– Теперь мне действительно любопытно.

– О, нам известно, что ты был судьёй в профессиональных боксёрских поединках фангов и военным советником наттифтоффских малых войн.

– Да, и официально аккредитованным секундантом в дуэлях флоринтской элиты, и хронометражистом в шахматных турнирах вольпертингеров в Бухтинге.

– А также организатором петушиных боёв, казначеем замонийской червячной лотереи, натравщиком в мидгардских боях гномов и крупье в Форте Уна, городе вечных азартных игр.

Смайк озадаченно улыбнулся.

– Эй, – сказал он. – Вам действительно кое-что обо мне известно. Вы можете читать мысли?

– Конечно можем, Смайк. И поэтому нам также известно, что ты прячешь в своей комнате воспоминаний. То, что спрятано под тёмным покрывалом.

Смайк испуганно слотнул слюну.

– Ты же не думаешь, что мы позволим кому-то, про кого мы ничего не знаем, ездить на нашей самой ценной машине? Про него мы должны знать не просто всё, а абсолютно всё.

У Смайка выступил пот. Он никому никогда не рассказывал о комнате воспоминаний. Даже Румо.

– Мы знаем о тебе всё, Смайк, с той самой секунды, как ты вошёл в нашу лодку. Никто не сможет сделать это до того, как мы его полностью не проверим.

– Мы недоверчивы, Смайк.

– Доверие мы также давно преодолели.

– Что вам известно о комнате воспоминаний? – серьёзно спросил Смайк.

– Мы знаем, например, что находится под покрывалом, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Это – картина, – сказала несуществующая крошка номер два.

– Это картина Драконгоры, не правда ли, Смайк? – сказала несуществующая крошка номер три.

Смайк глубоко вдохнул. Он не отвечал.

– Что случилось, Смайк? Ответы закончились?

– Я не знаю, о чём вы говорите, – неуверенно сказал Смайк.

– Ты был там. Ты был в Драконгоре.

– И не только это. Ты навсегда изменил её внешний вид, Смайк.

– Ты тот, кто окрасил её в красный цвет.

– Неправда! – крикнул Смайк. – Никто не знает...

– Да, никто кроме тебя не знает, что ты был предводителем хундлингов, организовавшим, так называемую, мирную осаду Драконгоры.

– Великолепный план, Смайк. Действительно гениально!

– Ты был владельцем кабака, где встречались солдаты, безуспешно осаждавшие Драконгору. Ты был издателем, издававшим работы драконов.

– Ты вскрыл Драконгору, Смайк.

– Поздравляем. Стратегический шедевр.

– Кто вам позволил рыться в моих воспоминаниях?

– Ну, Смайк, ты же не думаешь, что мы будем проводить сложную операцию вместе с кем-то, против кого у нас не было бы козырей?

– С невинным?

– Нельзя же для таких дел использовать настоящих героев.

– Нам нужен кто-то отчаянный.

Смайк кашлянул. Казалось ему или на борту на самом деле становилось меньше воздуха?

– Признавайся, Смайк!

– Ты окрасил Драконгору в красный цвет.

– Кровью.

– Таким количеством крови, которое можно смыть только кровью.

– Тебе стоило бы искупаться, Смайк.

– В крови Ралы.

Смайк долго молчал, было лишь слышно его тяжёлое дыхание. Несуществующие крошки тоже молчали.

– Тогда я был другим, – сказал он, наконец. – Я был молод. Я совершил ошибку. И я за это заплатил. Я был на Чёртовых скалах.

– Как видишь, Смайк, этого оказалось недостаточно. Ты же сейчас здесь.

– Ты притягиваешь неудачу, как магнит металлическую стружку.

– На тебе лежит проклятие. Проклятие Драконгоры.

– Что я должен делать? – с отчаянием спросил Смайк.

– А вот это уже правильный вопрос, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Именно, – сказала несуществующая крошка номер два. – Ты должен что-то делать.

– Ты должен сражаться, – сказала несуществующая крошка номер три. – Впервые в своей жизни ты должен сделать это сам, вместо того, чтобы за тебя это делали другие.

Битва бессмертных

Когда Рибезел вместе с вольпертингерами и йети поднялись на балкон медных парней, командование взял на себя Шторр-жнец.

– Ты и вольпертингеры сперва оставайтесь в укрытии, – прошептал Шторр. – Сейчас полетят клочки по закоулочкам. Расслабьтесь и наблюдайте за игрой.

Затем он беззвучно отдал сигнал к наступлению. Для медных парней, стрелявших по вольпертингерам на арене, нападение йети оказалось большой неожиданностью, но они быстро сориентировались, схватили оружие для ближнего боя и приготовились к сражению. И оно началось,

самое мощное из всех, которые видел Театр красивых смертей. Дубинки, мечи, гигантские железные молоты, косы, моргенштерны и топоры ударились друг о друга и вокруг, из-за летящих искр, было светло, как днём.

Рибезел, Йодлер-с-гор и другие вольпертингеры стояли в стороне и смотрели на сражение, которое одновременно очаровывало и парализовывало. Балкон медных парней был похож сейчас на кузницу, гремел металл, летели стальные стружки, а воины стонали под мощнейшими ударами. Если бы Рибезел или кто-то из вольпертингеров оказался между сражающимися, то его мгновенно раздавили, как насекомое.

Гомункел видел, как трое йети окружили медного парня и безудержно, осознавая свой долг, выполняли разрушительную работу. Как бы часто не отскакивали от металлического тела их мечи и топоры, йети продолжали снова и снова наносить удары, как будто они пытались выковать в кузнице железную колоду. Они ритмично били по медному парню, пока Рибезел не увидел, как с его шлема отлетели первые шурупы. И после этого йети продолжили свою работу с двойной силой.

Мимо прошёл Шторр со своей огромной косой, указал на сражающихся и крикнул Рибезелу:

– И они бессмертны? Хочу на это посмотреть! Ты хотел знать могут ли мои парни сражаться? Тогда посмотри внимательно, малыш, и скажи мне, как они сражаются?

– Они хорошо сражаются! – сказал Рибезел и быстро закивал головой. – Очень хорошо!

– И при этом они мертвы, проклятье! Мертвы! Можешь себе представить, как они сражались, когда ещё были живы? Нет, малыш, ты не можешь!

Шторр-жнец снова бросился в сражение. Он так мощно толкнул в грудь одного из медных парней стальным черенком своей косы, что тот спиной вниз упал с балкона.

– Сражайтесь, йети! Сражайтесь! – ревел он.

– Заткнись, Шторр! – крикнул один из его солдат в ответ. – Чем, ты думаешь, мы тут занимаемся?

Мёртвые йети

Румо и другие вольпертингеры ожидали подходящего момента к началу прорыва, но незадолго до того, как Ушан де Люкка должен был подать сигнал, с балкона медных парней раздался невероятный шум. Все

посмотрели вверх. С балкона летели искры, раздавался звон орудий и крики. Великоподобные существа в чёрных плащах с капюшонами появились среди металлических солдат и начали с ними сражаться. Самый высокий чёрный воин размахивал вокруг себя огромной косой, другие сражались дубинками и топорами, молотами и мечами. Сила, с которой встречались оружия, сотрясала стадион. Даже красный паук, занятый тем, что укутывал в кокон свою последнюю визжащую жертву, оторвался от работы и уставился всеми своими глазами на балкон медных парней.

– Что там происходит? – спросил Урс. – Что это за существа?

Румо удивлённо качал головой.

– Я знаю, кто это, – сказал он. – Это – мёртвые йети.

Сцена для Тиктака

Генерал Тиктак вышел на арену Театра красивых смертей через самые большие ворота. После такого длительного перерыва он, конечно, жаждал оваций, но в настоящий момент было не до тщеславия. Сейчас он должен показать свою власть. На арене и в зрительном зале продолжались сражения – зрелище, немного улучшившее мрачное настроение Тиктака. Вольпертингеры против солдат, вольпертингеры против гелцев, стрелы и копьё летели градом. Затоптаные до смерти зрители, и там, на балконе, его медные парни сражаются против отряда одетых в чёрное огромных парней. Чудесно! Тут был даже красный паук, которого словили в Зале Гаунаба, и он пожирал орущих зрителей – живописная картина! Какие искры разлетаются! Как поёт металл! Это было высококлассное поле битвы. О, как он скучал по войне!

Генерал прокладывал себе путь между мёртвыми телами. Он приветственно поднял вверх топор и меч, но медные парни не ответили ему привычным криком и металлическими аплодисментами. Но при данных обстоятельствах это было простительно – они заняты. Появление генерала вызвало прилив храбрости у солдат и охранников театра, они вышли из-за баррикад у ворот и направились к арене, приветствуя Тиктака восхищённым улюлюканьем. Вольпертингеры с удивлением смотрели на гигантскую машину, которая дребезжа шла по арене, как построенный из оружия бог мести. Одно только присутствие самого большого и самого опасного медного парня поднимало боевой дух солдат и вселяло неуверенность в противников. Так Тиктак победил уже во множестве сражений.

Он остановился посреди арены, опустил вниз стальной подбородок, раздался сначала булькающий звук, затем каменный скрип и из его пасти вылетели искры, а за ними пламя. Он склонился к ближайшему вольпертингеру, поджёг его и, поливая его горючей смесью кислоты и нефти, превратил в чёрное облако, быстро взлетевшее вверх и исчезнувшее в темноте над стадионом. Тиктак снова выпрямился, отбросил назад свой плащ и обнажил повреждённую грудь. Он захлопнул рот, дёрнул плечами и из его сверкающих рёбер вылетели две дисковых пилы. Они со свистом пролетели по кругу над ареной, так что многим вольпертингерам пришлось отскочить в сторону, и вернулись в тело Тиктака, где шумно исчезли в его внутренностях.

Тиктак сделал три огромных шага по направлению к маленькой группе вольпертингеров, молниеносным ударом топора и меча убил двоих из них, третий, получив удар обухом, отлетел далеко в сторону.

Генерал убрал меч и, медленно поворачиваясь, казалось, обдумывал, что он теперь должен сделать. Затем поднял вверх голову и увидел что-то в зрительном зале. Он размахнулся и бросил топор, который перевернувшись несколько раз и громко разрезая воздух, с треском врезался в тело гигантского паука. Чудовище последний раз отвратительно взвыло и упало на собственные упакованные в коконы жертвы.

Все поединки на арене и на трибунах остановились и каждый наблюдал за впечатляющим выступлением генерала. Только на балконе медных парней сражение продолжалось дальше.

Тиктак шагнул к воину, стоявшему, на свою неудачу ближе всех к генералу, схватил его за горло, несмотря на то, что это был солдат театра, поднял его вверх, как куклу, и швырнул над ареной.

– Вы хотите сражаться? – заревел самый большой медный парень так, что его слова были слышны во всём театре. – Вы хотите войны? Тогда «тик» идите ко мне! Я – генерал «так» Тиктак! Я и есть война!

"Ага, вот он какой генерал Тиктак", – подумал Ушан.

Его выступление было на самом деле впечатляющим. Он был большим, он был сильным, он был, очевидно, наилучшим образом вооружён. Он мог плевать огнём как дракон, он мог выпускать из груди дисковые пилы, он умел обращаться с мечом и топором. Он выглядел неуязвимым и беспощадным. Он был одновременно целой армией и движущейся крепостью. Но почему тогда он не произвёл никакого впечатления на Ушана?

Эйфория учителя фехтования достигла невероятного размера. Он косил противников, как сорняки, он был самым быстрым, элегантным и опасным фехтовальщиком на арене. Бешеная жажда мести Рольфа и природный талант фехтования Румо были ничем по сравнению со способностями Ушана, по сравнению с единственной в своём роде комбинацией таланта, многолетнего опыта, жажды сражения и тактического ума.

Ещё кое-что отличало Ушана от всех его товарищей – он был готов умереть. В тот момент, когда он предложил Рольфу и Урсу убить его, он будто прошёл сквозь невидимую дверь, из которой сочилась бесконечная энергия.

И теперь на арену вышел медный парень, эта совершенно безумная машина, она убила его друзей и учеников и теперь утверждает, что она есть война. Генерал Тиктак? Не это ли имя называл Румо? Тот, кто пытал и убил Раду?

Да, он выглядел опасно. Он выглядел так, будто в нём была собрана злоба целой армии убийц. Он выглядел так, будто он мог сразиться с любым воином здесь, на стадионе. Даже с Ушаном де Люккой.

Акула

"Да, я должен это сделать", – подумал Смайк. – "Я думал, что я достиг его тогда, когда сидел на дне колодца со слизью на Чёртовых скалах. Но я ошибался. Именно в этот момент, сейчас и тут – это действительно самый худший момент моей жизни! Я плаваю в крови. В мёртвой, большой крови".

– Давай-ка, Смайк, соберись, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Считаю, что это вода, – сказала несуществующая крошка номер два.

– Кровь в основном состоит из воды, – сказала несуществующая крошка номер три.

"Эй! Я могу вас слышать снаружи!" – подумал Смайк.

– Мы же несуществующие крошки, Смайк.

– Ты не представляешь, где ты нас можешь услышать, если мы этого захотим.

– Как ты себя чувствуешь, Смайк?

Смайк вышел из лодки. Он прошёл через стену, как привидение, по-другому он не смог объяснить себе, как он попал наружу, так как при этом не открылось ни одно отверстие.

– Это объяснение не совсем верно, Смайк.

– Речь идёт о смещении молекул с помощью симпатических вибраций.

– Двери мы уже давно преодолели.

Смайк инстинктивно перешёл на жаберное дыхание.

"Я вдыхаю кровь", – думал он. – "Я вдыхаю мёртвую кровь".

– Прекращай с этой кровью!

– Да это какая-то навязчивая идея.

– Сконцентрируйся на противнике!

Противник. Противник Смайка парил высоко над ним, совсем рядом с тем местом, где, как полагали несуществующие крошки, находятся точки подключения для аурагической операции. Он выворачивался наизнанку, крутился вокруг собственной оси, выпускал слизь, становился прозрачным, затем опять тёмно-серым и чёрным и так далее, будто он постоянно пытался доказать свою опасность.

– Послушай, Смайк! – сказала несуществующая крошка номер один. – Мы выяснили следующее: это смертельная болезнь – и это плохо, но ты не можешь заразиться.

– Нет?

– Нет, она может инфицировать только то тело, в чью кровеносную систему она попадёт. Это вопрос соотношения величин. И она, оно, он, не важно что – это последний экземпляр этой болезни в этом организме. Вот что нам известно.

– Хорошо.

– Но...

– Что но?

– Эта болезнь всё-таки может тебя убить.

– Да, это похоже на правду.

– И очень просто – с помощью обычной физической силы. Опять же, это вопрос соотношения величин. Но внимание: сейчас будет хорошая новость.

– Ах да?

– Ты тоже можешь её убить.

– И как же? – недоверчиво спросил Смайк.

– Просто подчиняйся своим звериным инстинктам.

- Каким звериным инстинктам? У меня они разве есть?
- Ты являешься наследником одного из самых опасных существ на планете, Смайк.
- Что?
- Ты – опасная, смертоносная боевая машина.
- Ты – ужас океана.
- Ты – акула, Смайк!
- Никогда не забывай, Смайк. Ты – акула.

Вьющиеся нити

Ушан де Люкка точно знал, кого генерал Тиктак захочет убить следующим. Это будет Урс Снежный.

Если бы кто-то знал столько о сражениях и об игре в шахматы, как Ушан, то ему не составило бы труда увязать всё воедино. Генерал Тиктак намного превышал в силе и в подвижности всех воинов на поле боя – он был королевой. Если он думал стратегически, то он должен будет сконцентрироваться на противниках, наносящих максимальный ущерб его солдатам. А это были Румо и Рольф, Урс и Таско, Олег и Биала. И, конечно, он сам, Ушан де Люкка. Там, где появлялись эти вольпертингеры, солдаты гибли как мухи.

Значит следующим ходом Тиктак должен сбить одного из них. Румо? Нет, он находился слишком далеко. Рольф был намного ближе. А Таско был ближе, чем Рольф. Олег ближе, чем Таско. Биала ближе, чем Олег. И ближе всех был Урс Снежный.

Урс сражался стоя спиной к стальной машине и в данный момент был занят одновременно с пятью противниками. Нет, теперь уже с четырьмя. Тиктаку нужно сделать лишь пару шагов и одного из самых опасных противников больше не будет. Логичный ход.

Ушан анализировал ситуацию, как будто он склонился над полем битвы театра, как над шахматной доской. Что делать, если одна из самых ценных фигур находится под угрозой? Пожертвовать пешкой? Это было единственной возможностью. И кто должен стать пешкой, которая должна погибнуть вместо Урса? Конечно, он сам, Ушан де Люкка.

Ушан отбросил в сторону шпагу, так как в этом сражении она ни как не могла ему помочь. Ему вообще больше никогда не понадобится шпага. Уверенным шагом направился он в сторону генерала Тиктака. Как

хорошо он себя чувствовал, как легко, он был полон сил! Никогда в жизни он не чувствовал себя так хорошо.

Урс сделал быстрый выпад и одним противником стало меньше. То, что этот парень хорош, Ушан знал, но здесь на арене он превзошёл себя. Когда-нибудь Урс Снежный станет лучшим фехтовальщиком Вольпертинга, а может даже и всей Замонии. Ушан был в этом уверен.

– Эй! – крикнул учитель фехтования, подойдя вплотную к генералу Тиктаку. – Эй, генерал Тиктак! Тебя так зовут?

Стальной гигант медленно повернулся к Ушану.

– Да, это «тик» я. А кто «так» ты?

– Меня зовут Ушан де Люкка.

– Очень приятно, – сказал генерал, слегка поклонившись. – Скажи-ка мне, Ушан, почему «тик» ты выступаешь против меня без оружия? Ты сошёл «так» с ума? Или струсил?

– Нет, – сказал Ушан. – Мне нечего больше терять.

– Даже твою жизнь? – спросил генерал. – Ты так мало «тик» её ценишь?

– Ах, для меня она всегда немного значила, – сказал Ушан. – Чаще всего мне было тяжело, особенно при плохой погоде. Но, всё равно, во мне гораздо больше жизни, чем ты можешь себе представить.

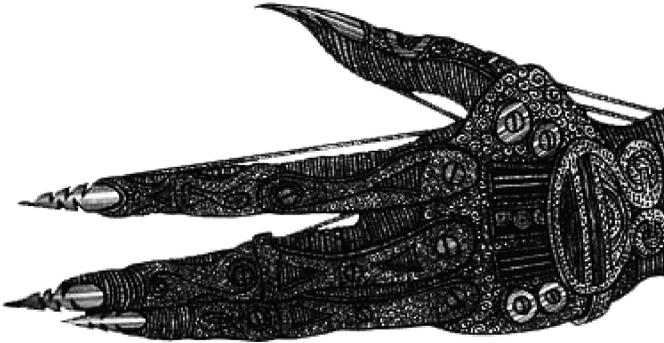
– Что ты хочешь «так» этим сказать? – спросил Тиктак.

– Я хочу сказать, что ты – проигравший на этом поле боя. Не важно, что ты делаешь, ты можешь побеждать и убивать сколько тебе угодно, но ты не можешь выиграть. Это невозможно. Даже если ты останешься один после этого сражения – в каждом трупе на этом поле битвы было когда-то больше жизни, чем в тебе когда-либо будет. Это твоя судьба. Ты – самое печальное, что я когда-либо встречал. Ты вызываешь у меня сочувствие. Вот что я хотел тебе сказать.

– Ты «тик» готов? – спросил генерал Тиктак. Он указал одним из своих стальных пальцев на де Люкку. – Теперь я понимаю. Ты хочешь меня «так» спровоцировать, чтобы я убил тебя вместо своего друга.

Ушан не отвечал. Он закрыл глаза и затерялся в мире, появившемся перед его внутреннем взором. Красные и жёлтые, золотые и медные нити летали в нём. Это были цвета сражения, запахи храбрости и страха, триумфа и поражения, цвета его жизни, все вместе выходящие в колоссальной картине. Никогда раньше он не видел такого великолепия.

– Как может выглядеть рай фехтовальщика? – спросил сам себя Ушан де Люкка. – Он такой же красивый, как мой фехтовальный сад?

Тиктак согнул большой палец. Что-то тихо щёлкнуло и его указательный палец с треском отделился от ладони и полетел в сторону Ушана, быстрее, чем стрела арбалета. Вольпертингер даже не попытался поднять руку для защиты, и стальной палец глубоко врезался в его грудь.

Ушан не издал ни звука, он покачнулся, но остался стоять. Тиктак ещё раз шевельнул большим пальцем и ещё три пальца с его руки врезались в грудь Ушана. Четыре тонких, тихо звенящих металлических нити натянулись между рукой генерала и торсом вольпертингера.

Генерал Тиктак в третий раз согнул большой палец и включил механизм, возвращающий пальцы на место. Во внутренностях Тиктака что-то зажужжало, Ушан сорвался с места и полетел в сторону генерала. Пальцы вернулись в стальную руку и генерал Тиктак держал перед собой на высоте вольпертингера.

– Никто «тик» до сих пор не решался сказать мне «так» правду в лицо, – прошептал генерал Тиктак. – Ты – герой, Ушан де Люкка.

Он ухватил свободной рукой голову вольпертингера, вырвал из его груди стальные пальцы и поднял руку вверх. В руке он держал бьющееся сердце Ушана.

Сталь и кости

Рибзел успокаивал себя тем, что во время сражения медных парней с мёртвыми йети он должен выполнять роль летописца, а не воина. Он должен запомнить все моменты, неважно, насколько ужасны они были, чтобы рассказать их потомкам, поскольку чего-то подобного никогда больше не произойдёт.

Это была самая жестокая битва из всех когда-либо проходивших между двумя армиями. Йети сражались, в то время как их плащи и пропитанные нефтью кости горели ярким пламенем. Медные парни молотили вокруг себя, хотя их головы уже давно были отрублены. Части тела падали на пол, но их владельцы продолжали сражаться, а некоторые поднимали их, чтобы использовать в качестве оружия. Один медный парень без головы, из шеи которого подымался густой дым, боролся с йети с полыхающим черепом. Двое йети колотили тяжёлыми молотами по безрукому медному парню. Куски костей, шестерёнки, шурупы и зубы со свистом летали в воздухе, вентили шипели, щиты звенели как колокола. И среди всего этого раздавались зверские вопли йети. Шторр-жнец сквернословил и размахивал вокруг себя косой, от которой медные парни пытались уклоняться, так как она разрубала даже металл.

Какое-то время казалось, что йети, благодаря неожиданности нападения и своей выносливости, выигрывают, но чем дольше продолжалось сражение, тем меньше оставалось надежды. Да, время от времени один из медных парней падал вниз через перила балкона или был разбит на мелкие кусочки непрерывными систематическими ударами молотов и дубинок. И йети почти не уступали металлическим воинам в устойчивости, поскольку они тоже не чувствовали боли, не боялись смерти, и медным парням приходилось разрубать скелеты в пыль, если они не хотели, чтобы те восстали заново. Но всё-таки со временем стало очевидно, что итог сражения будет в пользу механических воинов, поскольку выносливость металла превосходила выносливость костей. Всё больше и больше йети падало на пол и больше не поднималось, так как все их кости были раздроблены. Медные парни использовали всё своё тайное оружие: вращающиеся пилы, острейшие ножницы и огнемёты.

Рибезел в какой-то момент подумал: не спуститься ли ему с вольпертингерами вниз по лестнице на арену, но к тому времени она настолько была заполнена солдатами противника, что такая попытка стала бы для них самоубийством. Поэтому он вынужден был смотреть, как всё дальше отбрасывали Шторра-жнеца и как всё больше и больше ранений ему наносили, и ему не оставалось ничего иного, как можно больше из всего этого запомнить и надеяться, что всё, в конце концов, обернётся в пользу йети.

В крови

– Всё уго, Смайк?

– Уго?

– Ах, это просто такое выражение, с помощью которого мы хотели спросить, всё ли у тебя в порядке. Уго – это невероятно малое число, которое...

"Да, да, всё в порядке", – подумал Смайк. – "Да, всё уго. Я плыву в мёртвой крови к смертельной болезни. Почему должно быть что-то не уго?"

– Удачи, Смайк!

– Да, удачи!

– Она тебе понадобится.

Голоса несуществующих крошек неожиданно стихли, и Смайк снова мог надеяться только на себя. Под ним простиралось бесконечное поле битвы, усеянное злодейски убитыми организмами. Над ним парил уродливый солдат смерти – последний представитель безжалостной болезни – и преграждал ему путь к сердцу Ралы. Он издавал только лишь потрескивающий звук.

Смайк плыл дальше, пока не оказался на одинаковой высоте со своим противником. Несмотря на своё уродство и опасность было увлекательно наблюдать за ним в такой близости, за тем, как он постоянно менял свою форму, цвета и движения. Только что он был чешуйчатой звездой, переливающейся всеми цветами радуги, и вот он уже превратился в прозрачный сероватый шар, внутри которого шевелилась жидкость молочного цвета. В следующий момент он выглядел как огненно-красный лавовый пузырь, выброшенный из кратера вулкана. Единственное, что было постоянным, так это треск.

"Кто ты?" – думал Смайк. – "Ты смерть?"

Лавовый пузырь превратился в зелёную пористую губку, из которой потекла чёрная муть.

– Щёлк, щёлк, – сделала губка.

"Нет", – подумал Смайк. " Ты не смерть. Смерть это то, что приходит, когда ты уйдёшь. Смерть – это оружие против тебя. Смерть – это хорошо. А ты – плохой".

Губка собралась в шар, перекрасилась с металлический серый цвет и из него выросли длинные светлые волосы.

– Щёлк, щёлк, щёлк.

"Не важно кто ты. Ты просто безмозглый солдат. Важно кто я."

Шар превратился в белую медузу с чёрными фасеточными глазами.

– Щёлк. Щёлк, щёлк, щёлк.

"Знаешь, кто я? Знаешь кто я?"

Медуза беспокойно завертелась на месте, перекрасилась в жёлтый цвет, затем в зелёный и начала медленно из середины своего тела выпускать чёрное острое копьё.

– Щёлк! – сделала она. – Щёлк, щёлк!

"Я скажу тебе кто я", – подумал Смайк. – "Я тоже плохой. Я окрасил в красный цвет Драконгору. Я тоже опасный. Намного опаснее тебя. Да кто ты вообще? Любитель! Что ты знаешь о сражениях?"

– Щёлк, щёлк, щёлк.

– Как давно ты существуешь? – спросил Смайк. – Пару месяцев? Пару недель? Я же существую миллионы лет. Так как я – акула!

Существо снова изменилось. Оно вытянулось, стало серым и по бокам у него выросли четырнадцать маленьких ручек вооружённых когтями. В верхней части его открылась пасть, оснащённая множеством острых зубов. Оно выглядело сейчас как примитивная и более опасная копия Смайка.

Генерал и великан

Румо, Урс, Рольф, Таско, Биала и Олег с разных сторон приближались к генералу Тиктаку и остановились все на одинаковом расстоянии от него, создав круг. Они быстро закончили свои поединки с солдатами, после того, как увидели, что генерал сделал с Ушаном де Люккой. Безжизненное тело учителя лежало у ног медного парня.

– Ой, – весело сказал генерал – Вы меня «тик» окружили. Теперь я в «так» ловушке. Это был ваш друг?

Он наступил одной ногой на Ушана, так что кости затрещали.

– Кто хочет быть «тик» следующим? – спросил он.

– Ты генерал Тиктак? – спросил Румо.

– Да, это я.

– Ты убил Ралу?

Генерал Тиктак невольно ухватился за свою грудь и немного съёжился. Но только на мгновение, затем он снова выпрямился.

– Кто «так» хочет это знать? – гневно спросил Тиктак.

Румо не отвечал. Теперь он знал, что это Тиктак, который сотворил все те ужасные вещи с Ралой.

Генерал Тиктак разглядывал своих противников. Румо, Рольф, Таско, Биала и Олег начали медленно двигаться вокруг генерала по кругу.

Всё больше вольпертингеров закончили свои поединки и присоединялись к ним. Почти все солдаты или погибли, или сбежали.

– О! – сказал Тиктак. – Вы хотите «так» потанцевать.

Он сбросил свой плащ и только теперь вольпертингеры увидели его тело во всём великолепии. Всё на нём было металлическим, из меди, стали, серебра и железа. Его тело было огромными доспехами, собранными из различных материалов и начинённым механикой. Целая армия в одном теле.

– Перед тем, как вы все умрёте, – серьёзно сказал генерал Тиктак, – вы должны «тик» кое-что узнать. Дни, проведённые мною в Геле, изменили меня. Я «так» вырос. Я учился. Я «тик» любил и я страдал. Я стал другим. Вы «тик», наверное, считаете меня большим, но я больше. Намного больше, чем вы себе представляете. Хотите увидеть «тик» мой настоящий размер?

Не ожидая ответа, генерал Тиктак согнул голову в сторону, вставил указательный палец в отверстие в шее, повернул его, как ключ, и в теле медного парня раздались звуки, похожие на расстроенную мелодию сломанных музыкальных часов. Под эту музыку голова генерала Тиктака несколько раз повернулась вокруг своей оси, а шея вытянулась. Внутри него всё тикало и щёлкало, части его доспехов открывались или отъезжали в стороны, открывая вид на его механические внутренности, где двигались шестерёнки, натягивались провода, трещали алхимические батарейки, поднимались и опускались колбы – всё было в неустанном движении. Его спинные доспехи разошлись в стороны, как два серебряных крыла и из отверстия появились новые металлические части тела, которые телескопически вытягивались, пока не достигли земли. Ошарашенные вольпертингеры видели, как за несколько мгновений генерал Тиктак удвоил не только количество своих конечностей, но и свой размер. Всё оружие, арбалеты, клинки, скрытые до сих пор в его теле, всё это выехало наружу и было готово к сражению. Наконец перед ними на четырёх ногах стояла четырёхрукая крепость до предела набитая оружием – новый генерал Тиктак, ещё больше, опаснее, смертоноснее и неприступнее, чем раньше.

– Рост! – крикнул генерал Тиктак сверху вниз. – Вот ключ к власти. То, что вы «так» сейчас видите – только начало. Пока есть металл, я буду расти. Я буду «тик» расти, пока весь металл не превратится в генерала Тиктака.

Вольпертингеры будто окаменели – вид гигантской машины гипнотизировал их.

– Вы хотите танцевать? – угрожающе прокричал Тиктак. – Тогда «так» поанцуем!

Каждый вольпертингер был готов к сражению. Никто не знал, в какую сторону нанесёт Тиктак первый удар. Может быть во все одновременно.

Вдруг пол театра задрожал, слегка, но каждый это почувствовал. Вольпертингеры замерли.

– Что это? – спросил кто-то.

Тиктак тоже прислушивался. Вот, ещё один подземный толчок, заставивший зазвенеть его оружие.

Вольпертингеры недоуменно переглядывались. Откуда идут эти толчки? На балконе медных парней сражение продолжалось и, очевидно, толчки исходят не оттуда.

– Землетрясение? – спросил Биала.

Но для землетрясения толчки были слишком равномерными, один за другим, с перерывом в несколько секунд. И с каждым разом всё сильнее. И вдруг по театру пронёсся ветер, принесший с собой запах всего отвратительного, что обитает в море.

– Что это? – спросил Урс.

– Врахок, – крикнул Румо. – Один из самых крупных.

Из-за сотрясений началась новая суматоха в зрительских рядах. Ещё отчаяннее, чем раньше, пытались оставшиеся зрители выбраться из театра. Только йети и медные парни никак не реагировали на происходящее – с неистощимыми силами продолжали они сражение.

Стадион наполнился бледным голубоватым светом и вниз дождём полетели капли светящейся голубой слизи. Казалось, будто над театром повис гигантский летающий объект – огромный, светло-голубой, светящийся диск, в котором пульсировали органы. Теперь каждый видел, что это было тело, держащееся на двенадцати ногах, стоящих вокруг стадиона. Пришёл один из самых крупных врахоков и накрыл своим телом Театр красивых смертей. Зрители на трибунах кричали, объятые ужасом. Из внутренностей чудовища исходил пронзительный свист и непрерывное бульканье.

Генерал Тиктак нервно покачивался на своих ногах – за несколько секунд из великана он превратился в муху. Какой идиот подал вражок-тревогу? Он же всё держал под контролем!

- Что это? – спросил Рольф.
- Это вражок, – ответил Укобах, решившийся выйти из укрытия.
- Вражок? Это тоже машина?
- Нет, живое существо.
- На чьей стороне оно? – спросил Биала.
- Не на нашей, – ответил Укобах.
- Может он стать ещё больше?
- Нет, он может нас сожрать. Он может всё сожрать.
- Чем? – спросил Урс. – Я не вижу пасти.
- У него есть, поверь мне, – сказал Укобах.

Длинные толстые щупальца поползли через стены театра и начали ощупывать зрительские ряды. Зрители, на свою неудачу стоявшие у них на пути, были сбиты в сторону, отброшены далеко по воздуху или раздавлены. Нескольким вольпертингерам, всё ещё остававшимся на трибунах благодаря своей гибкости и подвижности удалось избежать столкновений со щупальцами. Вражок пытался сориентироваться и не делал никаких различий между врагом и другом.

– Ты точно уверен, что он не на нашей стороне? – спросил Биала. – До сих пор он нам только помогал.

– Их не просто контролировать. На нём сидят те, кто пытается им руководить, – объяснил Укобах. – Сейчас у них, кажется, трудности. Ещё ни разу в город не приводили такой большой экземпляр.

Теперь через стену в театр пополз гигантский хобот вракока. Как огромная змея полз он по трибунам в поисках добычи и все зрители, вблизи которых он проползал, с криками и воплями разбежались в стороны. Хобот с хлюпаньем открылся, жадно втянул воздух и сразу же направился к одному из входов, где, как подсказало ему обоняние, столпились пытающиеся в панике вырваться наружу зрители. Вражок опустил на них хобот и начал всё в себя втягивать. Несчастные жертвы с криками летели по хоботу вверх и исчезали в пульсирующих органах чудовища.

Вид вракока не произвёл на Румо особого впечатления. Он был знаком с этими существами и их способностями, поэтому в данный момент его гораздо больше интересовал генерал Тиктак, который, как и все остальные, с любопытством наблюдал за действиями монстра. Румо ухватил свой меч и возбуждённо думал, как он может воспользоваться этим моментом всеобщего замешательства.

– У тебя уже есть идея? – спросил Львиный зев.

– Я вспомнил одну историю, – ответил Румо.

– *Какую историю?* – спросил Гринцольд.

– Историю битвы в Нурненвальдском лесу, – ответил Румо. – В ней рассказывается о создании генерала Тиктака.

– Ты знаешь, как он появился? – спросил Львиный зев.

– Это только легенда. Но мне интересна та часть, в которой алхимик, создавший Тиктака, вставил ему кусок замони́ма – мыслящего элемента, который оживил генерала. Если эта история правдива, то у этой машины есть что-то типа мозга. Или сердца.

– *А если у него есть сердце или мозг, то мы можем вырвать их из его тела!* – сказал Гринцольд.

Румо кивнул.

– Я полезу в генерала Тиктака, – сказал он.

Точки подключения

Смайк откашливался. Он снова сидел в подкровной лодке и пот ручьями тёк по его жирному телу.

– Всё уто, Смайк?

– Да, Смайк, всё уто?

– Скажи что-нибудь, наконец!

Даже если бы Смайк захотел что-то ответить, то не смог.

– Это было невероятно, Смайк, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Как ты это сделал? – сказала несуществующая крошка номер два.

– Да, Смайк, как ты это сделал? – сказала несуществующая крошка номер три.

Смайк несколько раз глубоко вдохнул. Ему было сложно снова перейти на лёгочное дыхание. Его жабры всё ещё лихорадочно работали.

– У него был позвоночник, – сказал Смайк.

– Позвоночник? – спросила несуществующая крошка номер один.

– Позвоночник? – спросила несуществующая крошка номер два.

– Болезнь с позвоночником? – спросила несуществующая крошка номер три.

– Да! – крикнул Смайк. – У болезни был позвоночник! Позвоночник, который можно сломать.

Несуществующие крошки замолчали.

– Хорошо, – через некоторое время сказал Смайк. – Теперь, наконец-то, мы можем начать эту проклятую операцию? Или?

– Да, Смайк.

– Если ты готов, то и мы готовы.

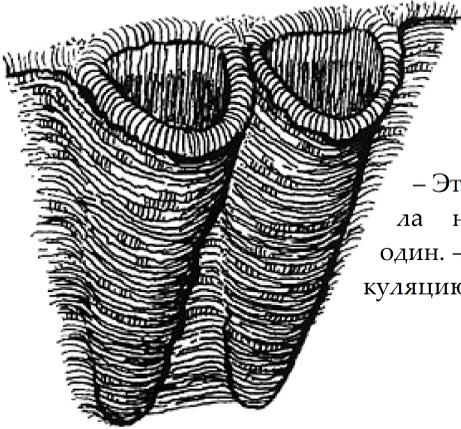
– Лодка находится в правильном положении.

– Что мы должны делать?

– Видишь точки подключения, Смайк? Видишь их? Мы установили смотровую мембрану на максимальное увеличение.

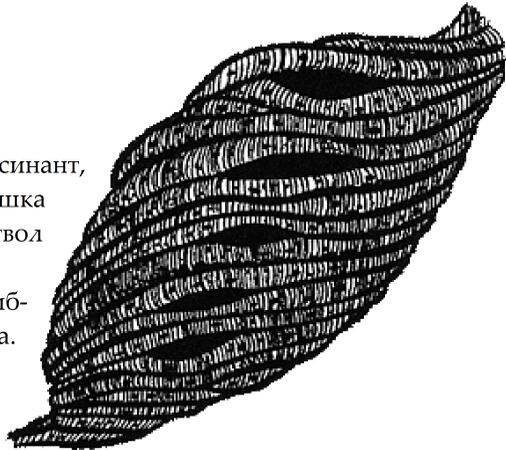
– Да, я вижу их, – сказал Смайк.

В мускульных тканях сердца находилось шесть странных наростов и углублений. Но всё здесь внутри состояло из странных наростов и углублений. Он не мог понять, что особенного было именно в этих шести.

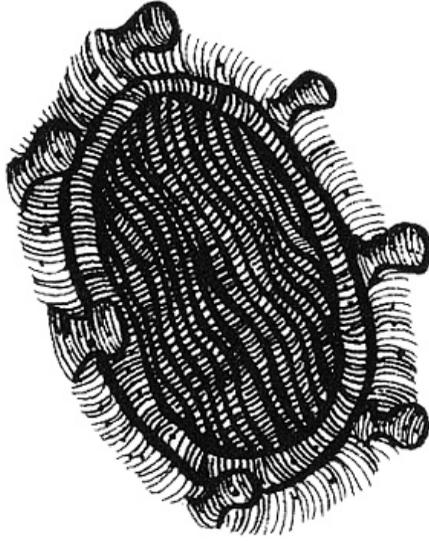

– Это – амалориканский адапис, – сказала несуществующая крошка номер один. – Он отвечает за ауратистскую циркуляцию электричества в сердце.

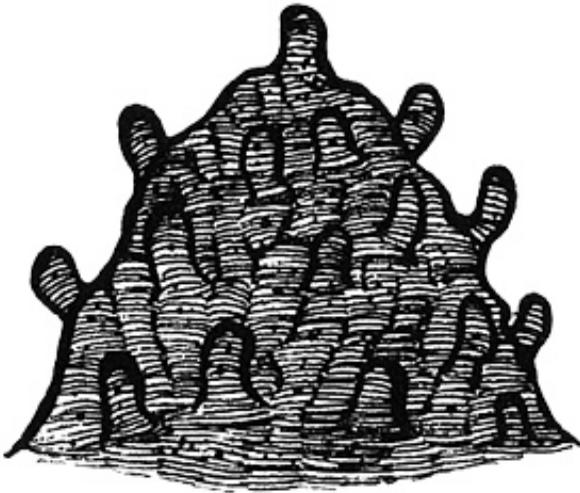
– Это – галлюцигенский синант, – сказала несуществующая крошка номер два. – Симпатический ствол автономной нервной системы, проводящий симпатические вибрации галлюцигентского ключа.

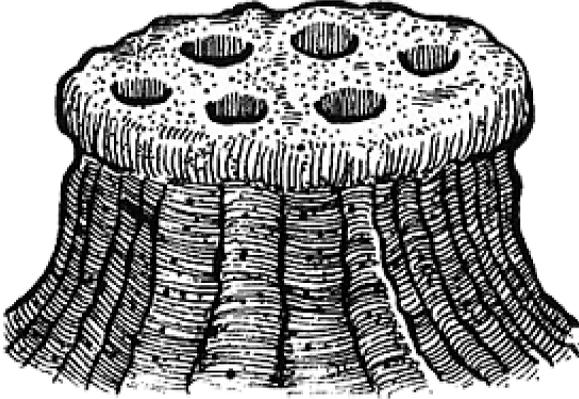
– Это – опабиниатская мембрана, – сказала несуществующая крошка номер три. – Только через неё могу проникнуть стимуляции опабиниатских щипцов.

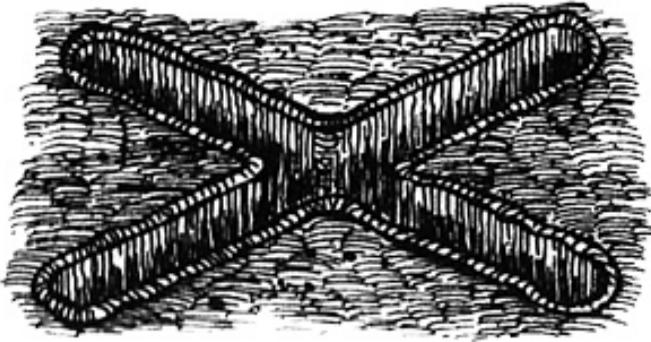
– Это – йохоянский холмик, – сказала несуществующая крошка номер один. – Он пассивно-активно реагирует на раздражения йохоянским жгутиком, выравнивая ритм сердца.

– Это – айсхеаианистский эпиксель, – сказала несуществующая крошка номер два. – Это эпицентрический микроцентр аорты, коронарно выравнивающий симпатические вибрации.

– Это – одонтагрифский зев, – сказала несуществующая крошка номер три. – Ещё не совсем ясно, что именно одонтагрифский сосальщик там делает, но бесспорно что-то положительное.

– Всё ясно, Смайк?

– Да, – сказал Смайк. – Теперь я в курсе.

– Тогда выводи инструменты, – приказала несуществующая крошка номер один.

– Муррррр... – замурычал Смайк.- Мурррррррррррр...

Клетка

Румо просто впрыгнул. Он не стал долго раздумывать куда прыгать, так как в теле генерала не было ни одного подходящего для этого места. Он крепко вцепился в генерала там, где недавно у него распахнулись два серебряных крыла. Отсюда он хорошо видел внутренности генерала. Внутри было спрятано ещё больше оружия, ещё больше тикающего и клацающего металла. Но чего-то похожего на сердце или на мозг он не видел.

Генерал Тиктак попытался схватить Румо своими стальными лапами, хотел сбросить его с тела, как назойливое насекомое, но его руки были так сконструированы, что хоть он и мог их достаточно далеко выдвигать, но некоторые части тела были ему либо едва доступны, либо вообще недоступны. Всё в нём было предназначено для нападения, а не для защиты. А то, что кто-то мог быть таким сумасшедшим, чтобы запрыгнуть на генерала, об этом никто даже и не подумал, даже сам генерал Тиктак.

Остальные вольпертингеры смело метали в генерала копья, ножи и топоры, но ничего более серьёзного они не могли предпринять, так как сами постоянно пытались увернуться от оружия и выстрелов Тиктака. Из своей пращи Олегу удалось нанести сильнейший удар в голову медного парня, но ничего, кроме глухого, похожего на колокольный, звона не последовало.

– Забирайся к нему вовнутрь, – крикнул Львиный зев. – Тебе не останется ничего другого, если ты хочешь найти его сердце. Внутри также будет безопаснее.

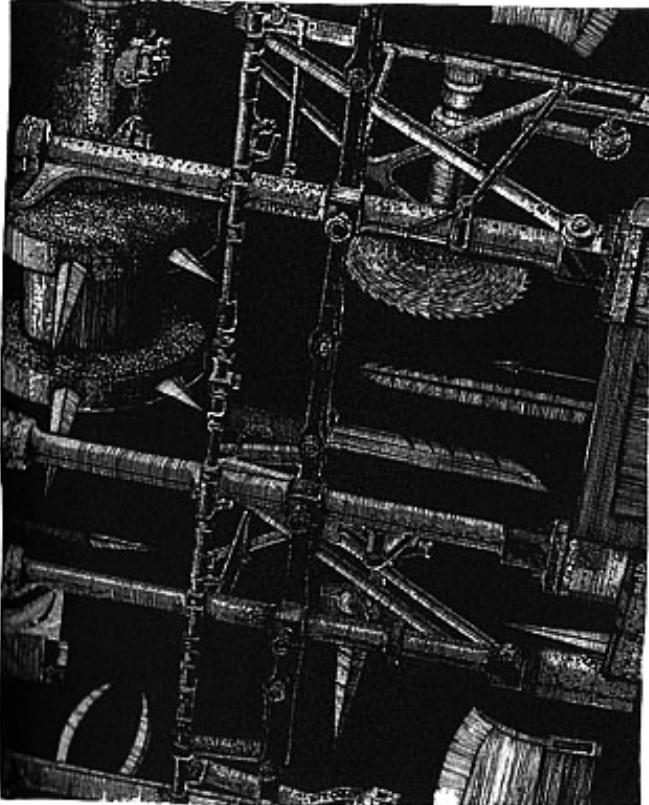
Румо протиснулся между двумя металлическими стержнями и оказался в туловище металлического воина. Тиканье и звяканье, жужжание шестерёнок, ритмичный стук поршней и пощёлкивание алхимических батареек были такими громкими, что практически заглушали все звуки, доносящиеся снаружи. Всё стучало и щёлкало с секундным тактом – так должно быть выглядел каждый часовой механизм изнутри. На самом деле тут спрятано сердце? Неужели стольким хитроумным механизмам нужен органический мотор? Румо пробирался дальше. Всё вокруг него находилось в движении, ездил вперёд и назад. Он должен был быть очень осторожным, чтобы его руки не попали между двумя крутящимися шестерёнками или не наткнулись на острую пружину. Всё было гладким, отполированным, смазанным машинным маслом, из-за чего было почти невозможно найти подходящее место для ног или рук.

– Нравится тебе «тик» внутри? – проревел голос генерала Тиктака. Внутри он звучал ещё глуше и искусственнее. – Нравится тебе «так» внутри меня, вольпертингер?

Румо не отвечал.

– Располагайся «тик» удобнее! – крикнул Тиктак. – Будь как «так» дома! А я закрою двери, чтобы тебя никто «тик» не побеспокоил!

Где-то что-то заскрипело, колёсики и поршни задвигались быстрее и Румо услышал музыку, которую он уже слышал, когда генерал вырос в два раза. Но в этот раз она звучала ещё неблагозвучнее, так как играла задом наперёд. Вокруг во всём теле Тиктака части его доспехов становились на свои места, отверстия и дверцы закрывались, металл наезжал на металл. Поршни и стержни, на которых балансировал Румо и за которые он пытался держаться, постоянно двигались, поднимались и опускались. Внутри генерала становилось темнее.

– Он закрывается! – закричал Львиный зев. – Мы должны уходить. Быстрее!

Со всех сторон выехало оружие – острейшие клинки, пилы, топоры и копья, стрелы и ножи. Некоторые выскочили с огромной скоростью, некоторые выдвигались очень медленно, справа, слева, сверху, снизу, сзади и спереди. Один топор пролетел прямо перед носом Румо и его лезвие срезало клочок шерсти с руки Румо. Один длинный, двусторонний клинок меча пролетел между ног Румо. Ему приходилось без остановки пригибаться, уворачиваться или поднимать ноги, что бы не стать обезглавленным, продырявленным или искалеченным. Одновременно с этим он пытался пробраться к отверстию, но как только он ухватился за металлические прутья, сквозь которые он ранее протиснулся в тело генерала, два серебряных крыла захлопнулись. Стало темно и тихо, только тонкие лучи света пробивались сквозь щели доспехов. Раздался колокольный звон, как звон часов отбивающих полдень.

– Мы в ловушке, – сказал Львиный зев. – Мы заперты внутри генерала Тиктака.

Операция

– Амалориканский крюк закреплён в амалориканском адапсе, – сказала несуществующая крошка номер один. – Ауратистская циркуляция электричества в сердце гарантируется.

– Муррррррр... – мурлыкал Смайк.

– Галлюцигенский ключ вставлен в галлюцигенский синант и повернут, – сказала несуществующая крошка номер два. – Теперь симпатические вибрации могут беспрепятственно течь в автономную нервную систему.

– Мурррррррр... – мурлыкал Смайк.

– Опабиниатские щипцы прикреплены к опабиниатской мембране, – сказала несуществующая крошка номер три.

– Опабинияция может начинаться.

– Мурррррррр... – мурлыкал Смайк.

– Йохоянский жгутик стимулирует йохоянский холмик, – сказала несуществующая крошка номер один. – Пассивно-активная реакция полного выравнивания ритма сердца началась.

– Мурррррррр... – мурлыкал Смайк.

– Айсхеаианистсий закручиватель закручивает айсхеаианистский эпиксель! – сказала несуществующая крошка номер два. – Симпатические вибрации коронарно выравниваются.

– Муррррррр... – мурлыкал Смайк.

– Одонтагрифский сосальщик э-э-э... погружен в одонтагрифский зев! – сказала несуществующая крошка номер три. – Неважно, что он там делает, всё только к лучшему.

– Муррррррр... – мурлыкал Смайк.

– Хорошо. Теперь мы пропустим аурагистский заряд.

– Сожми за нас кулаки, Смайк.

– Пожелай нам удачи!

– Желаю!

– Сколько у тебя кулаков, Смайк?

Смайк немного подумал.

– Четырнадцать, – ответил он затем.

– В общем, должно хватить.

– Да, – сказал Смайк. – Должно хватить. Но вдруг на мне всё ещё лежит проклятие.

– Никогда нельзя быть уверенным, – сказала несуществующая крошка номер один. – Операция началась.

Удивление Фрифтара

Фрифтар захлопнул дверцу тайного окошка, через которое он смотрел на арену театра, и прикрыл рукой рот.

Театральное выступление генерала Тиктака выбило его из равновесия. Медный парень сделал своё битком набитое оружием тело ещё больше, сложнее и опаснее, и превратился в непобедимую военную машину. Против него Фрифтар со всеми своими дипломатическими средствами ничего не сможет поделать.

Другая вещь, которая его смутила, был вражок. Что за ерунда! Почему эти идиоты-алхимики послали именно один из самых крупных и непредсказуемых экземпляров? Экземпляра двадцатиметрового роста вполне бы хватило! Такой гигант ещё ни разу не заходил в город и его невозможно было контролировать. Если узнают, что это Фрифтар поднял вражок-тревогу, то его сделают ответственным за потери в собственных рядах. А это тупое чудовище просто не переставало всасывать в себя граждан Гела – знать, богачей, важных военных, всех без разбору!

Фрифтар выругался. Теперь он вынужден сидеть тихо и выжидать, пока генерал Тиктак и вражок отбушуют в Театре красивых смертей. Хорошо, что хоть сумасшедший король спит.

Он открыл окошечко ещё раз. То, что он за ним увидел, было настолько захватывающим, что советник просто не мог оторваться. Вся арена была в сияющем голубом дожде. Огромная машина сражается с вольпертингерами. Гигантский вражок над всем этим пожирает невинных граждан Гела. Трупы, умирающие, крики! Град искр на балконе медных парней! Какой спектакль! Фрифтар был уверен, что это наилучший спектакль когда-либо сыгранный в Театре красивых смертей.

Битва и пытка

Генерал Тиктак был доволен. Добыча сидела в клетке. Может быть, вольпертингеры и отличные воины, но со стратегическим мышлением они не в ладах. Этот парень забежал в ловушку, как ребёнок, добровольно лезущий в пасть льва. Ведь двери, которые открываются, могут закрываться – неужели вольпертингеры об этом никогда не слышали?

В теле Тиктака находилось сорок семь больших клинков, четырнадцать наполненных ядом стеклянных кинжалов, сотни стрел, дротиков и прочих снарядов. Половина из них была отравлена. Там была также построена выдвижная гильотина, разбрызгиватель кислоты, огнемёт, сюринкены, арбалеты и многое другое. Вольпертингер уже покойник, нужно только лишь выбрать каким образом он должен умереть. Он добровольно влез в собственный гроб.

Генерал Тиктак решил объединить полезное с приятным. Он будет сражаться с другими вольпертингерами, чтобы опробовать пару своих новых игрушек, и при этом одновременно покажет своему пленнику, где раки зимуют, заставив его прыгать через летающие клинки. Впервые генерал оказался в такой замечательной ситуации, когда он может кого-то пытать и одновременно сражаться и убивать. Он чувствовал, как скорбь улетучивалась.

Сердце в темноте

Румо нашёл неподвижный кусок скелета в теле генерала Тиктака, за который он мог держаться. В слабом свете, пробивающемся сквозь щели и погнутые рёбра, он видел лишь смутные очертания спутанной системы рычагов, крутящихся шестерёнок и скрытого оружия.

– Здесь нет ничего похожего на сердце или мозг, – решил Румо. – Если у него это когда-то было, то он наверняка его потерял.

– Ты будешь искать сердце ходячей смерти, но найдёшь его только в темноте! – сказал Львиный зев.

– Что?

– Последнее предсказание ужасок. Помнишь?

– **Что ты хочешь этим сказать?** – спросил Гринцольд. – **Какое отношение имеют к нам эти старые тётки?**

– Они имели в виду, что я должен закрыть глаза, – ответил Румо. – Я должен попытаться почуять сердце генерала Тиктака.

– **Хорошая идея,** – сказал Гринцольд. – **Тогда начинай!**

Румо крепко ухватился за скелет и закрыл глаза.

– **Что ты видишь?** – спросил Львиный зев.

– Я вижу металл разных цветов, – ответил Румо. – Я вижу машинное масло, оно везде. Я вижу и другие вещи, когда они при движении издают звуки.

– **А с сердцем что?** – спросил Гринцольд. – **Чуешь сердце?**

– Не знаю. Здесь есть пара чужеродных, незнакомых запахов. Кислота. Яд. Остро пахнущий порошок. Но ничего похожего на сердце. Или на мозг. Если оно тут внутри, то оно хорошо прячется.

– **Наверное, мы должны забраться глубже,** – сказал Львиный зев. – **Если оно спрятано, то наверняка очень глубоко.**

Румо открыл глаза и полез глубже в генерала Тиктака. Передвижение было рискованным, так как всё вокруг двигалось ещё беспорядочнее, чем раньше. Генерал Тиктак наклонялся вперёд и назад, крутился, поворачивался. Румо слышал, как в него летели снаряды, как звенели клинки. Он снова нашёл пару крепко привинченных прутьев, ухватился за них, закрыл глаза и снова принялся.

– **Что ты чуешь?** – спросил Львиный зев.

Опять запах этого порошка, очень резкий запах. Запах горячей нефти в контейнерах огнемёта, вонь дыма от кремния, отвратительные запахи разных ядов, химическое средство по уходу за металлом – всё в виде цветных нитей, скрученных вместе в тесном пространстве и форми-

рующих объёмную картину внутреннего мира генерала. А в середине, в центре боевой машины, увидел Румо ритмично пульсирующий зелёный свет.

– Там что-то светится, – прошептал Румо.

– *Где?* – спросил Львиный зев.

Румо пробирался дальше, в этот раз с закрытыми глазами.

– ***Смотри за что хватаешься!*** – предупредил Гринцольд. – ***Здесь много клинков. Может быть даже отравленных.***

Румо протиснулся между двух близко стоящих прутьев, прополз под крутящимся колесом с острыми зубьями, перелез через стеклянный клинок наполненный красным ядом и оказался прямо напротив источника пульсирующего света. Он стоял достаточно близко, чтобы открыть глаза и проверить что это.

В темноте его было практически не видно. Это была маленькая свинцовая коробочка в форме кирпича, от которой отходило множество проводов в разные области машины. Коробочка жужжала и пощёлкивала. Румо потрогал её – она была ледяной.

– Алхимическая батарейка, – разочарованно сказал он.

– *Батарейки не пульсируют,* – сказал Львиный зев. – *Оно внутри. Его сердце спрятано в батарейке, под слоем кислоты. Оно должно обладать сверхъестественной силой, раз ты смог почуять его через свинец. Отличное укрытие.*

Генерал Тиктак сильно дёрнулся и Румо чуть не упал на клинок. Он искал, за что он мог ухватиться и вынул меч.

– ***Разбей её!*** – приказал Гринцольд. – ***Разбей батарейку и вырви сердце из его тела до того, как он поймёт, что мы тут делаем.***

Румо размахнулся и одним ударом разрубил свинцовый корпус батарейки. Светящаяся зелёная кислота полилась через отверстие, кислый пар поднялся вверх. Кислота вытекла в темноту и открыла вид на белую субстанцию.

– *Тупой камень,* – разочарованно сказал Гринцольд.

– *Это замоним!* – прошептал Львиный зев. – *Возьми его!*

Румо убрал меч, схватил замоним – и быстро положил обратно.

– ***Что случилось?*** – спросил Гринцольд.

В момент прикосновения сквозь мозг Румо пролетела ледяная молния и в его голове одновременно заговорили тысячи голосов.

– ***Что?***

– Он очень неприятный на ощупь, – сказал Румо.

– *Ты не можешь до него дотронуться?* – спросил Львиный зев.

– Могу. Но, боюсь, не долго.

Генерал Тиктак пошатнулся. На короткое мгновение у него возникло впечатление, что он потерял над собой контроль. Отвратительное, до сих пор не знакомое ему чувство. Как будто что-то в нём оборвалось – нить, проволока, кабель, что-то, что вывело его из состояния равновесия. Он пошатывался на своих четырёх ногах, пока снова не выпрямился.

Тиктак очнулся от дурмана. Этот дурман охватил его во время сражения – дикое удовольствие от сражения с вольпертингерами, постоянно на него нападающими.

Эта временная потеря контроля напомнила ему о том, что он должен позаботиться о парне внутри своего тела, пока тот не стал угрожать ему. Как не жаль, но он должен остановить игру с вольпертингерами и начать смертную казнь. Генерал вздохнул. Пытать и сражаться одновременно просто не получалось.

Он решил открыть спинной панцирь. Если парень внутри него так глуп, как генерал предполагает, то он попытается выбраться через это отверстие. При этом генерал Тиктак убьёт его играючи.

Замоним

К голове Румо приближался свистящий звук, он быстро пригнул голову и над ним пролетело лезвие топора, висящего в воздухе на маятнике. Он отлетел в темноту, на секунду замер и полетел обратно. Третий и четвёртый раз пролетел топор над ним и остановился.

– Возьми, наконец, этот тупой камень! – крикнул Гринцольд. *– Надо убираться отсюда.*

Румо схватил замоним и вынул его из свинцовой коробочки. Ни разу он не дотрагивался до чего-то более холодного. Он попытался подавить импульс положить камень сейчас же обратно. Теперь для передвижения у него была только одна свободная рука.

Вдруг высоко над ним открылся спинной панцирь. Внутри упали лучи света. Наилучшего момента генерал Тиктак не мог выбрать – Румо как раз повис над красным стеклянным кинжалом, пролез через прутья и начал карабкаться вверх.

Со всех сторон раздавались угрожающие звуки: выезжали вертящиеся пыльные диски, сабли колоди темноту – весь металл в теле генерала приступил к поиску пленника. Румо карабкался дальше, крепко зажав замоним в кулаке. Никогда не переносил он более тяжёлый груз. Он чув-

ствовал как сначала его кисть, потом рука, потом плечо и наконец, всё тело стало ледяным.

– **Расти!** – хихикали одновременно тысячи голосов в его голове. – **Ты должен расти! Ты можешь стать самым великим вольпертингером. Ты должен со мной объединиться!**

Голоса сбивали Румо с толку. Он ухватился за острый клинок и порезал себе руку. Он быстро одёрнул её и на мгновение потерял равновесие.

– **Расти!** – кричали голоса. – **Ты должен расти! Ты можешь стать самым великим!**

Кровоточащей рукой ухватился Румо за металлические прутья и подтянулся вверх.

– **Вместе мы можем всех покорить!** – скрипел замоним. – **Ты сильный! Я сделаю тебя ещё сильнее!**

В темноте что-то несколько раз щёлкнуло. Это выстрелили арбалеты.

– **Осторожно!** – крикнул Гринцольд. – **Стрелы!**

Румо услышал, как расслабились тетивы многих луков, и пригнул голову. Над ним жужжа пролетело облако стрел. Они ударились о металлический барьер и со свистом упали вниз. Румо полез дальше.

– **Ты – великий воин!** – шептал замоним. – **Невозможно представить, чего мы достигнем вместе. Я могу сделать тебя бессмертным.**

– *Не слушай глупую болтовню!* – сказал Львиный зев. – *Это просто кусок мусора.*

– **Ничто не сможет нас разлучить,** – шипел замоним. – **Вместе мы будем вечны!**

– **Осторожно!** – снова крикнул Гринцольд, но на этот раз слишком поздно: молниеносный удар меча из темноты нанёс глубокую рану на руке Румо, в которой он держал замоним. Клинок автоматически отъехал назад и исчез. Румо удивился, что не почувствовал боли. Вся его рука будто онемела.

– **Клинок был отравлен!** – сказал замоним. – **Но яд для тебя не опасен, поскольку моё присутствие делает тебя неуязвимым.**

Румо увидел, как яд в его ране с шипением испарился и рана зажила.

– **Мы можем стать такими сильными!**

– **Осторожно!** – крикнул Львиный зев. – **Пригнись!**

Румо пригнулся и лезвие гильотины пролетело в пустоту.

– *Лучше сконцентрируйся на том, как отсюда выбраться,* – сказал Львиный зев. – *Вместо того, чтобы слушать этот бред.*

Отверстие, к которому пробирался Румо, было уже не далеко. Через щели Румо видел вольпертингеров, запрыгнувших на генерала со всех сторон. Там был Рольф. Олег. Биала и прочие. Они протягивали Румо руки.

– Здесь, Румо!

– Здесь!

– Здесь!

– У тебя получится, Румо!

Огромные лапы Тиктака срывали вольпертингеров с тела, но на пустых местах сразу же появлялись новые вольпертингеры. Они все рисковали своей жизнью ради Румо.

– Дальше, Румо!

– Дальше!

Урс просунул в отверстие и протянул ему руку.

– Хватай, Румо! Давай! Давай уже!

Тело Румо стало холодным и бесчувственным, только рука, которой он цеплялся за прутья, подчинялась ему. Если он сейчас её отпустит и промахнётся мимо руки Урса, то он упадёт вовнутрь генерала Тиктака, между крутящимися пилами и колющими клинками. Перед его глазами всё расплылось.

– Он закрывает двери! – кричал Урс. – Он закрывает свою спину!

Румо посмотрел вверх и как в тумане увидел, что крылья генерала Тиктака медленно возвращаются на свои места. Румо отпустил руку.

Урс мёртвой хваткой ухватил его запястье.

– Я держу тебя! – крикнул он.

Он вытянул Румо вверх. Он сжал зубы и стонал от напряжения. Его друг висел, как мешок и даже не пытался двигаться. Урс, чертыхаясь, вытянул его из отверстия, взял его под мышки и вместе с ним спрыгнул вниз. Они упали на песок арены.

Румо лежал, постанывая, его глаза были стеклянными. В кулаке он держал замоним. Урс вскочил и помог Румо встать.

Другие вольпертингеры тоже спрыгнули с Тиктака. Генерал всё ещё шатался, явно сбитый с толку. Его оружия появлялись и скрывались. Он опустил вниз свою челюсть, но из неё раздавалось только равномерное тиканье.

Олег подошёл к Румо:

– Что у тебя в руке? – спросил он.

– Сердце Тиктака, – пролепетал Румо. – Где он?

– Его сердце? – спросил Олег. Он протянул Румо свою пращу. – У меня есть идея! Клади его сюда.

– **Нет!** – закричал замоним в голове Румо. – **Мы должны оставаться вместе!**

Румо отпрянул от Олега.

– Давай! – сказал Олег и снова протянул пращу. – Я позабочусь о нём.

– *Отпусти, наконец, этот проклятый замоним!* – скомандовал Львиный зев. – *От-пус-ти его!*

– **Это приказ!** – проревел Гринцольд.

Румо съёжился и положил камень в пращу.

Олег отошёл на пару шагов вперёд, поднял вверх пращу, размахнулся ею несколько раз вокруг головы, отпустил ремень и замоним полетел вверх. Все, как зачарованные, следили за полётом.

Белый камень полетел над ареной и трибунами прямо в сторону хобота врахока. Замоним затянуло прямо в хобот вместе с пылью, мусором, живыми и мёртвыми зрителями и солдатами. Камень пролетел вверх по прозрачному хоботу и затерялся в хламе. Вольпертингерам не было видно, где во внутренностях чудовища он остановился.

Некоторые из них уже отвернулись и опять сконцентрировались на качающемся генерале Тиктаке, как вдруг хобот врахока затих. Тяга временно прекратилась, и все опять усталились на чудовище. Из его тела слышались рвотные звуки, но затем он опять продолжил работу. И вдруг остановился во второй раз, и в третий. Хобот задрожал и задёргался, как при судорогах, поднялся над трибунами, где он всасывал только воздух, и тяга совсем прекратилась.

Одно мгновение царила полная тишина, затем раздался ужасный вой и свист. Гигантское чудовище закачалось над стадионом, а в его животе всё колыхалось и пенилось. Раздался глухой удар из живот врахока начал быстро надуваться. Ещё один удар и кожа живота надулась и натянулась ещё сильнее, а зрители снова закричали и забегали в панике. С ужасным звуком врахока вырвало, и в зрительный зал из его хобота вывалилась кашеобразная масса из слизи, хлама и непереваренных трупов.

Третий удар и живот врахока лопнул одновременно в нескольких местах. Огромные куски внутренностей полетели вниз. Чудище ещё раз оглушительно завывало и одна из его гигантских ног подогнулась. Его суставы скрипели, как падающие деревья. Вторая нога подогнулась, и третья.

Вражок попытался найти равновесие с помощью остальных ног и при этом так сильно ударился о стены театра, что в них образовались трещины.

Теперь гигантское животное падало вниз. С диким свистом он медленно наклонился в сторону, его огромное тело при этом снесло большую часть восьмиугольной стены театра и накрыло зрительные ряды вместе с мусором и чёрными черепами. Панцирь вражеского вместе с его погонщиками упал за стенами театра, но все в театре почувствовали удар, с которым внутренности чудовища вывалились на улицы Гела. Вверх взмыли чёрные облака пыли, закрыв результаты ужасного происшествия тёмным покрывалом, затем пыль осела вниз, покрыв всё тёмной сажей.

Классическая музыка

Через мёртвый мир кровеносной системы Ралы пронёсся звук.

Ба-бамм!

Он звучал как литавры, как барабан на корабле с гребцами-рабами.

Ба-бамм!

Это был звук, задававший с самого рождения сердцу Ралы такт, управляющий ритмом жизни. Звук, регулирующий возбуждение и спокойствие, сон и бодрствование. Звук, затихший, когда пришёл подкожный эскадрон смерти.

– Сердце. Оно снова бьётся! – сказала несуществующая крошка номер один.

Ба-бамм!

– Оно хорошо бьётся, – сказала несуществующая крошка номер два.

Ба-бамм!

– Если учесть, что оно только что ещё было мёртвым, то оно отлично бьётся! – сказала несуществующая крошка номер три.

Ба-бамм!

Подкровная лодка с трудом плыла в плазме. Масса всё ещё была густой и вялой, но с каждым ударом сердца, с каждым толчком, проходящим по венам, она становилась жиже.

– Процесс свёртывания остановлен, – сказала несуществующая крошка номер один.

– Кровотечение возобновилось, – сказала несуществующая крошка номер два.

– Роторы крутятся свободнее, – сказала несуществующая крошка номер три.

Ба-бамм!

Смайк увидел, как движение дошло и до кровяных телец, горы трупов ритмично содрогались в такт бьющегося сердца. Горы трупов? Тут не было больше никаких трупов. Тут были миллионы сонных частичек, медленно просыпавшихся из-за невероятного шума.

Ба-бамм!

Ба-бамм!

Ба-бамм!

Удары сердца беспощадно гремели. Смайк ухмыльнулся. Как тут можно спать? Такой шум разбудит даже мёртвых. Сонные частички шевелились в крови, перемешивали её, согревали и делали жидкой. От сердца исходили всё новые и новые толчки и катились по сосудам. Как стаи бабочек взмывали вверх тромбоциты, а белые кровяные тельца проносились между ними, как цветочная пыльца. Наконец все поднялись, затанцевали в такт бьющегося сердца и понеслись по всем артериям. Смайк присутствовал при втором рождении – триумф над смертью, в котором он сыграл решающую роль. Из его глаза выкатилась одна слезинка, которую он быстро стёр. Затем он истерически засмеялся.

Ба-бамм!

– Это музыка жизни, – сказала несуществующая крошка номер один.

Ба-бамм!

– Не слишком разнообразная... – сказала несуществующая крошка номер два.

– Но классическая! – сказала несуществующая крошка номер три.

Ба-бамм!

Лодка всё быстрее плыла в крови.

– Музыка жизни! – кричал Смайк. – Невероятно! Я не имел ни малейшего понятия, что сердце может так чудесно звучать!

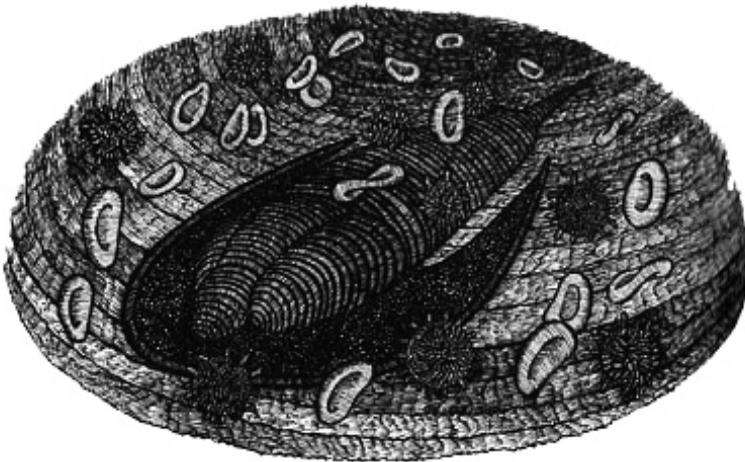
– Мы преодолели смерть, Смайк! – сказала несуществующая крошка номер один.

– Правда, это великолепное чувство, когда что-то преодолеваешь? – спросила несуществующая крошка номер два.

– Как дела, Смайк? – спросила несуществующая крошка номер три.

– Всё уго?

– Да, – засмеялся Смайк. – Всё уго!

Тиканье

Вольпертингеры молча стояли на месте, превращались под падающей пылью в чёрные статуи и смотрели на последние судороги упавшего вражона. Покрытые сажей зрители и солдаты, спотыкаясь, пытались выбраться наружу через разломанную стену театра.

Генерал стоял на арене, но теперь совершенно неподвижный. Вольпертингеры снова собрались вокруг него, на приличном расстоянии.

– Может быть, он собирается с силами? – сказал кто-то.

– Может быть, он умер, – воскликнул Урс.

– Он не умер, – сказал Биала. – Только не он.

Олег поднял камень, положил в свою пращу и швырнул его в голову генерала Тиктака. Над руинами театра пронёсся глухой звон.

– Он мёртв, – повторил Урс. – Румо убил его. Он вырвал ему сердце.

– Или он ждёт, когда мы подойдём ближе, – сказал Олег.

– А вот увидим, – сказал Урс и пошёл к генералу. Румо, прихрамывая, последовал за ним. Он всё ещё был слаб.

– Будьте осторожны, – крикнул им вслед кто-то из вольперингеров.

Они остановились у ног медного парня и недоверчиво заглянули внутрь него. Ничего не двигалось. Все шестерёнки, всё оружие были неподвижны.

Урс ударил по одной из ног. Затем он посмотрел на Румо.

– Он мёртв, – сказал он. – Раз и навсегда!

Румо прислушался. Силы медленно возвращались в его тело, но органы чувств были ещё не совсем в порядке. Левая половина тела будто онемела и в ушах у него раздавался тонкий звон. Но кроме этого он слышал ещё что-то. Ритмично повторяющийся звук. Он исходил из застывшего генерала.

"Тик...так...тик...так..."

– Слышишь это? – спросил Румо.

– Да. Он всё ещё немного тикает.

"Тик...так...тик...так..."

– Почему он тикает, если он мёртв?

– Ну, может быть какая-то деталь или пружинка ещё не совсем остановились, – сказал Урс. – Он просто куча железа. Расслабься.

Румо закрыл глаза и принял. Всё те же запахи, которые он чувствовал внутри Тиктака – смазка, кислота.

"Тик...так...тик...так..."

Резко пахнущий порошок.

"Тик...так...тик...так..."

Горящая нефть в контейнерах огнёмёта.

"Тик...так...тик...так..."

Дымящийся кремень.

Румо схватил Урса за руку и побежал прочь.

– Все в укрытие! – закричал он. – Он сейчас взорвётся!

Вольпертингеры повернулись и побежали в разные стороны.

"Тик...так...тик...так..."

– Это его последнее оружие! – кричал Румо.

"Тик...так...тик...так..."

Вольпертингеры перепрыгнули через обломки стены, лежавшие на арене, и укрылись за ними.

"Тик...так...тик...так..."

Внутри генерала Тиктака что-то затрещало, раздался глухой взрыв, из всех его отверстий вырвались языки пламени и со следующим, более громким взрывом, его панцирь разлетелся на тысячи кусочков. Шпаги, мечи, топоры, пилы, стрелы, гайки, шурупы, болты и осколки из серебра, железа, стали и меди разлетелись во все стороны, просвистели над головами вольперингеров и ударились в стены театра. Голова Тиктака взлетела вверх, почти на ту высоту, где раньше над театром стоял вражок. В самой верхней точке она перевернулась несколько раз, как шпага в многогранном де Люкке, на мгновение повисла в воздухе, как луна из меди и стали в мире без неба, полетела назад на стадион и врезалась глубоко в землю. Мелкий дождь едкой кислоты, шипя, пролился вслед за головой, со звоном на землю упало несколько металлических частей и вокруг всё покрылось сверкающей пылью. Затём наступила тишина, даже шум сражения на балконе медных парней стих.

Вольпертингеры вышли из укрытия и выбежали на арену, удивлённо оглядываясь. Везде блестели и сверкали серебро и медь, в каждом обломке стены, в каждом камне, в каждом чёрном черепе торчал крошечный осколок генерала Тиктака. Руины Театра красивых смертей превратились в гигантский надгробный памятник.

Белая крыса

Румо и его друзья собирались вместе, чтобы уйти из Театра красивых смертей, как вдруг на арену из ворот вышло странное общество. Это были пожилые вольпертингеры в сопровождении огромных чёрных существ. Впереди всех шёл Рибзел-мятежник, Йодлер-с-гор – бургомистр и Шторр-жнец.

– А где медные парни? – спросил кто-то.

– Они просто замерли, – ответил Рибезел. – В одну секунду. Внизу раздался взрыв и...

Он пожал плечами:

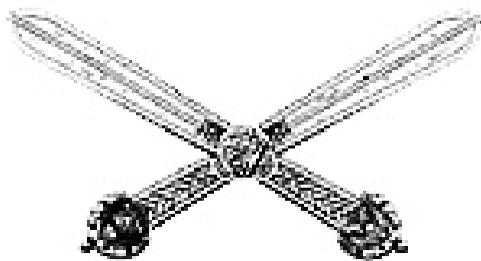
– Они всё ещё стоят там, на балконе, беззвучно, как сломанные часы.

Румо вспомнил рассказ Смайка о Нурненвальдском лесе:

– Кончина генерала Тиктака стала также кончиной медных парней, – сказал он. – Они родились вместе с ним, они с ним и умерли.

Всех раненых по возможности перебинтовали, и затем бургомистр подал сигнал к отходу. Вольпертингеры, йети, Укобах и Рибезел покинули театр, как и все остальные выжившие в этом спектакле, через разломы в стене.

Но всего лишь совсем короткое время театр казался мёртвым, так как вскоре после того, как все его покинули, из ворот появилась огромная, безглазая крыса-альбинос с красным хвостом и когтями. Она ещё долго ощупывала щупальцами полуживые жертвы, а затем разочарованно набросилась на мёртвых.

VI. Красное пророчество

– Что тоэ был за шум? – ругался полусонный Гаунаб. – Как я гумо спать? Лачасна питскри ватькро, томпо сясуттря нысте, темза тотэ взрыв! Что там дитхоиспро?

Фрифтар разбудил Гаунаба из глубокого наркоза. Маленький король выпил целую бутылку снотворного, которой хватило бы на три дня.

– Они убегают! – театрално воскликнул Фрифтар. – Вольпертингеры бегут! Мы разбили их!

– Нио... гутбе? – спросил Гаунаб ещё невнятнее, чем обычно. – Рыгетинперволь гутбе? Всё лосьчиконза?

– Да, всё закончилось, – сказал Фрифтар и понизил голос. – Это хорошие новости. Но есть ещё не совсем хорошие...

– Есть ехипло тивосно? – испуганно прервал его Гаунаб и спрятался под одеялом.

– Да, есть парочка не очень хороших новостей. Театр красивых смертей полностью разрушен. Генерал Тиктак мёртв. Медных парней тоже больше нет. Множество потерь, также и среди гражданского населения. Один вражок упал на жилой квартал, – Фрифтар кашлянул.

Гаунаб потёр глаза.

– Тоэ всё? – зевая, спросил он. – Шеболь гочени?

Фрифтар собрался. Сейчас наступает щекотливый момент. Он соорил печальное лицо:

– Нет, я боюсь, что не всё ещё закончилось, ваше величество. Мы не можем позволить вольпертингерам безнаказанно разрушить наш театр, убить генерала Тиктака, вражока и бесчисленное количество гражданских и военных лиц.

– Нет? Мучепо? – Гаунаб разочаровано потряс пустую бутылочку из-под снотворного.

– Потому что это будет очень плохо выглядеть в книгах по истории. Мы должны догнать на вражоках вольпертингеров и всех их истребить.

Фрифтара прервал неожиданный приступ кашля.

– Что лосьчислу? Ты ленбо? – Гаунаб поднял руки пытаясь защититься от микробов.

Фрифтар отряхнулся:

– Я не знаю... боюсь у меня лёгкая простуда.

– Датупрос? Но ты дакогни не делбо!

– Я знаю... ничего страшного...вероятно, лёгкая инфекция.

– Яцифекин? – испуганно спросил Гаунаб. – Не дихопод ко мне коблиз со ейсво ейцифекин!

Фрифтар повернулся к королю спиной и, кашляя, прижал ко рту платок.

– Боюсь, вы должны возглавить поход врахоков без меня, ваше величество! Мы должны исключить риск заражения!

– Я жендол витыглавозь ховра...? – Гаунаб не решался произнести это до конца.

– Да, конечно. Вы должны возглавить поход. Король должен сейчас продемонстрировать народу и военным свою силу, иначе мы дадим повод для бунта.

– Лижеуне я жендол? – Гаунаб прижал к груди подушку.

– Здесь, в Геле, в течение нескольких следующих недель для вас, ваше величество, будет всё равно мало развлечений. Театр и часть города разрушены. Необходимо будет выполнить множество политических обязанностей. Расчистить завалы. Произносить речи. Успокоить народ. Всё это я могу выполнить за вас. Мы должны быстро сжечь трупы, чтобы не началась эпидемия.

Фрифтар закашлял ещё сильнее.

– Ямидепиэ? – хныкнул Гаунаб и ещё сильнее прижал к себе подушку. – Я не чухо койкани имидепиэ!

Он задумался. Поход с врахоками – в общем, не такая уж плохая идея. Подальше от этого бардака! Подальше от беспорядков, мёртвых, инфекций и эпидемий!

– Это будет небольшой прогулкой! – сказал Фрифтар. – Триумфальным шествием! Я позабочусь обо всех удобствах. Мы сейчас же отправим вас к врахокам. Понадобится пара дней, чтобы подготовить и загишнотизировать всех врахоков. Но вы всё это время будете окружены роскошью. Я прикажу разбить для вас большой шатёр и пришлю к вам лучших поваров. Шуты, чтецы, танцовщицы, всё, что вы пожелаете. Я прикажу, чтобы вас никто не обременял проблемами.

Гаунаб съёжился:

– Мылепроб? Екика мылепроб?

– Я гарантирую вам, ваше величество, что никаких проблем не возникнет! Я прикажу подготовиться всем погонщикам вражеских. Мы установим на самом большом вражеском троне с крышей. Когда отряд догонит вольпертингеров, тогда вы возьмёте на себя командование, чтобы ваше имя покорителя вольпертингеров стояло в книгах по истории. И затем вы будете наблюдать за спектаклем с вашего трона на безопасном расстоянии. После этого вы с триумфом вернётесь в Гел.

Гаунаб засмеялся. Всё звучало очень захватывающе. И намного интереснее, чем сжигать трупы.

– Если я правильно думаю..., – тихо сказал Фрифтар.

– Что же? – спросил Гаунаб, уже совсем проснувшийся. – О чём ты ешьмаду?

– Если я правильно думаю, то таким образом вы исполните Красное пророчество.

– Я?

– Конечно! – Фрифтар ударил себя по лбу. – Это же предопределение!

– Ениледереопред?

– Ну конечно же! – возбуждённо воскликнул Фрифтар. – И как я раньше не догадался? Это же исполнение Красного пророчества! Вы – Гаунаб всех Гаунабов! Это же начало нового летоисчисления!

Гаунаб был сбит с толку:

– Но ведь тоэ щийюдусле Набуга детбу Бомнауга всех Бовнауга! – ответил он.

– Отнюдь нет, ваше величество! Вы не последний, вы – первый Гаунаб! Может быть, кто-то ошибся в подсчётах! Или неверный перевод! Если вы пойдёте в поход и уничтожите вольпертингеров, то это будет первой официальной войной с наземным миром. Это значит, что Красное пророчество исполнится. Тогда вы – Гаунаб первый! Гаунаб всех Гаунабов!

– Да! – закричал Гаунаб. – Я – Набуга! Набуга всех Бовнауга!

Он возбуждённо боксировал подушку.

Фрифтар облегчённо вздохнул. Наконец-то всё решилось.

– Набуга! – каркал Гаунаб. – Набуга всех Бовнауга! Да! Да! Дивепри няме к камхора! Я чухо битву ровгетинперволь! Битву! Битву!

Музыка жизни

Йети и вольпертингеры молча пришли к башне генерала Тиктака через весь хаос, царящий вокруг Театра красивых смертей. Везде валялись части упавшего враока и его отвратительно пахнущие внутренности. Гелцы и гомункелы бегали всюду и помогали раненым, не обращая на чужаков ни капли внимания.

И вот они стоят у чёрной башни генерала. Румо и Рольфу предстоял сложный путь: они хотели забрать тело Рало и унести его домой. Пока остальные готовились к обратному пути, они оба, молча, вошли в башню.

– Она там, наверху, – сказал Румо.

Они поднялись по лестнице в комнату медной девы и Румо открыл дверь, уступая дорогу Рольфу.

В центре комнаты стояла Рала, бледная, как привидение, с впавшими щеками и тёмными кругами под глазами, на слабых ногах и дрожащая. Смайк и Колибрил поддерживали её, и доктор как раз измерял её пульс.

– Ба-бамм, ба-бамм, ба-бамм, – говорил он при этом. – Музыка жизни. Всегда приятно её слышать. Классика!

Рольф бросился к Рале и брат с сестрой обнялись. Румо стоял как каменный – при виде Ралы его, как и всегда, охватила робость.

– Да, – ухмыльнулся Смайк. – Ты удивлён, мой мальчик? Чудо жизни! И скромно хочу добавить, что я сыграл в этом не последнюю роль. Как всё прошло в театре? Всё уго?

Румо всё ещё стоял, как вкопанный.

– Что? – спросил он обалдело.

– О! – сказал Смайк. – Это просто такое выражение! Я хотел спросить всё ли в порядке.

– Театр разрушен, – глухо сказал он. – Мои соплеменники освобождены. Генерал Тиктак мёртв.

– Кто это генерал Тиктак? – спросила Рала.

Одно мгновение все молчали. Рала и Румо смущённо смотрели друг на друга, как будто они только что проснулись от кошмарного сна. Румо нащупал на поясе шкатулку, но не вытащил её.

– Мы должны уйти отсюда, – сказал Румо. – Мы должны воспользоваться всеобщим хаосом и покинуть город.

– Правильно, – сказал Смайк. – У нас у всех есть что рассказать. Но давайте сначала уйдём из этого уродливого города.

Йелма

Никто не решился преградить путь вольпертингерам и йети, когда они уходили из Гела. Улицы, по которым они шли, были пусты и темны. Они не встретили практически ни одного жителя, а те, кто им попался на пути, мгновенно исчезали в тени.

Укобах и Рибезел вели всех, так как им была известна самая короткая дорога, ведущая из города. За ними шёл Шторр-жнец со своими парнями, шествие замыкали вольпертингеры. Румо присоединился к Шторру, чтобы задать ему пару вопросов.

– Почему ты пошёл за мной в Гел?

– Почему? – хрюкнул Шторр. – А почему я пошёл в зыбучие пески Унбисканта? Да потому, что я дурак.

– Точно! – сказал йети, идущий за ними.

– Ты спрашиваешь: почему? – Шторр заскрипел зубами. – Я скажу тебе почему: точно не из-за тебя. Я сделал это для Йелмы.

– Кто это Йелма? – спросил Румо.

– Ну, – начал Шторр. – Когда ты высадился из моей лодки, я очень долго думал, малыш. Я плавал по чёрному озеру и понял, какой же ты идиот.

– Хм, – сказал Румо.

– А затем я рассмеялся. Я целый день не мог прийти в себя из-за тебя и твоей безумной идеи пойти в одиночку в Гел и сразиться с целой армией чертей, чтобы освободить возлюбленную. Да, как я смеялся!

Йети сзади них язвительно хмыкнул.

Румо был не совсем уверен, хочет ли он слушать дальше эту историю.

– А затем я заплакал, – сказал Шторр. – Ну, не по-настоящему заплакал, у мёртвых йети ведь нет слёз. Это похоже на сухой кашель, но, в общем, тоже самое, что и плач, понятно? Я ревел не из-за тебя, даже и не думай! Я – чёрствый старый йети и мне совершенно безразлично, что с кем происходит. Если бы в моего лучшего друга – а у меня вообще нет друзей! – короче, если бы в моего лучшего друга, стоящего около меня, ударила молния, то мне было бы безразлично, понимаешь?

Шторр мёртвыми глазами взглянул на Румо.

– Понимаю, – сказал Румо.

– Нет, я плакал из-за себя. Я ревел, так как в тебе я, как в зеркале, увидел себя, не такого старого, мёртвого и уродливого, как сейчас, а молодого и резвого, такого, каким я был в твоём возрасте!

Румо кивнул.

Голос Шторра вдруг стал звонче и моложе:

– Я был одним, двумя, да что там – я был как дюжина йети. Когда я мочился и ветер дул не в ту сторону, я никогда не отворачивался – только не я! Вокруг были другие, но это был мой мир и они жили в нём по правилам Шторра, ясно? Я был Шторр-жнец, и они знали, почему меня так звали. Моё сердце пылало!

– Ну-ну, – сказал йети позади них.

Шторр снова понизил голос:

– Тогда я влюбился в девушку-йети. Её звали Йелма и это действительно плохая история. Короче говоря – Йелма умерла. Какая-то проклятая болезнь, очень быстрая, и вот она уже мертва. Я хотел вернуть её, и если бы где-то было царство, полное чертей, неважно где, я бы пошёл туда даже без оружия и я бы вернул её, мою Йелму! Но не было никакого царства. Она просто умерла, а я стал спокойнее, потом постарел и вот, наконец, я сам мёртв или почти мёртв. Ну да, ты же знаешь.

Шторр сухо закашлял и долго молчал.

– И вдруг ты сидишь в моей лодке и рассказываешь, что направляешься в царство чертей, чтобы вернуть возлюбленную. Один с этим ножом для сыра. И тогда, после того как ты ушёл и я достаточно наревелся, насмеялся и надумался, тогда я сказал себе: а почему, собственно говоря, я не иду вслед за этим идиотом? Почему я не иду с ним в город полный чертей и, наконец, снова не рискую чем-то? Так как если я этого не сделаю сейчас, то моя Йелма никогда не простит меня. И тогда, когда я по-настоящему умру, то не смогу показаться перед её глазами.

Шторр снова закашлял.

– И это было именно то, что мои парни хотели от меня услышать. "Эй, парни" сказал я "давайте пойдём в этот город чертей и спасём задницу этого тупого вольпертингера". "Ну, конечно" крикнули они в ответ "это твоя лучшая идея с тех пор, как мы шагнули в зыбучие пески Унбисканта". На что я ответил "Тому, кто ещё раз упомянет эту проклятую историю с Унбискантом, я воткну его весло в горло и закопаю с головой в камышах!". Тут все замолкли, и я сказал "Ладно, вы, тупицы, я пойду сейчас в город полный чертей. И мне не важно, пойдёт со мной кто-нибудь или нет. Если вы и дальше хотите быть мёртвыми, то и сидите в своих дурацких лодках на этом вонючем нефтяном озере, пока не превратитесь

в уголь. И мечтайте дальше о былых временах! Я в любом случае иду в Гел, у меня долг перед Йелмой!". И знаешь что? Все, кроме небольшого отряда, оставшегося следить за лодками, все, пошли со мной. Мои парни! Мои тупицы!

– Сам тупица! – сказал йети позади них.

– И знаешь, что я хочу тебе ещё сказать? – спросил Шторр. – Это было правильно! Мы победили медных парней! Мы показали этим гелским чертям! И я видел её, твою Ралу! На мой вкус слишком тощая, но было бы жаль, если бы она умерла. Это был удачный поход. Ты уже отдал ей шкатулку?

Шторр заговорщицки хихикнул.

– Нет, – тихо сказал Румо.

Шторр остановился:

– Нет? Почему нет?

– Не получилось пока?

– Что не получилось?

– Не было подходящего момента.

– А когда он должен быть?

– Скоро, – сказал Румо.

– Как скоро? – упорствовал Шторр.

– Очень скоро, – сказал Румо и замедлил шаги, чтобы вернуться к своим приятелям.

Спаситель

Фрифтар присел на осиротевший трон Гаунаба и смотрел на разрушенный Театр красивых смертей. На стадионе его солдаты пытались зажать копьями в клетку огромную крысу-альбиноса.

Королевский советник не верил своему счастью. Среди этого жуткого хаоса судьба так благосклонно к нему отнеслась.

Проклятый генерал остался лишь мрачным воспоминанием, кучей обломков застрявших в камнях, медным блеском, осевшим на руины театра, улетучившимся кошмаром. Медные парни застыли на балконе и превратились в безобидный военный памятник. Повстанцы находятся в бегах.

Король Гаунаб согласился на приключение с врагами. Не важно, как закончится поход, у Фрифтара в это время будет достаточно возможностей обернуть всё в свою пользу и настроить народ против короля.

А что могло произойти! Революция! Гел в огне! Его самого могли осудить, линчевать, казнить! Но вместо этого он на пути к престолу Гела.

Какой великий и важный день в истории Гела! Наверное, даже важнейший! Конец династии Гаунабов, начало царствования Фрифтаров!

Фрифтар осмотрел стадион. Он его снова отремонтирует. Ах, нет. Он его разрушит до конца и построит новый, в три раза больше прежнего – стадион Фрифтара, достойный памятник его вечной славы. Медных парней расставят вокруг арены, как великолепные статуи, как напоминание о прошедшей эпохе. Он уже слышал восхищённые крики толпы, обращённые на этот раз не к дегенерировавшему монарху, а к нему, Фрифтару-прилежному. Да, отличное прозвище! Так он будет себя называть, так как прилежание и дисциплина, пот и слёзы привели его туда, где он сейчас находится – на трон. Он будет первым правителем Гела, который будет руководствоваться здравым смыслом, а не безумием. Спаситель, король-мыслитель.

Фрифтар встал в ответ на воображаемые овации – и снова сел.

Что это? Почему ноги не слушаются его? Его бёдра такие ледяные, голени он вообще не чувствует. Но причин для паники нет. Последние часы были слишком напряжёнными. Он должен немного отдохнуть. Но странно, холод поднимается выше. Его грудь, его руки, всё замерзает. Его горло, его лицо. Лицо его застыло и в голове возникла лёгкая острая боль. В ушах снова что-то защёлкало. На лбу выступил холодный пот. Нет, он не может серьёзно заболеть. И именно сейчас!

Властелин врахов

Понадобилось несколько дней на подготовку всех врахов. Затем их разбудили и заново загипнотизировали для большого марш-броска. Главнокомандующие гельской армии хотели выйти в поход на всех врахов, даже на самых крупных. Поэтому они решили пойти через *Зал Гаунаба* – самые большие пещеры подземного мира. Остальные дороги в Вольпертинг были для них непроходимы или, как обрывистые пещеры *Врахокского тупика*, полны препятствий.

Гаунаб всё время проводил в своём шатре, где группа придворных шутов усердно поддерживала его настроение, когда он не находился в наркотическом сне, вызываемом лекарствами Фрифтара.

Когда поход начался, то шатёр короля привязали на самого большого врахока, а в шатре на специальной платформе прикрепили трон, на котором сидел пристёгнутый Гаунаб. Он постоянно находился между эйфорией и истерическим страхом. То он хотел кричать от ужаса, то у него начинались приступы смеха – так воздействовали различные медикаменты на его нервную систему.

Вид с врахока на подземный мир был восхитительным, а животное двигалось на своих двенадцати ногах так спокойно и плавно, что наверху этого почти не чувствовалось. Через несколько часов Гаунаб привык и почувствовал себя неуязвимым, могущественным, как никогда: властелин врахоков, руководитель самой страшной армии Гела. Когда он оглядывался назад, то видел всех врахоков Гела, сотни, различной величины, послушно идущие за ним. На врахоках сидели его солдаты, а вокруг парили большие летучие собаки. Так выглядела непобедимая армия! Это намного лучше Театра красивых смертей! Даже вонь врахоков стала казаться ему приятной, а пугающие звуки, которые они издавали, звучали в ушах Гаунаба прекрасной музыкой.

Караван быстро добрался до *Зала Гаунаба*. Здесь, внизу пещеры были такими огромными, что даже врахоки казались в них мелкими насекомыми, ползающими по полу грота. В зависимости от их размера на них сидели от десяти до ста солдат. В качестве освещения служили сами врахоки, чьи внутренности в тёмных пещерах начинали светиться ещё ярче. Для дополнительного света на спинах самых крупных экземпляров зажгли факелы и разожгли костры в металлических чашах.

Царство Гаунаба

С каждым шагом врахоки быстро продвигались вперёд. Гаунаб не мог наглядеться на болезненную красоту своего тёмного царства. Чудесно! Пугающие тени чудовищ скользят по стенам, толпы испуганных пещерных сосальщиков скрываются в тени. Он даже не представлял, какое у него огромное королевство. Гаунабы – великие правители! Их голоса проснулись и начали его подзадоривать:

Дальше!

Дальше!

Властелин врахоков!

Исполни красное пророчество!

*Король Гела!
Кровь нашей крови!
Мозг нашего мозга!
Наш сын!
Наша гордость!*

Всё, что освещал свет факелов, было чудом. Огромные сталактиты и сталагмиты, выше врахоков, движущихся в сумраке, как сонные гиганты. Мотыльки с огромными металлически поблескивающими крыльями, порхающие вокруг трона Гаунаба. Захватывающий дух вид каскадов из цветных сверкающих камней, спускающихся с высоких скал и похожих на огромные водопады – весь подземный мир пытался сиять для своего властелина!

Гаунаб смеялся и кричал на своём троне. Красное пророчество исполнялось! Это был триумфальный марш, и он не будет последним. Низ – это верх, право – это лево, война – это хорошо, а мир – плохо. Гаунаб ещё никогда не чувствовал себя так чудесно.

Дорога Шторра

Рибезел и Укобах предупредили вольпертингеров, что гелцы, скорее всего, пустятся за ними в погоню на врахоках. Так как Шторр-жнец лучше всех ориентировался в подземном мире, то он был единодушно назначен проводником.

Чтобы врахоки не смогли их преследовать, он вёл их по узким шахтам, кривым закоулкам и тоннелям с низкими потолками. Они шли по миру, где обитали слепые и глухие существа, насекомые, ориентирующиеся с помощью щупалец и не пугающиеся звуков. Это приводило порой к необычным встречам в темноте. Пещеры были влажными, камни неровными и скользкими. Часто между ними были большие глубокие трещины, так что приходилось следить за каждым шагом. В некоторых местах приходилось идти в абсолютной темноте, так как там не росли светящиеся мхи, а резкий запах нефти не позволял зажигать факелы. Чаще всего было очень холодно, и замёрзшая влага делала дорогу ещё сложнее.

Рала, с тех пор как она вернулась из царства смерти, становилась беспокойнее с каждым часом, как будто она хотела наверстать упущенное в медной деде время. Она постоянно двигалась, то бежала впереди с йети, то позади вольпертингеров. Всегда наготове со своим луком, если где-то

появлялось опасное насекомое или зверь. Было видно, как жизнь возвращается в её тело, как её движения становятся плавными, а хватка сильной.

Румо с Урсом, Рольфом, Таско и Биалой создали арьергард, для защиты от нападения сзади. К ним присоединились Укобах и Рибезел, в то время как Смайк и Колибрил шли с пожилыми вольпертингерами.

Но всё же в этом марше из темноты в темноту никто не мог рассчитывать на помощь со стороны. Если в Геле они были заточены в сердце зла, то теперь они пробирались по его органам. И никто не мог сказать, что было хуже.

Только на третий день они сделали первый привал. Йети не нуждались в отдыхе и сне, но вольпертингеры, в особенности старые, несмотря на выдержку, не обладали бесконечной энергией.

Они разожгли в небольшой пещере огонь. Большинство сразу же уснуло, но некоторые, включая Румо, Урса, Рольфа и его друзей, Ралу, Укобаха и Рибезела, бургомистра, Шторра, Смайка и доктора Колибрила, собрались вокруг костра, чтобы рассказать обо всём, что с ними произошло.

История из множества историй

Во время этого привала было рассказано множество историй и можно с уверенностью сказать, что не было и не будет такого костра, вокруг которого рассказали бы столько невероятного.

Рала рассказывала о заключении в собственном теле, о Талоне-медведе и гримасе ужаса, о побеге в собственной крови и об ужасных солдатах смерти, которых она там встретила.

Рибезел описал героическую битву йети с медными парнями, рассказал о безглавых воинах, продолжавших дальше сражаться, о титанической силе Шторра-жнеца и губительной мощи его косы. Он рассказал о происхождении гомункелов и об их полной лишениях жизни.

Укобах рассказал о том, что он натворил в подвале Театра красивых смертей: об освобождении красного паука, кристального скорпиона и крысы-альбиноса. Он описал битву вольпертингеров против генерала Тиктака. Кроме того, он рассказал о Геле, о постройке городов-ловушек и о дрессировке вражеских. Только после этих историй вольпертингеры поняли связь между Гаунабом, Фрифтаром и Театром красивых смертей.

Доктор Оцтафан Колибрил дал точное научное описание Туманного города и господствующей в нём туманной медузы, а также поведал, как чувствует себя тот, кто временно сошёл с ума всеми четырьмя мозгами.

Смайк рассказывал, конечно, лучше и дольше всех. Он подробно и во всех деталях описал его приключения в мёртвой крови Ралы, встречу с несуществующими крошками – как же засияли в темноте в этот момент глаза Колибрила! – и постоянно изменяющим свой внешний вид солдатом смерти, которому он, в конце концов, сломал позвоночник. Он умолчал только об одной незначительной детали – обо всём, что касалось Драконгоры.

Шторр-жнец рассказал историю мёртвых йети. Описал первую встречу с Румо, как тот своим криком чуть не разрушил половину подземного мира, и каким идиотом он был, когда собрался пойти в Гел в одиночку со своим ножом для сыра.

В конце поднялся Урс и рассказал историю кончины Ушана де Люкки, без оружия выступившего против генерала Тиктака. О том, что учитель фехтования сделал это только для того, что бы спасти ему жизнь, Урс понял, когда увидел сердце Ушана в руке Тиктака. Поэтому он считает себя ему обязанным и желает продолжить дело Ушана и заняться фехтованием. Когда Урс снова сел у многих в глазах стояли слёзы.

Только Румо ничего не рассказывал. Он пытался несколько раз начать, но пока он собирался со словами и открывал рот, кто-то другой уже начинал свою собственную историю. Он не сожалел об этом, так как знал, что он опять расскажет всё шиворот навыворот.

Когда все без сил замолчали и попытались уснуть, чтобы набраться сил для дальнейшего похода, Гринцольд и Львиный зев заговорили с Румо.

– Почему ты ничего не рассказал? – спросил Львиный зев. – Наша история была бы самой лучшей. Битва в Нурненвальдском лесу. Ягдра Сил. Шка-тулка! Ледогруды. Вражки. Внутренности генерала Тиктака! Лучший материал для уроков истории героев!

– Я не умею рассказывать, – защищался Румо.

– Вместо этого ты позволяешь Шторру-жнецу над тобой издеваться, – сказал Львиный зев. – Отлично. Если это твой способ завоевать Ралу, то – спокойной ночи!

– Ты должен был убить Шторра, пока была возможность, – сказал Гринцольд.

– Не хочешь ли ты этим сказать, что больше не горишь желанием убить его? – спросил Львиный зев. – Откуда такие изменения, безжалостный воин-демон?

– Он нам ещё нужен, – пробурчал Гринцольд. – Он должен вывести нас из подземного мира. А затем мы убьём его.

Привал Врахоков

Гаунаб зашёл внутрь шатра и попытался уснуть. Но странно: чем больше вина и лекарств он выпивал, тем трезвее он становился.

– Я юсьбо, – прошептал он самому себе под одеялом. – Мучепо я юсьбо?

Король выскочил из шатра к свету факелов. Он подошёл к ограде платформы на своём врахоке. Далеко внизу простиралось тёмное королевство, в маслянистой воде светились голубым светом сталактиты. Почему этот вид вдруг так его испугал? Гаунаб отбежал к задней части платформы. Они там, врахоки, его солдаты, его армия. Сотни чудовищ со скрежетом идут в темноте по Привалу Врахоков – одной из пещер на пути к наземному миру. Летучие собаки воют и разрывают воздух своими кожаными крыльями. Почему он чувствует угрозу, почему он не чувствует себя защищённым и ему кажется, что его преследуют? Гигантская пещера как будто качается в беспокойном голубом свете врахоков и каждый каменный палец, свисающий с потолка, угрожает ему. Длинноногие тени бегут за ним – это врахоки или подземные демоны? Ледяные капли упали сверху на Гаунаба.

Почему Фрифтар не с ним, чтобы пожалеть его? Почему Гаунаб так одинок? Король склонился над оградой и закричал со страхом в темноту:

– Тарфриф! – кричал он. – Тарфриф! Мучепо я юсьбо?

Мембрана

Только во время пути по подземному миру вольпертингерам стало понятно, над каким беспощадным миром они до сих пор беззаботно жили. Каким тонким был потолок, их разделявший, и какой огромной была опасность, что дикие и злобные жители однажды нападут и принесут смерть и ужас в наземный мир.

Они видели червей с клещами размером с дерево; светящихся всеми цветами муравьёв размером с ладонь; земляных пауков, живущих в торфе и ужасно стонущих. Слой, разделявший подземный и наземный миры, казался теперь не толще мембраны, через которую мог пробраться любой, обладающий достаточной злобой и жестокостью. Это был мир, где мёртвые снова превращались в живых, где из трупов появлялись новые личинки и зверьё, где из компоста появлялась жизнь, а из крови – нурнии. Это был ужасный мир полный голодных чудовищ и странных звуков. Всё вокруг хлопало, трещало, рылось и скрипело, так как чем выше они поднимались, тем мягче становилась земля. Поход по подземному миру сплотил вольпертингеров сильнее, чем все предыдущие события. Каждый отвечал за каждого, каждый шаг мог быть смертельным или роковым для всех. Всюду царила опасность и никогда прежде они не следили так внимательно друг за другом.

Они преодолели тяжёлый путь из Гела через Грот водяных камней и спутанный лабиринт тоннелей и пещер и добрались до Мёртвого бора с его огромными, похожими на деревья камнями и вечным туманом. Пока они его проходили, то не встретили ни одного обезьяноподобного местного жителя, которые, наверное, не решались напасть на такой сильный отряд. Иногда слышались издали их раздражённые крики и сверху из тумана падали камни.

Румо предупредил всех, что нельзя есть чёрные грибы, но йети только отмахнулись и наелись ими до отвала. После этого они несколько часов подряд находились в приподнятом настроении, танцевали между каменных деревьев, бросались камнями в невидимых обезьян и тупо смеялись. Вскоре появились первые эльмы – маленькие крючконосые жители подземного мира, без усталости обрабатывающие землю Мёртвого бора – и Румо понял, что до Нурненвальдского дуба осталось недалеко. Он подбежал вперёд к Шторру-жнецу:

– Скоро мы пойдём по Нурненвальдскому лабиринту, – сказал Румо.

– Почему? – спросил Шторр.

– Это дорога, по которой я шёл.

– Ты прошёл через Нурненвальдский лабиринт? – Шторр посмотрел на Румо своими пустыми глазницами.

– Да, – сказал Румо. – А вы нет?

– Конечно, нет! – засмеялся Шторр. – Мы же не сумасшедшие.

– Но из Ледяных пещер ведёт только одна дорога в Гел – через Нурненвальдский лабиринт.

– Почему ты так решил? Подожди-ка – ты действительно прошёл через Ледяные пещеры? Там же кишмя кишит ледогрудами!

– Я знаю, – сказал Румо.

Шторр сухо засмеялся.

– Да ты выбрал самый опасный путь подземного мира, мой мальчик! Поздравляю! Эй, парни! – крикнул он остальным йети.- Этот малыш прошёл через Ледяные пещеры и через Нурненвальдский лабиринт!

– А почему он до сих пор жив? – спросил кто-то из толпы.

Шторр ухмыльнулся.

– Каждый раз, мой друг, когда ты открываешь рот, я всё больше сомневаюсь в твоём умственном здоровье. Почему ты сразу не полез в Пещеры вражеских?

Румо не ответил.

– Есть прямая дорога, идущая над Ледяными пещерами и под Нурненвальдским лабиринтом, – сказал Шторр. – По ней мы и пойдём.

– А почему ты не сказал мне о ней, когда я тебя спрашивал? – сказал Румо. – Ты только сказал, что в подземном мире существует множество дорог.

– И я не соврал, – ответил Шторр.

Сумма всех мучений

Никто – ни солдаты, ни врачи, ни алхимики – не решались приблизиться к Фрифтару. То, что происходило на троне с королевским советником, было неопишимо, не произносимо и гарантированно ужасно заразно. Даже на приличном расстоянии все чувствовали угрозу и попытались отойти подальше. Поэтому вскоре Фрифтар остался совершенно один в Театре красивых смертей – единственный актёр собственного спектакля, выступающий перед мёртвыми зрителями.

Но то, что происходило снаружи с его телом, было лишь слабым отблеском происходящего внутри него. Выступление подкожного эскадрона смерти в кровеносной системе Фрифтара затеняло любое представление, сыгранное на арене Театра красивых смертей, и ни один руководитель, даже сам Фрифтар, не смог бы поставить такой полный ужасной фантазии спектакль. Способность солдат подкожного эскадрона смерти изменять внешний вид только сейчас приобрела настоящий смысл – вызывать

боль всех видов. Для этого использовались клещи и шипы, яды и кислоты. Боль, которую испытывал Фрифтар была страшнее суммы всех мучений, когда-либо испытанных в этом театре. И это был далеко не конец, так как болезнь Тихона Цифоса достигла своего истинно ужасного масштаба только в теле Фрифтара.

He сон

Гаунаб очнулся от беспокойного сна. Голова его гудела. Какой это был ужасный сон! Он ездил на врахоке далеко за Гелом и его преследовали огромные демоны, вооружённые острыми сталактитами, а предки танцевали вокруг него и обзывали трусом.

Где пропадает Фрифтар с завтраком?

Гаунаб встал с кровати, голым подошёл к занавескам и открыл их. Король сразу же отскочил назад и с трудом подавил крик ужаса – перед ним простиралась огромная пещера и стая летучих собак, с сидящими на них солдатами с факелами, пролетела мимо. Свет факелов осветил спину тяжело посвистывающего врахока, на котором находился Гаунаб. Пахло морем и нефтью, а с потолка пещеры угрожающе свисали огромные камни.

Гаунаб отбежал назад, закрыл занавеску и, наконец, пришёл в себя. Он с содроганием всё вспомнил: это был не сон, он был повелителем врахоков, Фрифтар и Гел были далеко-далеко отсюда. Он еле сдержал желание снова спрятаться под одеялом и выпить литр снотворного.

– Ваше величество? – спросил кто-то снаружи. – Вы проснулись?

– Да, – ворчливо ответил Гаунаб. – Я снулпрос.

– Я думаю, ваше величество будут рады услышать, что мы уже преодолели большую часть пути, – сказал голос, принадлежащий одному из генералов. – Согласно нашим расчётам, не исключено, что мы уже сегодня встретим вольпертингеров.

– Да, да, – сказал Гаунаб. – И что?

– Я упомянул это, поскольку в тот момент нам понадобятся ваши чёткие приказания.

– Да, да, – сказал Гаунаб. – Вы всё течилупо.

Приказы, ну да. С этим он разберётся. Он просто прикажет заставить врахоков сожрать тупых вольпертингеров. Что в этом сложного?

Гаунаб выпил глоток бодрящего зелья и надел королевские одежды. Затем он вышел наружу.

У нефтяного озера

Длинный путь, по которому их вёл Шторр, проходил через маленькие пещеры и низкие тоннели, в которых кроме эльмов и летучих мышей не обитали больше никакие неприятные создания. Румо тихо проклинал Шторра за то, что он не показал ему эту дорогу, но с другой стороны он бы тогда не наткнулся на Укобаха с Рибезелем и неизвестно, как бы тогда закончилось его приключение. Судьба идёт своим собственным путём и он не всегда самый прямой.

Вольпертингеры уже давно почуяли нефтяное озеро. Румо был удивлён, что запах, сперва показавшийся ему неприятным, сейчас действовал на него успокаивающе. Это был последний этап пути, который им пришлось пройти с помощью Шторра. Они были уже почти дома.

Небольшой отряд йети охранял лодки на берегу озера. Они особо много не разговаривали, Шторр пробубнил несколько коротких приказов, и лодки начали заполняться пассажирами. По следующей команде лодки отчалили от берега и скрылись в светящемся тумане.

Впервые беспокойство беглецов, сопровождавшее их всю дорогу, немного ослабло. Йети похвалялись перед своими приятелями победой над медными парнями, а многие вольпертингеры, воспользовавшись возможностью, уснули. Рала молча, сидела на корме лодки, в которой находился и Румо. Может быть, это тревожное чувство её близкого присутствия или мягкое покачивание лодки, или равномерный плеск нефтяных волн, но, скорее всего, в первую очередь, это было полное изнеможение, так как Румо уснул, сидя.

Большое недоразумение

– Мы почти на месте, ваше величество, – крикнул кто-то в тёмный шатёр короля. – Мы поднялись вверх и приближаемся к нефтяному озеру. Наши разведчики, которых мы послали вперёд на летучих собаках, доложили, что вольпертингеры сейчас переплывают через озеро. Мы послушно ожидаем ваших приказаний.

Гаунаб мрачно хрюкнул. Обязанности, одни только обязанности. Он хотел как можно быстрее со всем разобраться и вернуться в Гел. Поэтому он со стоном поднялся и вышел из шатра.

Они находились в пещере, которая была меньше и светлее Зала Гаунаба и теплее морозной пещеры Привал врахоков. Здесь все камни светились флуоресцентным светом, а с потолка капал голубой дождь. Когда Гаунаб перегнулся через перила платформы, то увидел внизу туман, выходящий вокруг ног врахоков. У него закружилась голова и он отскочил назад.

Поддюжины генералов, элита Гела, стояли вытянувшись перед ним и ожидали приказов короля. Так как никто больше не появлялся, а Гаунаб просто глупо следил за идущими позади них врахоками, то один из генералов сказал:

– Сейчас самый подходящий момент, ваше величество, сообщить нам ваши далеко ведущие стратегические планы. Фрифтар приказал нам не утруждать вас без необходимости. Но он также упомянул, что в этом месте нашего похода мы должны обратиться к вам. Вы должны отдать приказ к атаке.

– Да, – сказал Гаунаб. – Шорохо.

Генералы с нетерпением смотрели на Гаунаба.

– Что? – рявкнул он.

– Приказы, ваше величество, – решился сказать один из них. – Должны мы подождать, пока вольпертингеры вернутся в свой город, или мы должны напасть сейчас? Если мы хотим исполнить Красное пророчество, то мы должны подождать, когда они вернутся в город. В пророчестве ясно идёт речь о войне в наземном мире.

Гаунаб задумался. Нет, это всё оказалось сложнее, чем он думал! Почему этот идиот Фрифтар ничего ему об этом не рассказал? Исполнить Красное пророчество? Или напасть сейчас? А нельзя ли напасть сейчас, а потом заставить летописцев написать, что Красное пророчество было исполнено? Да, так можно. Он же король. Всё надо решить тут и сейчас. А потом назад, в Гел. Он глубоко вдохнул:

– Я юлаже, бычто киховра чассей же липана на ровгетинперволь и лижитоничу их! – приказал он.

Генералы непонимающе уставились на него.

– Что? – спросил один из них.

Гаунаб откашлялся.

– Я юлаже, бычто киховра чассей же липана на ровгетинперволь и лижитоничу их! – повторил он немного громче.

Генералы нервно смотрели друг на друга. Подобной ситуации ещё никогда не возникало. Никто никогда не говорил королю в лицо, что его никто не понимает.

– Вы лилохог? – грубо крикнул Гаунаб. – Я залкапри, бычто етыля-про киховра чассей же липана на ровгетинперволь и лижитоничу их! Тоэ так нослож нятыпо?

– Прощу прощения, ваше величество, – смело сказал генерал. – Но мы не понимаем ваши приказы.

Остальные взбешённо посмотрели на него, будто он произнёс их смертный приговор.

Голос Гаунаба стал тише и вкрадчивее:

– Вы няме не тееманипо? – спросил он. – Я рноверна нонятнев рюво-го? Жетмо быть я юскаиза?

С озера ветер донёс тухлый запах и огромный вражок нервно дёрнулся, так что все на платформе немного качнулись.

Вдруг Гаунаб стал совершенно спокойным. Его злобная ухмылка растянулась ещё шире, а взгляд опустел. В нём зазвучали голоса, голоса умерших Гаунабов.

– *Слышишь нас, Гаунаб?* – спросили они.

– *Это мы.*

– *Гаунабы в тебе.*

Гаунаб восторженно слушал. Голоса, наконец-то! Они скажут ему, что надо делать.

– *Мы гордимся тобой, Гаунаб!*

– *Так как ты кровь нашей крови!*

– *Мозг нашего мозга!*

– *Великий погонщик вражков!*

– *Хочешь это всё так оставить?*

– *Такое оскорбление его величества?*

– *Они только притворяются, что не понимают твоих приказов!*

– *Они выставляют тебя идиотом, который не может нормально разговаривать!*

– *Они хотят стать важнее тебя и перенять командование.*

– *Ты не можешь этого допустить, Гаунаб!*

– *Во имя всех Гаунабов: ты должен их наказать!*

– *Наказать, Гаунаб!*

– *Наказать!*

Когда король вышел из транса, то всё уже было сделано.

Один из генералов, поддёргиваясь, лежал на полу, и из его разорванного горла брызгала кровь. Остальные испуганно отошли назад.

Гаунаб поднялся. Как обычно, после таких эксцессов он был ужасно уставшим.

– Что случилось? – крикнул один из погонщиков врахоков. – Врахок выходит из-под контроля.

Гигант под ними задрожал, его панцирь завибрировал под ногами гелцев. Он остановился и засвистел беспорядочно и беспокойно.

Гаунаб вытер кровь с губ.

– Что с ним? – спросил он. – Что с комховра?

Гипноз прекращается

Панцирь животного завибрировал ещё сильнее. Внутри него забурили и запенились желудочные соки.

– Врахок почуял кровь! – крикнул один из генералов. – Он просыпается!

– Ваше величество! – закричал другой генерал на короля. – Как вы могли пролить кровь на врахоке? Теперь ему интересна только кровь! Вам что, ничего неизвестно об этих чудовищах?

Нет, Гаунаб ничего не знал. Да ему это и не нужно было. Он же король. Какое право имеет этот червяк разговаривать с королём в подобном тоне?

С быстротой молнии оказался Гаунаб у горла генерала. Одним укусом он вырвал у него кадык и выплюнул его через перила платформы.

– Так, – сказал. – Ты шеболь не дешьбу ритьвого со мной в номдобпо нето!

Гаунаб отпустил свою жертву. Генерал, хрипя, стоял у перил, пытается рукой закрыть рану. Кровь его лилась на врахока.

– Я юманирепе енивадоманко! – заревел Гаунаб. – Где рыгетинперволь? Я чухо их житьтоничу!

Раздался звук, как при сильном ветре, и у перил платформы появился прозрачный хобот. Он целенаправленно полз по платформе к кровоточащему генералу, затем с хлюпаньем раскрылся, накрыл собой жертву и втянул в себя. Генерал полетел по хоботу, как безжизненная кукла, а врахок под ними издал громкий, возбуждённый свист.

Хобот быстро приподнялся, дрожа от жадности, а затем опустился на другого окровавленного генерала и проглотил его. После этого он опять поднялся над платформой в поисках еды.

Генералы закричали на погонщиков врахока, но они уже давно потеряли над ним контроль. Некоторые уже крутили лебёдки, чтобы спуститься в спасательных корзинах.

Гаунаб бросился к своему трону. Он влез на него и крепко пристегнулся королевским ремнём безопасности.

– Я – ролько! – кричал он. – Хоквра, я ювазыкапри снянитьчипод мне!

Хобот полз по платформе, всасывая генерала за генералом, не обращая внимания на их высокие звания. Некоторые предпочли спрыгнуть вниз и разбиться, чем оказаться в желудке врахока. Воздух был наполнен бессмысленными приказами и воплями отчаяния.

На соседнем врахоке начался такой же беспорядок. Все монстры просыпались от гипноза, жадный свист становился громче, экипажи на платформах впадали в панику, беспорядочно поливали врахоков алхимическими эссенциями или пытались спуститься с них вниз. Кто не успел сбежать, был всосан ревущими хоботами, которые умудрялись всасывать даже высоко вверх парящих летучих собак вместе с их всадниками.

Гаунаб вцепился в трон. Над ним поднялся ветер, с силой тянущий его тело, поднимающий вверх всё, что свободно валялось на платформе: сумку со стратегическими картами, различные оружия, щит с гербом Гела и множество фляжек. Гаунаб посмотрел вверх. Прямо над ним находилось отверстие хобота самого большого врахока.

Гаунаб всех Гаунабов

Но король не боялся. У него был отсутствующий взгляд, его ухмылка растянулась от одного уха к другому. Он слушал голоса своих предков.

– Не бойся, Гаунаб! – кричали они.

– Ты – Гаунаб всех Гаунабов!

– Властелин подземного мира!

– С тобой ничего не может произойти!

– С нами ничего не может произойти!

– Мы вечны!

Нет, он не был в опасности. Они не были в опасности. Только не короли Гела. Они вечны. Ремень безопасности крепко прижимал его к трону. Тянувший ветер может дуть сколько угодно, Гаунаб, как приклеенный, сидел на своём троне.

– Я – Набгау Ланаг Кахадазиа Бенг Леле Атуа тоносвяде тыйвяде! – кричал он в сосущую трубу над собой. – Я – ролько! Я – Набгау всех Бовнагау! Я ювазыкапри бете...

Первые болты, прикреплявшие трон к платформе, оторвались и пролетели мимо ушей короля вверх.

– Я ювазыкапри мне снянитьчипод!

Раздался грохот и Гаунаб увидел, как большой кусок платформы около трона оторвался и полетел в хобот. Трон качался, как при землетрясении.

– Я ювазыкапри бете....

Ещё раз раздался грохот и Гаунаб вместе с троном взлетел в воздух. Последний законный правитель Гела был облит едкой кислотой, когда он вместе с троном влетел в желудок самого большого из существующих врахоков.

Запах смерти

Румо проснулся. Его разбудил ни звук, ни удар, его разбудил запах. Сонный поднял он голову, принялся – это тревожный, пугающий запах Чёртовых скал, вонь тысяч сгнивших морских паразитов, запах смерти, который будет преследовать Румо всю его жизнь.

– Идут циклопы, – сказал он сонным голосом.

– Циклопы? – Урс, сидевший перед ним в лодке, обернулся. – Нет, это врахоки.

Румо медленно приходил в себя.

– Судя по запаху их очень много.

– Почему мы ничего не слышим, – спросил Урс.

– Я видел, как врахоки идут через озеро, – сказал йети, управляющий лодкой. – Они передвигаются по нефти так медленно и беззвучно, как привидения. Жутко. Инстинкт им подсказывает, как опасно в этой пещере вызывать сотрясения.

– И сколько их? – спросил Урс.

– Несколько сотен, – прикинул Румо. – Наверное, все, которые у них есть.

– До берега уже недалеко, – сказал йети. – Мы успеем доплыть.

– Врахоки могут везде пройти, – сказал Румо, – Даже подняться вверх по лестнице в Вольпертинг, если это необходимо. Мы должны с ними сражаться.

Первые лодки уже причалили к берегу. Вольпертингеры и йети собиравались на берегу и помогали остальным высаживаться. Когда все вышли на берег, начался совет.

– Вы же не серьёзно, – сказал Шторр. – Вы не можете сражаться с врахоками. Не с таким количеством.

– Нам не остаётся ничего другого, – ответил Румо. – Мы не должны позволить им подняться вверх. Мы последние, кто стоит между ними и наземным миром. Я знаю, как можно с ними разделаться. Нужно дать им себя всосать, а затем...

Шторр положил костяную руку на плечо Румо и снял свой капюшон. Его чёрный череп блестел, а зубы скрипели.

– Послушай, малыш, ты не должен мне каждый раз доказывать, насколько ты безумен. У вас нет никаких шансов против врахоков.

– Но я уже одного убил, – сказал Румо.

– Ну, конечно, парень! Конечно, ты убил! – засмеялся Шторр.

Над озером пролетел отвратительный запах, практически у всех перехвативший дыхание. Вдали, частично скрытые светящимся туманом, беззвучно шли врахоки.

Врахоки идут

Все подошли к берегу, чтобы посмотреть на это шествие. Очень медленно и осторожно шагали они по нефти, шупальца их при этом безостановочно ощупывали воздух вокруг. Только суставы их гигантских ног поскрипывали и пощёлкивали. Из темноты появлялись их тела и быстро приближались к берегу. Действительно, там были сотни врахоков, все врахоки Гела.

Шторр со своими парнями отошёл от вольпертингеров и они, шепчась и похрюкивая, совещались. Их разговор постоянно прерывался диким смехом и бешеным рычанием. Затем Шторр вышел вперёд.

– Хорошо, парень, – сказал он, становясь перед Румо со своей косою. – Я понял. Всё дело в тебе и во мне.

Румо удивлённо на него глядел.

– Но я тебе покажу, Румо. Я покажу тебе, кто здесь, внизу, самый сумасшедший.

– Ты о чём? – спросил Румо.

Шторр злобно фыркнул и повернулся ко всем вольпертингерам.

– Слушайте все! Сейчас вы будете делать именно то, что я вам скажу! Убегайте или оставайтесь – мне безразлично. Но не пытайтесь вмешаться! Смотрите спектакль или уходите в безопасное место. Решайте

сами. Я бы на вашем месте остался, так как тут будет на что посмотреть. Я вам гарантирую.

Шторр ещё раз положил свою лапу на плечо Румо:

– Для меня было честью с тобой познакомиться, Румо. Ты настоящий придурок.

Румо всё ещё стоял ошарашенный.

– Что ты хочешь сделать? – спросил он.

– Тебя не касается, – ответил Шторр. – Это дела йети. Но ты должен мне кое-что пообещать.

– Что же? – спросил Румо.

– Что ты, в конце концов, отдашь ей эту проклятую шкатулку.

Румо кивнул и опустил голову.

Шторр повернулся и пошёл к своим парням, которые уже садились в лодки.

Вольпертингеры шёпотом переговаривались. Что задумали йети?

Шторр и его мёртвые йети отчалили от берега. Вожак встал со своей косой во весь рост в лодке и в последний раз обратился к вольпертингерам. Он говорил тихо, как тогда, когда впервые встретил Румо.

– Я скажу вам ещё кое-что, – прошептал он. – Если я, действительно, когда-нибудь и встречал настоящего героя, то это вон того сумасшедшего, который отзывается на название карточной игры. Но я уверен, что мы с моими парнями сможем переплюнуть его. Итак, открывайте глаза и смотрите, как работает Шторр-жнец со своей армией мёртвых йети! И смотрите внимательно, так как тут и сейчас будет писаться история и совершаться подвиги! Расскажите об этом вашим потомкам и расскажите правильно, иначе к вам ночью придёт дух Шторра-жнеца и перережет косой горло!

Голубое светящееся облако налетело на лодки и скрыло их. Теперь был слышен только скрежет шагающих вражков.

– Очень самоуверенная речь, – прервал Укобах через некоторое время всеобщее молчание.

– Они хотят сразиться с вражками? – спросил Рибезел.

– Это было бы самоубийством, – ответил Укобах. – У них нет ни малейшего шанса. А в лодках тем более. Может они знают какое-то убежище, где смогут спрятаться?

Никто не двигался с места. Как зачарованные смотрели они, как рассеялся туман и снова открыл вид на лодки. Мёртвые йети во весь рост стояли в своих челноках и плыли прямо на вражков.

Расстояние между вражоками и лодками было не больше двухсот метров. Даже если бы Шторр и его парни передумали, уже было поздно поворачивать.

– Споём, ребята? – вдруг неожиданно громко и чётко крикнул Шторр, так что его слова долетели и до вольпертингеров.

– Споём! – крикнул кто-то в ответ. – Отличная идея. Как и всегда.

Йети засмеялись.

Вольпертингеры непонимающе стояли на берегу.

– Что они делают? – спросила Рала.

Румо указал на каменные сосульки на потолке.

– Они хотят для нас умереть, – сказал он.

Запах приближавшихся вражожков становился невыносимее. В беспомощном бешенстве Румо обхватил рукоятку своего меча.

– *Он жертвует собой*, – сказал Гринцольд. – *Шторр-жнец жертвует собой.*

– *Они все приносят себя в жертву*, – сказал Львиный зев.

– Кто-нибудь знает хорошую песню? – крикнул Шторр.

– Кровавая песня!, – ответил один йети. – Других мы не знаем.

– Хорошо! – сказал Шторр. – Значит Кровавая песня!

Он выпрямился.

– Кровь! Кровь! – запел он. – Брызжет издалека!

Кровь! Кровь! Кровь!

Льётся на платье врага!

Кровь! Кровь! Кровь!

Брызжет издалека!

Кровь! Кровь! Кровь!

Всем навсегда!

– Кровь! Кровь! – повторяли йети хором.

Брызжет издалека!

Кровь! Кровь! Кровь!

Льётся на платье врага!

Кровь! Кровь! Кровь!

Брызжет издалека!

Кровь! Кровь! Кровь!

Всем навсегда!

Эхо их ужасного пения заполнило пещеру и вспугнуло летучих мышей.

– Размахивай клинком и руби врага! – пел Шторр.

Руби и пой! Убивай всегда!

- Размахивай клинком и руби врага! – повторяли йети.
Руби и пой! Убивай всегда!
– Кровь! Кровь! Брызжет издалека! – орали они все вместе.
Кровь! Кровь! Кровь!
Льётся на платье врага!

Потолок пещеры затрещал. Огромный камень оторвался и, как копьё, полетел вниз. Он пробил точно посередине панцирь одного из самых крупных врахов, пролетел через его внутренности и вылетел снизу, разрывая на куски голубой живот. С глухим шлепком упал он в нефть, сопровождаемый каскадом внутренностей и светло-голубой слизи врахока. Вражок ещё одно мгновение стоял вертикально, затем жалостливо протрубил, все его двенадцать лап подогнулись и он свалился вниз, как карточный домик.

Крик и звуки, издаваемые при падении, разлетелись по всей пещере, и снова потолок затрещал, но в этот раз во многих местах одновременно. Вниз, на врахов и на йети полетел дождь огромных сталактитов. Они потопили множество лодок, но и вражки гибли десятками. Среди чудовищ возникла паника. Воя, свистя и трубя, бросились они во все стороны, толкаясь и спотыкаясь друг о друга.

– Пещера рушится! – крикнул кто-то и вывел вольпертингеров из транса. Они ещё несколько мгновений смотрели на спектакль, затем все повернулись и бросились бежать, быстрее и быстрее. Рала схватила Румо за руку и они побежали вместе.

Гигантские камни продолжали падать, а нефтяные волны, вызываемые их падением, сбивали с ног врахов и топили лодки йети. Сталактиты падали теперь и на сушу и вдребезги разбивались между бегущими вольпертингерами, осыпая их дождём мелких обломков.

Крики врахов смолкли. Всего несколько чудовищ продолжали стоять на ногах, размахивая вокруг себя щупальцами. Рёв, громче, чем все предыдущие, пронёсся по пещере, и сверху обрушилось чёрное облако песка, глины и камней, накрывшее стоящих врахов и похоронившее их под собой. Какое-то время эхо гудело в пещере, затем всё стихло.

Вольпертингеры всё ещё бежали, но только теперь некоторые из них решились остановиться. Все посмотрели вверх. Потолок пещеры оставался невредимым – он лишь послал вниз армию камней, достаточную для уничтожения врахов, а вместе с ними и Шторра-жнеца с его отважными мёртвыми йети.

Недалеко от Ралы и Румо стоял Йодлер-с-гор, бургомистр. Он отрянул пыль с шерсти, осмотрелся вокруг и сказал:

- Так, теперь мы все идём домой.

Триумф алхимика

Бой закончился, но настоящее, крупное сражение ещё впереди. Подкожный эскадрон смерти Тихона Цифоса вышел из праха Фрифтарга – мучительно умершего бывшего советника короля и руководителя Театра красивых смертей.

После того, как он, наконец, умер, его сердце остановилось, его мясо, органы и кости были, клетка за клеткой съедены, подкожный эскадрон смерти покинул маленькую кучку останков побеждённого – горсть косяной пыли. Он парил над пустым зрительным залом театра, над пустым коридором тюрьмы, в поисках жизни для дальнейшего разрушения взлетел вверх к медным парням, но нашёл только тела, в которых уже другие проделали их работу. Невидимая, микроскопическая армия добралась до стен театра и полетела дальше.

Наконец-то! Там внизу во все стороны простирался Гел – город полный жизни. Подкожный эскадрон смерти спикировал вниз, на Гел, исполняя проклятие Тихона Цифоса: *Пусть Гел со всеми его жителями будет сожран изнутри, как я сейчас.*

Площадь Чёрного купола

Впервые после того, как Румо спустился в подземный мир, на площадь Чёрного купола шагнул вольпертингер, а за ним и другие, поднимавшиеся из чёрной шахты. Уже спустились сумерки, а в тёмно-синем небе висело несколько облаков. Вольпертингеры жадно вдыхали свежий воздух и наслаждались последними согревающими лучами заходящего солнца. Некоторые из них отряхивались, будто пытались сбросить запах и воспоминания о подземном мире.

Вскоре площадь вокруг чёрной дыры и близлежащие улицы заполнились вольпертингерами. Никто не уходил, все ждали заключительного слова, которое поставит точку во всём произошедшем и отделит прошлое от будущего.

Все смотрели на бургомистра, который уже давно искал подходящие слова, нашёл их и ждал нужного момента. Он расправил плечи, все замолчали и Йодлер-с-гор произнёс историческую фразу:

– Чёрт, нам нужна огромная крыша, чтобы закрыть эту уродливую дыру.

Никто не говорил, никто не двигался, никто не соглашался и не аплодировал – это были не совсем те слова, которые все ждали, которые соответствовали перенесённой боли и потерям и могли быть внесены в анналы города. Но вольпертингеры знали, что это были правильные слова. Так что они стали расходиться, а мастеровые города уже прикидывали из каких материалов можно сделать крышу.

– Я что-то не то сказал? – спросил бургомистр.

– Нет, – сказал кто-то, стоящий возле него. – Вы попали прямо в точку, забили гвоздь прямо в голову.

Это был Волцотан Смайк, стоящий рядом с доктором Оцтафаном Колибрилом.

Бургомистр задумался – про гвоздь и голову это может быть намёк на вмятину на его голове? Но затем он отбросил эти мысли. Он же на службе. В Вольпертинге чужие – это новая и сверхактуальная политическая ситуация. До сих пор ни один чужак не допускался в Вольпертинг. Но он не мог их просто так вытолкать за ворота, в конце концов, они помогли с освобождением. Они вернули жизнь Рале. Сейчас от него требовалось гостеприимство. Ух, вторая ситуация за последние несколько минут, требующая искусно сформулированной речи.

– Для нас было бы радостью предоставить место в нашем городе дружественно настроенным путникам, – сказал, наконец, Йодлер-с-гор. Уффф! Хорошо, что он вспомнил традиционную фразу Атлантического союза путешественников. Он просто заменил "костёр" на "город".

– О! – ответил Смайк. – Мы благодарны за предоставленное гостеприимство...

– ...и клянёмся, – торжественно продолжил доктор Оцтафан Колибрил, – не преступать границ дозволенного.

Бургомистр с облегчением вздохнул. Но что он должен делать с другими чужаками, теми, из подземного мира? Бургомистр озабоченно посмотрел на них.

Укобах и Рибезел стояли в последних лучах уходящего солнца.

– Этим воздухом можно дышать, – сказал Укобах. – Если он и отравлен, то это яд скрытого действия.

– Солнце, кажется, не сжигает нас, – сказал Рибезел, всё ещё защищаясь руками от его лучей. – И мы не расплавляемся или ещё что-то там.

– Подождите до завтрашнего полудня, – усмехнулся стоящий рядом с ними Урс. – Вот тогда оно будет светить по-настоящему.

– Солнечный свет имеет различную силу? – удивился Укобах.

– Сейчас солнце садится и тогда оно совсем не светит, – сказал Урс. – Будет холодно. И темно. Где вы будете ночевать?

Укобах пожал плечами.

– Об этом мы ещё не думали, – ответил Рибезел.

– Тогда идёте ко мне. Мне кажется, что с сегодняшнего дня в нашем доме в переулке Гота есть одна пустая комната, – и он кивнул головой в сторону Румо и Ралы. Они оба всё ещё, молча, стояли посреди площади.

Город проветривается

– Хочешь проводить меня домой? – спросила, наконец, Рала. – Уже ночь и улицы этого города слывут очень опасными.

– Да, – сказал Румо.

Они, молча, пошли по переулкам. Дома наполнялись жизнью, открывались всюду ставни, зажигались свечи, выбивались одеяла, отовсюду был слышен смех и звон посуды. Вольпертинг проветривался.

Они дошли до дверей дома Ралы. Рала посмотрела на Румо и взяла его за левое предплечье. Она раздвинула там шерсть и оголила безболезненный шрам:

Рала

– стояло там. Затем она зашла в дом, оставив дверь открытой.

Румо ещё раз закрыл глаза.

Да, она здесь, серебряная нить. И она вилась через дверь в дом Ралы.

– *Иди уже!* – сказал Львиный зев.

И Румо неуверенными шагами последовал за Ралой, крепко вцепившись в рукоятку своего меча, будто ища опоры.

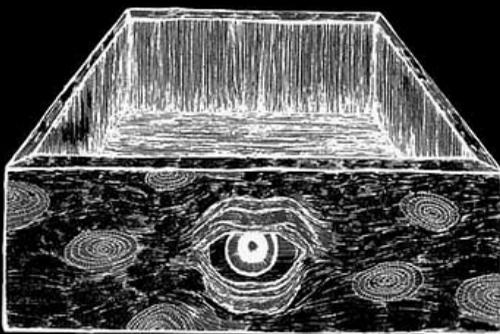
– *Покажи ей шкатулку,* – прошептал Львиный зев. – *Покажи ей шкатулку из нурненвальдского дуба.*

– *Да,* – сказал Гринцольд. – *Она будет в отпаде.*

И здесь закрывается ящик с буквой Р.

Он закрывается из-за скромности,
так как Рала должна сейчас посвятить Румо
в тайну чуда любви.

Поскольку есть чудеса,
которые должны происходить только в темноте.

Вальтер Мёрс. Румо и чудеса в темноте

Фэн-арт

© MYNOK, <http://www.toonsup.com/mynok>

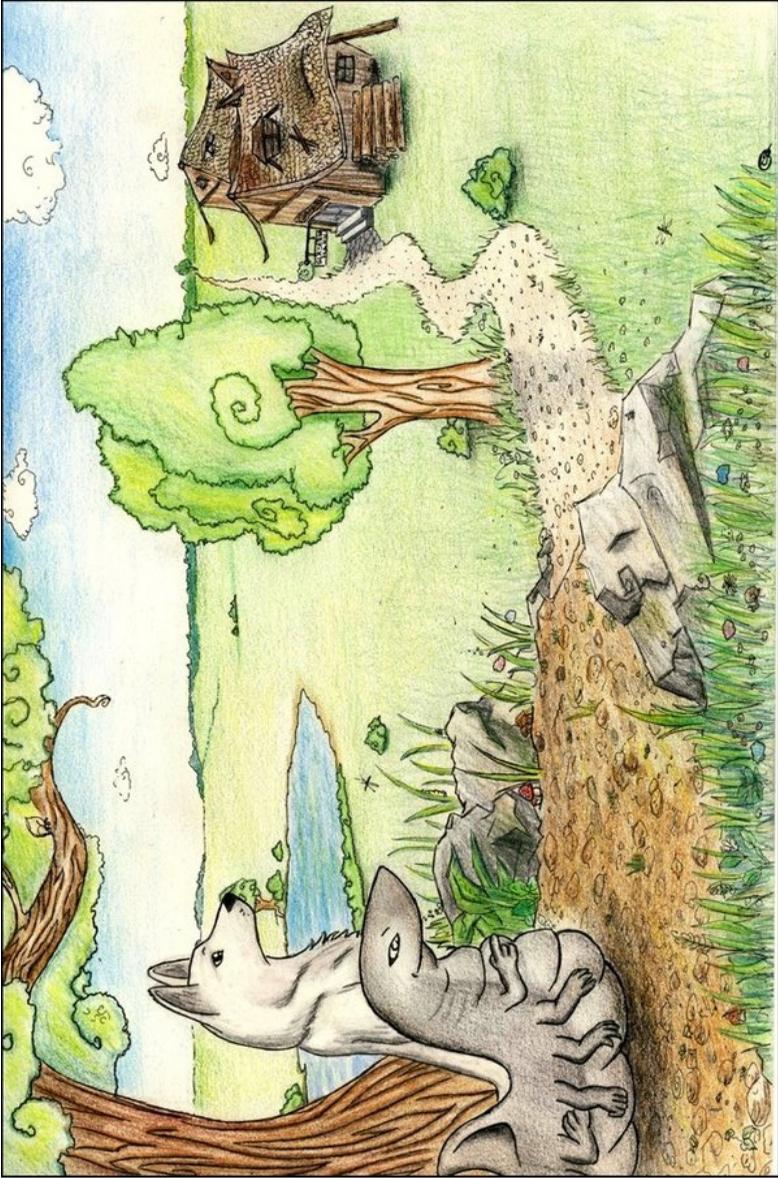
RUMO

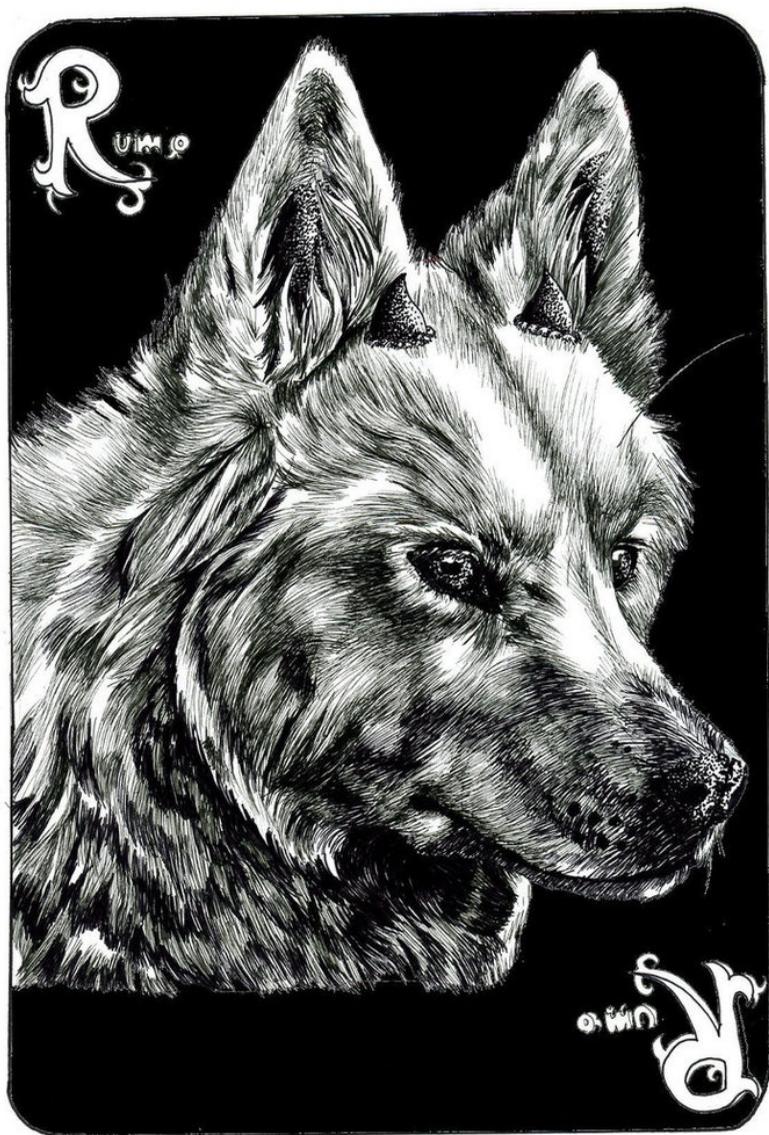
& Die Wunder im Dunkeln / Part two
- A TRIBUTE TO WALTER MOERS -

© MYNOK, <http://www.toonsup.com/mynok>

© aiken-ka, <http://aiken-ka.deviantart.com>

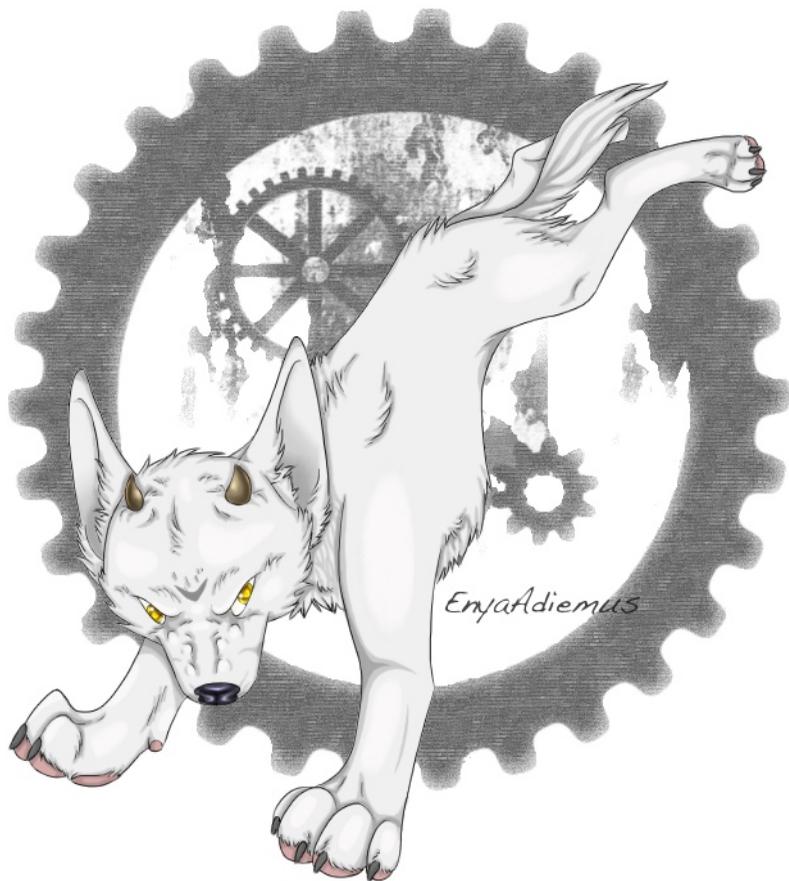

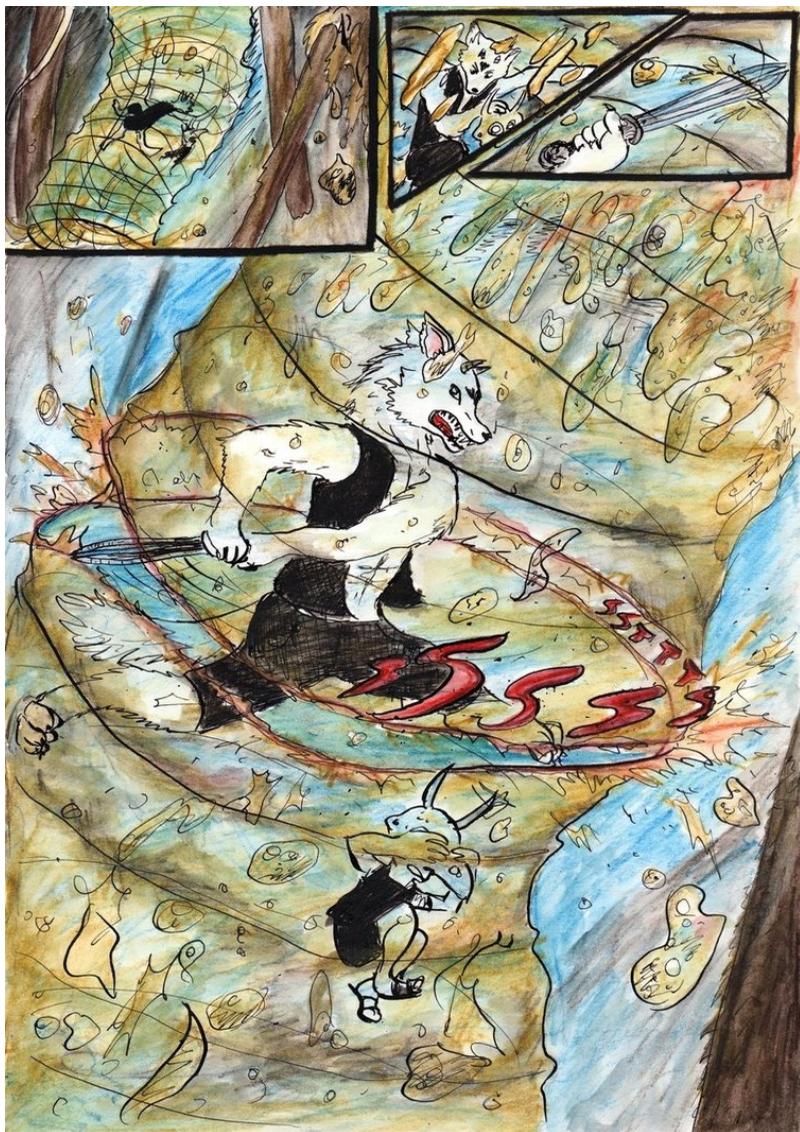

© killskerry, <http://killskerry.deviantart.com>

Вальтер Мёрс. Румо и чудеса в темноте

Вальтер Мёрс
Румо и чудеса в темноте
Книга вторая

Роман

Пер. с немецкого
rumo-dwid.livejournal.com

Все тексты и иллюстрации взяты из свободных источников с указанием авторских прав

В серии вышли:

1. Э. Р. Э. Эддисон «Змей Уроборос»
2. Барри Хьюарт «Хроники мастера Ли и Десятого Быка»
3. Э. Р. Э. Эддисон «Владычица из владычиц»
4. Э. Р. Э. Эддисон «Зимиамвия»
5. Джордж Макдональд «Томас Уингфолд»

В следующих выпусках:

- Э. Р. Э. Эддисон «Стирбёрн сильный»
- Джордж Макдональд «Донал Грант. Сказки»
- Татьяна Тайганова «Избранное»
- Михаил Пухов «Рассказы»